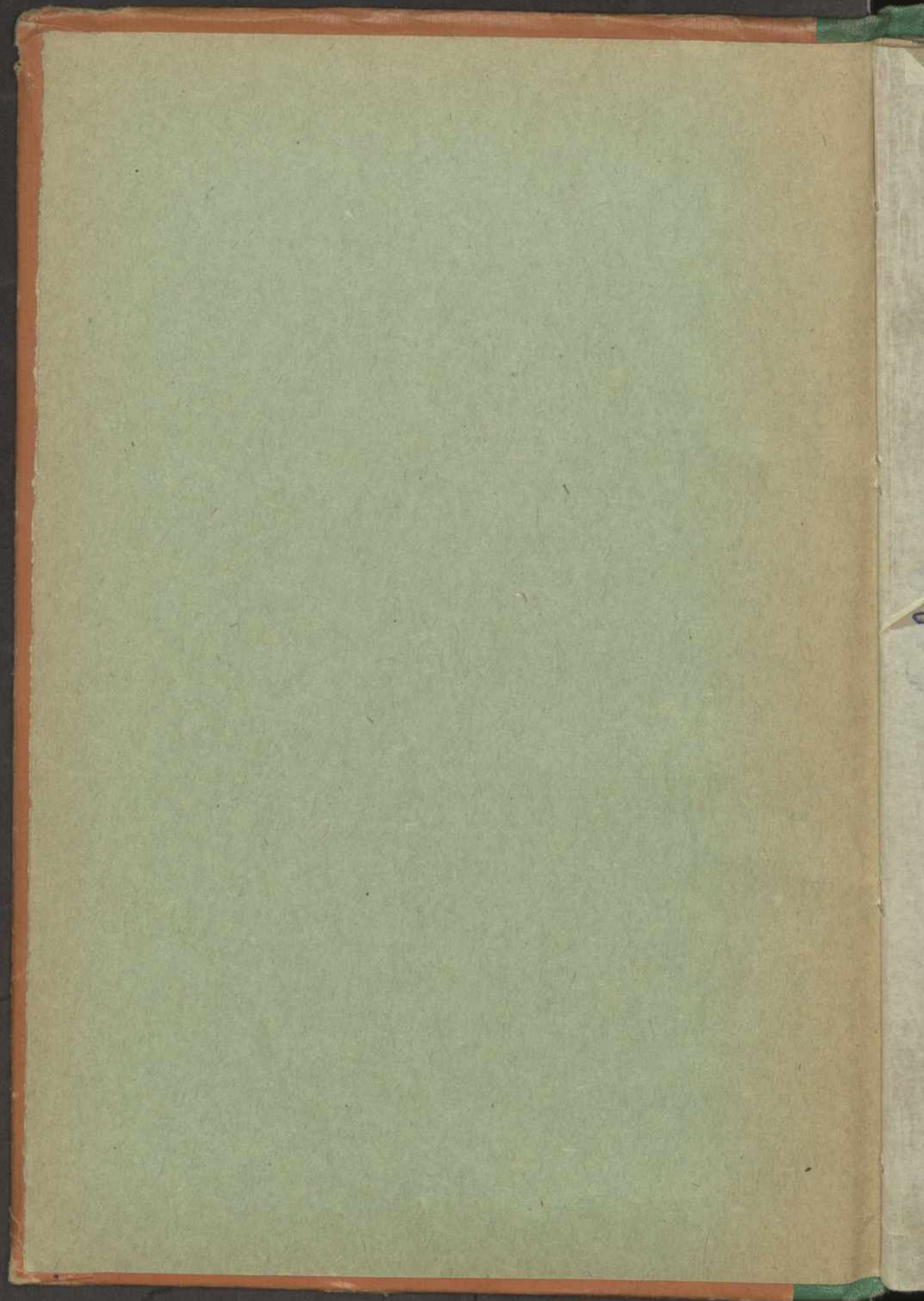
Працы
БДУ
№12
1926 г.

Соцыялістычная Савецкая Рэспубліка Беларусі
Белорусская Социалистическая Советская Республика

ПРАЦЫ

Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту
ў Менску

Les Annales

de l'Université de la Ruthénie-Blanche.

1926 г. | № 12.

Дзяржаўнае Выдавецтва Беларусі
МЕНСК—1926

СОДЕРЖАНИЕ

400 экз.

1926 г. **№ 12.**

ПРАЦЫ

Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту

LES ANNALES

de l'Universitè de la Ruthénie-Blance

В. Дружчыц.

Места Менск у канцы XV і пачатку XVI ст.

Менск, летапісны Менеск, ўспамінаецца ў летапісах пад 1066-67 годам, у часы барацьбы Кіеўшчыны з Палаччынай. Менск, аднак, напэўна, існаваў, як насельны пункт, многа раней. Гісторыя Менску ў гэтую эпоху да самага канца XV сталецьця мала вядома, ня гледзячы на тое, што з XII ст. Менск робіцца сталіцай самастойнага княства і ў часы панаваньня Глеба Ўсеславіча (1101—1119) г. імкнецца йграць першую і кіруючую ролю ня толькі на тэрыторыі Беларусі, але нават і сярод іншых княстваў усходніх славянаў. У часы Гэдыміна Менск каля 1326 году ўваходзіць у склад Літоўска-Беларускае дзяржавы. У XIV ст. Менск траціць сваё сталічнае значэньне і пападае ў рукі сыноў і намесьнікаў Гэдыміна. Альгерд і Кейстут у межах Менскага княства аддалі Заслаўль свайму брату Яўнуту. Ў Менску ў часы Альгерда знаходзіцца яго намесьнік. Ягайла аддаў Менск свайму брату Скіргайлу Альгердавічу, але пасьля таго, як Вітаўт стаў вялікім князем, Менск у XV ст. стаў у непасрэдную залежнасьць ад Вільні, як у судовых, так і адміністрацыйных адносінах.

У гэтыя часы ў Менску сядзіць вяліка-княскі намесьнік, які зьяўляецца падлеглым уладзе Віленскага ваяводы, як у вайсковых, так і адміністрацыйных, судовых і гаспадарчых справах[1]).

Менск робіцца невялічкім цэнтрам павету або намесьніцтва, якія ўтварыліся ў той час па ўсёй Літоўска-Беларускай дзяржаве і зваліся паветамі, валасьцямі, дзяржавамі, намесьніцтвамі. Тут трэба канчаткова высьветліць непаразуменьне, якое пашло з лёгкай рукі Смародзкага, нібыта Менск стаў цэнтрам Менскага ваяводзтва, якое, па яго думцы, было ўтворана Гарадэльскім прывілеем 1413 году[2]). Менскае ваядводзтва зьявілася толькі пасьля адміністрацыйнай рэформы 1565-1566 г., ухваленай Віленскім соймам 1565-1566 г., якая была праведзена на тэрыторыі ўсёй дзяржавы. Дзякуючы гэтай рэформе зьявіліся на тэрыторыі Беларусі новыя ваяводзтвы: Менскае, якое складалася з паветаў Менскага і Рачыцкага; (Мазырскі павет быў аднесен да Кіеўскага ваяводзтва і толькі пасьля Люблінскай вуніі быў далучан да Менскага ваяводзтва) і Мсьціслаўскае, якое мела толькі адзін павет.[3]) Першым Менскім ваяводаю быў тады прызначан Гаўрыла Іванавіч Гарнастай (1566-1576) і каштэлянам, або панам—Мікалай Станіслававіч Тальвош (1566-1570 г.[4]).

Пасьля таго, як краінныя князі ў часы Вітаўта канчаткова былі заменены намесьнікамі, ў Менску таксама зьяўляецца намесьнік, аднак, калі ён быў прызначан, і хто былі першыя намесьнікі, невядома.

[1]) М. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Руского государства, стр. 12—13.
[2]) А. П. Смородский. Столетие Минской губернии, ст. 3.
[3]) М. Любавский Очерки ст. 268—269.
[4]) Малиновский Рада великого княжества Литовского т. II, ст. 432.

З першых княскіх намесьнікаў у Менску мы ўжо з пэўнасьцю можам назваць, на основе крынічных даных, імя намесьніка толькі ў 1473 годзе. Гэта быў князь Іван Юравіч Жаслаўскі, якому вялікі князь аддае загад, каб намесьнік увязаў гаспадарскую даніну пісару гаспадарскаму Васку Любічу[1]). Пасьля Івана Юравіча Жаслаўскага намесьнікам Менскім быў князь Іван Васільявіч з князёў Друцкіх. У часы Аляксандра намесьнікам Менскім стаў пан Мікалай Іванавіч Ільініч, а затым князь Багдан Іванавіч Жаслаўскі, які стаяў на чале Менскага намесьніцтва да 1529 г.[2]).

Нязначныя весткі аб Менску з гэтых часоў XV стал. тлумачацца тым, што Менск яшчэ ў гэты час ня страціў свайго сельска-гаспадарчага характару і мала чым розьніўся па сваіх занятках ад вёскі. Яшчэ ў 1500 г. двары мяшчанскія маюць сельска-гаспадарчы характар: з пашнямі, нівамі і з сенажацьмі[3]). У прывілеі на Майдэборскае права сельскія ўгодзьдзі займаюць значнае мейсца ў тых прывілегіях, якія даюцца месту Менскаму[4]).

Сельска-гаспадарчыя ўгодзьдзі, якія замацаваў за сабою Менск прывілеем на Майдэборскае права, ў пазьнейшыя часы былі абмераны камісарамі і места ўпарта абараняе іх ад пакусаў па прыўлашчаньню іх іншымі станамі нават у канцы XVI ст.[5]).

Нявыразнае абмяжаваньне насельніцтва м. Менска па занятках ад вакольнай сельскай мясцовасьці значна тлумачыцца і характарам гаспадаркі Менскага павету таго часу.

Меншчына з гаспадарчага боку ў XV і першай палове XVI стал. мае пераходны характар і мае рысы гаспадаркі новай-земляробскай і старажытнай-прамысловай. Меншчына якраз ляжыць па сярэдзіне паміж Заходняй Беларусьсю, якая ў той час ужо робіцца краінай пераважна земляробскай, і ўсходняй падняпроўскай Беларусьсю, дзе яшчэ пануе дабываючая прамысловасьць. Бабруйшчына і Барысаўшчына, якія ляжаць побач з Менскам, маюць пераважна такі прамысловы характар, і для насельніцтва гэтых краін дабываючая прамысловасьць яшчэ і на працягу XVI ст. зьяўляецца галоўнаю крыніцаю існаваньня. Ў Меншчыне, ў пачатку XVI ст., мы знаходзім і дабываючую прамысловасьць і, побач з ёю, ужо досыць разьвітае земляробства. У данінах Вялікага князя ў Менскім павеце выразна выступае дваякі характар Меншчыны. У 1503 г. вялікі князь Аляксандр пацьвярджае баярыну Багдану Карэйвічу „вечно ему и его жене и их детем и напотом будучым счадком: нехай он тое именье Сухоревское держить со всеми приселки того имения и со всеми людьми, и з службами их, и с землями пашными и бортными и з сеножатьми и с пропашми и з гаи, и з боры, и з лесы, и з озеры, и з реками, и з бобровыми гоны и з ловы зверынъными и пташечъными, и ставы, ставищы, и з млыны и з их вымелки. и з даньми грошовыми и медовыми и бобровыми и куничными, и з дзяклы и со всякими иными поплатки и падатьми“[6]). У пералічэньні ўгодзьяў (выдаб) і падаткаў выразна выступае і земляробчы і прамысловы характар маёнтку. Пашні і пропашні, ставы і млыны з адпаведнай даньню дзяклам, якое плацілася збожжам ад земляробскіх вырабаў-з аднаго боку; і гаі, бары, лясы, вазёры, рэкі, бабровыя гоны і зьвярыныя і пташыныя ловы з адпаведнымі данямі бабро-

---

1) Р. И. Б. т. № XX, ст. 84
2) Ibidem 101.
3) Р. И. Б. т. XXVII, ст. 789.
4) Ibidem—739—744
5) Собран. древн. грамот и актов городов Минской губ. № 33.
6) Р. И. Б. т. XXVI', ст. 866.

вымі, мядовымі і кунічнымі-з другога боку, яскрава сьведчаць аб характары і гаспадаркі і заняткаў насельніцтва. Пералічаючы падаткі, гаспадар вялікі князь падатак з вырабаў ад зямлі ня ставіць на першае месца, значыцца, земляробства ня йграла пераважнай ролі ў гаспадарцы маёнтку. Такі характар мае і другі маёнтак „Онцыпоровское“, які належыў гаспадарскаму пісару Грамыку Ісаевічу: „з людьми и землями пашными и з бортными, и з сеножатьми и з дубровами и з прудищы, и з реками, и з ловы зверынъными и пташынными, и рыбними“[1]) У 1513 г. вялікі князь Жыгімонт зацьвердзіў даніну Галены Іванаўны за Вазьнясенскім манастыром сяло Трасьнянец „блиско места менскага“ шэсьць служб людзей... і, апрача таго, яшчэ „три земли, на которых седели тры службы людей... и з их землями пашными и бортными и з бобровыми гоны и с сеножатьми“[2]).

Такі пераходны характар гаспадаркі ня мог, аднак, доўга ўтрымацца ў Меншчыне, дзякуючы яе блізкасьці да цэнтраў і да ракі Нёмана, якая давала магчымасьць вывозіць сельска-гаспадарчыя вырабы на заходня-эўрапэйскія рынкі. Магчыма, што Меншчына ў той час ужо была болей густа заселена, чымся ўсходнія краіны, бо вялікія князі, пачынаючы з Казіміра, шырока раздаюць землі Меншчыны баярам шляхце, як у часовае, гэтак і ў вечнае ўладаньне на ўмовах вайсковай службы...[3])

Па попісу 1528 г. шляхта Менскага павету з гаспадарскіх зямельа выстаўляла72 кані. З іх баярын „Служка Омелянович „выстаўляў“ 14 коняй, Багдан Шалуха—12 коняй, 2 баярыны па 5 коняй, 1 баярын 4 коні, 2 баярыны па 3 кані, 5 баяр па 2 кані, 21 баярын па аднаму каню. З іх аднаго каня выстаўляла некалькі братоў, а аднаго—выстаўлялі ўдвох. Апроч таго, тры баярыны, выяжджалі „сам“—конь[4]) Былі на тэрыторыі Менскага павету, напэўна, і панскія землі. Так, вядома, што ў Заслаўлі сядзелі князі Жаслаўскія; Смалявічы належылі князём Астрожскім, былі маёнткі князёў Горскіх, Радзівілаў, Тышкевічаў і іншых. Калі ў канцы XV ст. ў значных разьмерах пачало вывазіцца збожжа заграніцу, зразумела, што як баяры—шляхта пачалі імкнуцца да пашырэньня земляробства, гэтак і само сялянства павялічыла свае заняткі ім, і земляробства ў XVI ст. пачынае значна ўзмацняцца ў раёне Менску.

Спрыяючым момантам для Менску было тое, што ён ляжаў на гандлёвым шляху з усходу на захад. Гэты шлях ішоў з Вільні на Маскву праз Меднікі, Ашмяны, Крэва, Краснасельск, Менск, Барысаў і Воршу Гэтым шляхам звычайна езьдзілі гаспадарскія паслы і гандляры[5]). Праз Менск ішоў значны гандаль ужо ў XV ст. Значэньне гадлёвага шляху асабліва ў гандлю з Масквой выступае выразна ў арэндных дагаворах на Менскае мыта. Мытнікі выгаварвалі сабе, што, у выпадку вайны з Масквою, страты ад вайны павінны вылічвацца з агульнай сумы. Значнасьць зносін з Масквою адбіваецца і ў скачках арэнднай платы за мыта ў залежнасьці ад вайны. У Менску з старажытных часоў знаходзіцца дзяржаўная мытная камора, якая абкладае мытам усе тавары, што праходзілі праз Менск. Ужо ў 1486 г. з Менскага мыта было толькі выдана розным асобам 103 капы грошай,[6]) (колькі ўсяго даваў мытны збор у Менску ў гэты час—невядома). У 1489 г. Менскае мы-

---

1) ibidem ст. 853.
2) Собр. древн. грамот Мин. губ. № 4.
3) Р. И. Б. т. XX і XXVII.
4) Р. И. Б., т. 33, ст, 29—30
5) Любавский. Областное деление, прилож. № 48.
6) Р. И. Б. Т. XXVII, ст. 188

та аддана было ў арэнду за 250 коп грошай[1]), ў 1491 г. было аддана на тры гады за „трыста коп грошай и 6 без осми грошей[2]) У 1498 г. было аддана ў арэнду за 200 коп грошай ў год, у 1501 г. за 300 коп, у 1504 за 200 коп, ў 1509 г. за 300 коп грошай, у 1525 г. за 450 коп грошай, ў 1532 по 550 коп грошай у год, у 1553 г. за 1500 коп грошай на год, у 1560 г, таксама за 1500 коп грошай у год.[3]).

Значная сума мытных грошай, якія зьбіраліся з тавараў, што праходзілі праз Менск, сьведчыць аб жывым гандлю ўсходніх краін з захадам. Гэты гандаль ажыўляў места Менск і спрыяў яго разьвіцьцю. Аднак. м. Менск ня было у пачатку XVI в. значным пасяленьнем ў параўнаньні з іншымі местамі Літоўска-Беларускай дзяржавы. Па раскладу вайсковай павіннасьці ля 1513 г. Менск выстаўляе толькі 10 коняй, у той час, як Навагрудак і Ваўкавыск павінны даваць па 20 коняй, Бельск 50 коняй, Берасьцё 150, а Вільня 500 коняй[4]). Такія ж прыблізна адносіны былі і ў тым выпадку, калі вайсковая павіннасьць замянялася грашовым падаткам. Менск плаціў за звальненьне ад вайсковай службы 10 коп грошай, Навагрудак 20 коп, Берасьцье 100 коп[5]). Такім чынам, у пачатку XVI ст. Менск быў невялічкім местам і быў меншым за Навагрудак, Ваўкавыск, Ліду і іншыя месты Беларусі, калі грунтавацца на гэтых параўнаўчых даных сярэбшчыны і вайсковай сілы гэтых мест. Некаторая супярэчнасьць маецца аднак у тым, што Менск плаціў кожны год агульны плат з усяго места ў колькасьці 60 коп грошай, Навагрудак 50 залатых угорскіх[6]), а Ваўкавыск 30 залатых[7]). У канцы XV і ў пачатку XVI стал. на Менску цяжка адбіліся войны паміж Літоўска-Беларускай дзяржавай і княствам Маскоўскім. Хоць вайсковыя падзеі не дакаціліся да тэрыторыі Менска, але яны зьнішчылі той гандаль, які йшоў праз Менск, прыпыніўшы гандлёвыя зносіны з Масквою і адарваўшы ад Літоўскага княства цэлы шэраг ўсходніх краін, якія праз Менск вялі гандлёвыя зносіны з захадам. Яскрава гэта відаць ў зьніжэньні мытных збораў. Ваенныя справы аднак і ажыўляюць Менск, бо ў часе вайны гаспадар з панамі радаю часта бывае ў Менску, прызначае сэсіі сваіх судоў, і ў Менск да гаспадара прыяжджаюць многія асобы, якія маюць тыя ці іншыя справы да гаспадара і шукаюць іх вырашэньня. Так ужо ў 1502 г. вялікі князь Аляксандар з панамі радаю быў у Менску і хоць, напэўна, кароткі час, але вырашыў там некаторыя справы[8]). У 1507 годзе вялікі князь Жыгімонт вырашае цэлы шэраг судовых спраў у Менску; пры гэтым былі наступныя паны-рада: „Воевода Троцкий пан Миколай Миколаевич, Маршалок Земский, староста Городенский, пан Ян Юрьевич: пан Троцкий, староста Жомоитский, пан Станислав Янович; воевода Новгородский, маршалок, князь Иван Львович Глинский; маршалок, наместник Волковыйский и Кричовский, пан Ян Янович Юрьевича, и иные панове рада“[9]).

Вялікае значэньне для ажыўленьня м. Менску мела дараваньне Майдэборскага права. 14 сакавіка 1409 г.[10]) Менск атрымаў прывілей на Майдэборскае права, нават раней чымся м. Навагрудак, ня гле-

[1]) В. Пичета. Аграрная реформа т. 1. ст. 77.
[2]) Акты Литовско-Русского государства № 49.
[3]) Довнар Запольский. Государст. хозяйство дадаткі, ст. XVI - XXVI.
[4]) Акты Литов.-Руск. государства № 134.
[5]) Ibidem № 135.
[6]) Собр. древн. грамот Мин. губ. № 3.
[7]) А. З. Р. т. II. ст. 13.
[8]) Р. И. Б. т. XX, ст 96.
[9]) Ibidem ст 567.
[10]) Р. И. Б. т. XXVII, ст. 739.

дзячы на тое, што, вочавідна, Менск у той час быў значна меншым за Навагрудак. Цяжка высьветліць непасрэдныя прычыны дараваньня Майдэборскага права м. Менску, як і наогул большай часткі мест Беларусі. Па характару гаспадаркі Менскага павету і ўсёй акругі нельга сказаць, каб дараваньне Майдэборскага права вымагалася эканомічнымі патрэбамі, бо гаспадарка і заняткі насельніцтва места Менску мала чым адрозьніваюцца ад вакольных вёсак. З другога боку, мы ня можам сказаць, што разьвіцьцё землеробскай гаспадаркі ў вёсцы, а таксама і гаспадарскага Менскага двара і бліжэйшай да Менску вакругі пагражала Менскаму насельніцтву цяглымі службамі і прыгонам, як гэта можна заўважыць у іншых беларускіх местах таго часу, напрыклад, у Ваўкавыску, мяшчане якога прывілеем на Майдэборскае права звальняліся ад „дзякол и от сена подякольного и от пенязей тых, которые за дяклом врадником даивали каждый год“.. „Также и з секерою на дело не велели им ходити и сена косити... и до Городна на работу к вапну не ходити“ [1]). Такой пагрозы мы не прымячаем для Менску; Менск па велічыні быў меншым за Ваўкавыск, і каля Менску яшчэ не разьвіта так землеробства з зьвязаным з ім прыгонам, як гэта было ў Ваўкавыскім павеце. У канцы XV і пачатку XVI сталецьця, аднак, ужо можна заўважыць у Менску выдзяленьне рамесла і існаваньне цэлага шэрагу рамесьнікаў, як залатары, краўцы, кушнары, кавалі, чабатары і іншыя. Гэтыя рамесьнікі да дараваньня Майдэборскага права былі пад прысудам замкавым і працавалі на замак, вырабляючы „нароги, серпы и защепки и сокеры и иные речы“. З дараваньнем прывілея на Майдэборскае права рамесьнікі папалі пад уладу Менскага магістрата. Аднак, намесьнік гаспадарскі ў Менску князь Багдан Жаслаўскі быў нездаволен такім палажэньнем і скардзіўся князю, грунтуючыся на тым, што двор гаспадарскі застаўся без рамесьнікаў. Гаспадар стаў на бок намесьніка і загадаў Менскаму ўраду выдзяліць 15 рамесьніцкіх дамоў і перадаць іх замкаваму ўраду [2]). Калі прыняць пад увагу такую значную колькасьць дамоў, насялёных рамесьнікамі, якія выдзяляліся на замак, то можна думаць, што лік рамесьнікаў ужо ў пачатку XVI в. быў досыць значным і рамясло было даволі разьвітым у Менску.

Дакуманты XV в. не захавалі нам і барацьбы Менску і яго насельніцтва з намесьнікамі-дзяржаўцамі, хоць яна, напэўна, была, што таксама часта прымушала гаспадарскі ўрад таго часу шукаць выхаду ў звальненьні местаў ад палуладнасьці і прысуду намесьнікаў-дзяржаўцаў шляхам дараваньня ім Майдэборскага права і, на аснове яго, асобнай організацыі места з сваёй уладай, правамі і уласным судом.

Правы і вольнасьці м. Менску на основе прывілея на Майдэборскае права.

Прывілей, які быў дан Менску ўрадам вялікага князя Аляксандра, трафарэтным спосабам, які ўжываецца ў значным ліку прывілеяў таго часу, абасноўвае дараваньне Майдэборскага права месту Менскаму.

Па думцы ўраду таго часу, якая выяўлена ў прывілею, дараваньне Майдэборскага права, і асабліва добрага і справядлівага ўраду, дапамагае разьвіцьцю места, яго павялічэньню і росту. „Маючы взгляд посполитою доброго размноженьня и хотечы положенье места нашого Меньского в мере лепъшой поставити, абы люди нашы, там мешкаючы

[1]) А. З. Р. т. II, № 13.
[2]) Собрание древних грамот и актов гор. Минск. губ. № 67.

через врад добрый а справедливый были размножены, тое место нашо Меньск с права Литовского и Руского и которое коли будеть там перво держано, у право Немецкое, которое зоветься Майтборское, переменяем на вечные часы"[1]). Такім чынам, урад лічыць, што перамемай тубыльных праў, якімі карысталася места да гэтага часу, на правы нямецкія, места ставіцца ў лепшыя умовы жыцьця, асабліва дзякуючы добраму і справядліваму ўраду, які організуецца нанова, па прыкладу чужаземных, нямецкіх мест. Можна думаць, што ў гэтым апошнім, а іменна, ў вызваленьні ад падуладнасьці і падсуднасьці намесьнікам дзяржаўцам, з свавольствам і драпествам якіх ня мог справіцца ўрад, і была галоўная прычына дараваньня Менску Майдэборскага права. Хоць дакумантаў аб адносінах намесьнікаў гаспадарскіх да мяшчан Менскіх з часоў перад дараваньнем Майдэборскага права і не захавалася, але можна думаць, што намесьнікі Менскія ня былі лепшымі за намесьнікаў іншых краін, тым болей, што барацьба, і досыць значная, паміж Менскам і Менскім намесьнікам разгарнулася ў XVI веку.

Гэтаму моманту звальненьня места і яго насельніцтва ад падсуднасьці і падуладнасьці агульна-дзяржаўным ураднікам прывілей удзяляе многа ўвагі і наўмысьле яго падкрэсьлівае: „и тые вси люди выймуем от права городского и боярского и отдаляем их и вечно вызволяем всих того места людей от судов и от моцей всих воевод и от панов и старост, наместников, судей и всих врадников всего великого князства Литовского так, иж перед ними, о которых кольвек речах будут позваны, на праве не будуть повинни стояти, а ни отповедать".

Места, звольненае ад тубыльнага права „Литовского и Русского", атрымлівае новыя нормы права, якімі яно павінна карыстацца ў сваім жыцьці. „Вставляем и даем им знову обычай, подлуг того права Майтборгского, зупольное раженье и всю уставу, отдаляючы того места вси права, вставы и обычай, перво держаный, который жь тое право Майтборское нагабаюць, засмучаюць, або перашкажаюць". „Такеж к тому месту нашому Менскому даем и записуем и дозволяем супольно тым ся правом Майтьборским судити и радити, а надо все болшое право собе зоставляем".

Даруючы месту новае права і новую уставу, прывілей не вызначае, у чым заключалася гэтае права і ня робіць увагі, якім выданьнем яго можна карыстацца. Трэба сказаць, што ў той час яно і ня было яшчэ надрукавана і, верагодна, што вядома было ў рукапісах, бо многія месты Беларусі, як Вільня і Берасьцё ўжо доўгі час ім карысталіся. У першы раз своды Майдэборскага права былі надрукаваны на лацінскай мове Мікалаем Яськерам у 1535 г. ў Кракаве, а потым—на польскай мове ў другой палове XVI веку былі многа раз выдачы ў апрацоўцы Барталамея Гроіцкага і Паўла Шчэрбіча. Апошнія выданьні, хоць яны ніколі ня былі зацьверджаны ўладаю, і былі тымі нормамі права і сводамі законаў, якімі карысталіся беларускія месты, у тым ліку і Менск, а таксама і дзяржаўны ўрад у меских справах[2]).

Разам з вызваленьнем ад падуладнасьці і прысуду ваяводам, дзяржаўцам і іншым ураднікам, прывілей вызваляе Менск ад некаторых ранейшых павіннасьцей. Аднэй з цяжкіх павіннасьцяй была падводная. Места Менскае ня зусім ад яе звальняецца, але даваньне падвод Менскам абмяжоўваецца, і падводы павінны давацца, калі ёсьць загад самога гаспадара, запячатаны яго сыгнэтам.

[1]) Р. И. Б. т. XXVII. ст. 740.

[2]) Тарановский. Обзор памятников Магдебургского права Западно-Русских городов Литовской эпохи Варшава 1897 г.

Падводная павіннасьць натураю была досыць цяжкаю для места і пасьля выданьня прывілею, асабліва па тэй прычыне, што насельніцтва Менска, якое не падлягала Майдэборскаму праву, як царкоўнае, касьцельнае і манастырскае, было зусім звольнена ад падводнай павіннасьці, а насёльніцтва, якое жыло на землях княскіх, панскіх і шляхецкіх, імкнулася ўхіліцца ад яе.

Падводная павіннасьць спачатку адбывалася, трэба думаць, натураю, а ў другой палове XVI ст. была пераведзена на грошы. На Менск у годы 1572—1590 прыходзілася падводных грошай 11 коп 30 грошай штогодна [1]). У параўнаньні з іншымі местамі гэта была нязначная сума, бо Ваўкавыск плаціў штогод „падводных пенезей“ у тыя-ж часы 34 капы грошай.

Прывілеем таксама вызваляюцца мяшчане і ад старожы, якую яны павінны цяпер даваць толькі на дзяржаўныя патрэбы.

Прывілеем устанаўліваецца агульны падатак з места ў разьмеру 60 коп грошай на год. Да гэтага часу насельніцтва Менску плаціла розныя катэгорыі падаткаў, а цяпер гэта замяняецца агульным платам з усяго места. З іншых падаткаў Менск плаціць, як і ўсе месты, сярэбшчыну: „коли положим серебщину нашу великую и малую по всим городом нашым и местом и волостем в нашом панстве, великом князстве, то тое нашо место маеть нам серебщыну давати так, как и иные нашы месты без кождое вымовы“. Сярэбшчына была агульным дзяржаўным падаткам, які накладаўся па ўхвалах вялікага вальнага сойму і прызначаўся звычайна на вайсковыя патрэбы. Сярэбшчына бралася ў сельскіх мясцовасьцях са службы, а з правядзеньнем валочнай памеры, з валокі (валока раўнялася прыблізна 20 дзесяцінам); ў местах ў залежнасьці ад велічыні места. На Менск ў 1513 г., як вышэй бачылі, было прызначана 10 коп грошай.

Апрача гэтага, Менск плаціў яшчэ „цынш корчемный“, гэта значыць падатак за права вырабу і прадажы гарэлкі і піва. Гэты падатак застаўся за местам „подле давного обычая“.

Самай значнай павіннасьцю была земская служба, або вайсковая павіннасьць. Места павінна было выстаўляць вызначаны вялікім вальным соймам лік вайсковай сілы, што, як мы ўжо бачылі, у 1513 г. складала 10 коняй.

Звольніўшы Менск ад часткі павіннасьцяй і вызначыўшы яго падаткі, якія ён павінен быў плаціць, прывілей пералічае цэлы шэраг экономічных выгад і даходных крыніц, якія даюцца месту і яго ўраду.

Менск займаў выгоднае палажэньне ў гандлёвых адносінах, бо ён ляжаў на шляху паміж Заходняй Эўропай і Маскоўскай дзяржавай.

Было вельмі важна для далейшага ўзросту Менску забясьпечыць яго ад гандляроў іншых мест, якія праездам маглі запоўніць рынак прывознымі таварамі і, такім чынам, пазбавіць прыбыткаў ад гандлю мескіх гандляроў. Прывілей зьвярнуў на гэта вялікую ўвагу і вызначыў ня толькі тое, што госьці маюць права прадаваць і купляць толькі оптам, але і падрабязна пералічыў, якою мераю яны маюць права карыстацца ў гандлёвых зносінах з мясцовым насельніцтвам. Выключэньне было толькі для віленцаў, якія маглі гандляваць у раздроб. Разам з гэтым прывілей рашуча забараніў гандляром весьці гандаль па вёсках. Усе тавары яны павінны былі прадаваць і набываць толькі ў месьце. „Теж кроме Вилневцев ни один купец иного места не будеть моцы мети иноко куповати и продавати, только под тою мерою, в том листе на долу выписаною: найпервей воски—штукою, або по полуберковес-

[1]) Мэтрыка Літоўская, кніга судных спраў 63, карта 561.

ку, соболи, куницы и тхоры—по сороку, белку, горностая, лисицу и норыцу—по полтретяста, попел, смолу—лаштом; а того не маюць куповати ни в лесех, а ни в борех, а ни в селех, только на месте. Тэж маютъ прадавати сукна—паставом, соль—лаштом, перец, имбер, мигдалы, иншыи зельи простыи—каменем, шафран, мушкаты, гвоздики, квет мушкатовый, кгалкган, цетвар и иншыи зелья дорожшии—фунътом, секиры, ножы и иншыи таковские речи—тахром, або в тузин, железо, олово, медь, цыну, мосяжи и иншыи речы таковъские—центънарем, фикги, розынъки, кошем, вино какое колвек и пиво немецъкое и иншое питье чужое бочкою целою. Тыи купцы чужые не будуть смети под меру менъшую а ни продавати, а ни куповати, только как у верху выписано; а естълибы который своею смелостию иначей вчинил, тогды тую куплю до коморы нашое войт на нас возьметь".

Гэтая зацікаўленнасьць места ў гандлёвых прывілеях і яго залежнасьць ад гандлю выразна адбіваецца і ў пазьнейшых зацьверджаньнях гандлёвых інтарэсаў Менску. У 1606 г. Жыгімонт Ваза новым прывілеем замацаваў гандлёвыя прывілеі Менску, прычым выразна вызначыў, што Менск прышоў ў заняпад у часе войн Інфлянскай, а потым Маскоўскай.

Новы прывілей наагул зьяўляецца паўтарэньнем старога, аднак мае і некаторыя навіны ў параўнаньні з прывілеем 1499 г. Прывілей забараняе ўсім гандляром гасьцём, ня выключаючы і віленцаў, як тубыльным, так і чужаземным, гандляваць у раздроб. Пры гэтым прывілей падкрэсьлівае тыя часы, калі асабліва ажыўляецца гандаль, а іменна, у часы адбываньня трыбунальскіх судоў, рочкаў земскіх і рочкаў гродскіх, гэта значыць у часы, калі ў места зьяжджаецца многа шляхты з вёсак; у гэтыя часы чужаземцы і гандляры іншых мест ня маюць права гандляваць у раздроб пад страхам конфіскацыі тавароў. Прывілей таксама забараняе гандаль у раздроб і таму мескаму насельніцтву, якое не падлягае Майдэборскаму праву. Гэты прывілей таксама забараняе весьці ў Менску гандаль і заводзіць свае крамы яўрэям на тэй аснове, што яны да гэтага часу ў Менску гандлем не займаліся. Прывілей забараняе таксама гандаль госьцю з госьцем; такі гандаль дазваляецца толькі у часы ярмаркаў. [1])

Забясьпечыўшы гандлёвыя інтарэсы Менску, прывілей зьвяртае і значную ўвагу на яго сельска-гаспадарчыя патрэбы. Месту былі перададзены „вси места пустыи в месте и вкруг места, поля нашы, ку осаженью и размноженью людей". Апрача таго, мяшчанам, паводле старога звычаю, дазволена было „брати дерево на будованье домов и теж на кухню в борех, в лесе за тры мили около местъца в нашых борех в лесех и в пущах, окроме бортного дерева, которого ж рушить не смеють".

Такое агульнае і нявыразнае дараваньне неабмераных дакладна сельска-гаспадарчых угодзьдзяў, палёў і лясоў, магчыма была дзякуючы слабай заселенасьці ваколіц Менску. Хутка, аднак, зрабіўся патрэбным больш дэтальны абмер зямель, тым болей, што шляхта пачала захапляць менскія паля, сенажаці і іншыя менскія ўгодзьдзі. Менск прымушан быў судовым парадкам бараніць свае землі, і, па загаду гаспадарскага ўраду, два разы ў 1576 і ў 1586 г. выяжджаюць камісары, якія „опять им тые кгрунты присудили и ограничили .. з описаньнем певных границ". На аснове гэтай пастановы і разьмежаваньня камісараў, Менск ізноў ужо ў 1592 годзе просіць аб замацаваньні за ім наданых яму зямельных угодзьдзяў, пажыткі з якіх ідуць „на ратуш

[1]) Собрание древних грамот городов Минск. губ. № 63.

Менский ку апатреню тежаров местких“. Просьба места была задаволена, аднак ужо з болей ясным вызначэньнем граніц. „А так мы з ласки нашое гасподарское чынечы то па чоломбите подданых нашых мещан менских... тые все пляцы и кгрунты в месте и около места з давных часов им ку месту належачые, покол(ь) границы тых кгрунтов их зашли и которые им через комисаров продков нашых прысужоны суть, то есть, бор, пущу, кгрунты и сеножати крупецкие, водле листов суду комисарского, за речкою крупком, почавшы от речки крупца у верху реки свислочы аж до ржавца, под пущу качынскую и до земли каноницкое, а от земли каноницкое по дорогу тарасовскую и болото шырокое и иншые всякие кгрунты около того места нашого: розробки, заросли, пропашы и сеножати, што однокольвек им здавна и теперь належыт пры подданых нашых мещанех менских есмо зоставили“[1]).

Апрача гэтага месту была надана яшчэ некалькі даходных крыніц. Як і ва ўсіх іншых местах, Менску дарована была права „мети важницу и капницу, и весь воск там жо стопленый печатью их мають знаменитовати, и с того вжытки ку посполитому доброму мають ховати“.

Менская вага, якая існуе і дагэтуль, была ў тыя часы вельмі патрэбнай; старажытныя гандляры не маглі пахваліцца сваёй суменнасьцю, і, пры пераходзе тавару з адных рук у другія, тавары звычайна важыліся на мескай важніцы. Даход з гэтай вагі „важчее“, які да дараваньня майдэборскага права йшоў на карысьць намесьніка дзяржаўцы, цяпер быў пярэдан месту.

Тое самое было і з капніцай. Фальшаваньне воску было звычайнай зьявай яшчэ ў больш старыя часы[2]). Яно захавалася і ў XV і XVI в. Каб забясьпечыць добрую якасьць воску, яго звычайна тапілі ў мескай капніцы, вылівалі ў пэўныя формы, і ставілі мескую пячатку, як фабрычнае кляймо. За гэтыя паслугі места брала некаторую суму грошай, што было крыніцай яго даходаў.

Для тэй жа мэты забясьпечаньня правільнасьці меры, места мела „бочку мерную и медницу с знаменем местским“, плата за карыстаньне якімі йшла на пажытак места.

Прывілеем 1499 г. было дарована права пабудаваць ратуш „падкаторым жо будуць мети крамницу и клетки хлебные и камору пастрыгальную». Даход з іх таксама павінен быў ісьці на карысьць места.

Для павялічэньня мескага пажытку дазволена было „млын збудовати на местцу подобном, на раце на Свислочы“. У Менску, па Сьвіслачы, ўжо быў млын, але гаспадар пакінуў яго за сабою. Права на збудаваньне млыну, аднак, ня было зьдзейсьнена на працягу ўсяго XVI ст. У 1592 г. прывілей, выданы Менску, сьведчыць, што мяшчане менскія „мають такое позволенье, же вольно им млын на реце на свислочы на погожом местцу збудовати, а они за недостатком своим и до сего часу тому досыць учынити не могут“. Цяпер, у 1592 г. мяшчане просяць аб дазваленьні ім збудаваць млын ў іншым месцы, а, іменна, „на речце переспе, которая идеть с комарова болота у Свислоч реку, став заняти и млын збудовати“ і апроч таго „другий млын п а п е р н ы й тудеж мучный на кгрунте местском также заняти и властным накладом их збудавати“[3]).

[1]) Собр. древн. грамот город. Минск. губ. № 33.
[2]) Голубовский. История Смоленской земли.
[3]) Собран. древних грамот город. Минск. губ. № 33.

Дазваленьне ім было дадзена. Як і калі было зьдзейсьнена дазваленьне, невядома, бо просьба паўтараецца і ў 1606 г., але стаў і млын у Крупцах існуе і дагэтуль. Апроч млына для мліва збожжа і папяровага млыну, былі ў Менску, напэўна, і іншыя прамысловыя ўстановы, як цагельня і іншыя; вестак, аднак, аб іх ад XVI сталецьця ў нас не захавалася.

Організацыя мескай ўлады ў Менску.

З дараваньнем Майдэборскага права і вызваленьнем ад падуладнасьці ваявод і намесьнікаў-дзяржаўцаў, у месьце была організована свая меская ўлада па ўзору іншых мест, якія карысталіся Майдэборскім правам. Перш усяго прывілеем устанаўляецца і надаецца войтаўства і вызначаюцца войту пажыткі, якія йдуць на яго карысьць. Галоўным даходам войта зьяўляецца трэці грош, гэта значыць трэцяя частка з судовых він-штрафаў. Гэты войтаўскі пажытак з важнейшага абавязку войта, а іменна, з судовых він, бо ўсе судовыя справы, асабліва крымынальныя, падлягаюць суду войта разам з лаваю. Апрача таго, войт атрымлівае даход з двух клетак мясных і плат з двух карчом. Дзьве карчмы штогодна прыносяць даход войту 4 капы грашай[1]).

Войтаўскія пасады—вельмі даходныя, і дзеля гэтага прызначэньне на гэтую пасаду ўрад пакідае за сабою. У значных местах, дзе даходы былі вельмі вялікія, войтаўская пасада звычайна аддавалася выдатным паном і ўрадавым асобам, як, напрыклад, у Полацку, Бельску, Каменцы, пазьней ў Віцебску і Магілеве. У Менску гэтага мы ня заўважаем ў XVI стале; ў XVII ст. войтамі былі звычайна паны. Войтўская пасада звычайна аддавалася дажывотна, гэта значыць да сьмерці тэй асобе, якая прызначалася на пасаду, або ў вечнасьць з правам перадачы насьледнікам. Тое-ж было і ў Менску. Хто быў першым войтам, невядома. У 1503 г. менскае войтаўства было зацьверджана за мытнікам Смаленскім Іванам Новахрышчоным. Магчыма, што ён і быў першым войтам, бо ён просіць, каб яму гаспадар даў „войтовство Менское со всими тыми платы и доходы, што перво сего дали есмо ему, абыхмо ему тое войтовство дали вечно". „И мы з ласки нашое на его чоломбитье то вчинили и тое войтовство Менское дали есмо держати и заведати вечно и непорушно ему самому и его жоне и их детям и его ближним и напотом будучим их счадком со всими войтовскими платы и доходы и с тою воскобойнею и капницею и тым третим грошем, што маеть с судов на ратуши брати и с двома корчмами волными, которыи ж маеть в месте мети з их платом". Такім чынам войтаўскі ўрад перадаецца мытніку Смаленскаму ў вечнасьць; пры гэтым у яго карыстаньне аддаюцца менскія даходныя крыніцы, як воскабойня і капніца, якія дагэтуль належалі месту. Можна думаць, што мытнік Іван пазычыў значную суму грошай дзяржаўнаму скарбу і ў забясьпечаньне звароту атрымаў даходную пасаду. Гэта тым болей верагодна, што прывілей захоўвае за ім гэтыя пасады нават у тым выпадку, калі-б Майдэборскае права была адменена. „А естли бых мо то право Майтборское в месте Менском зламали, и мы однако его не маем с того войтовства рушити и тот его третий грош с судов мает ему таки наместник Менский выдавати, который ли коли Менск от нас будет держати[2]).

Праз некалькі гадоў вайтоўство Менскае адышло да радні войта Івана, а ў 1518 г. войтам Менскім быў ужо нейкі Грынашка Багда-

[1]) Р. И. Б. т. XXVII, ст. 741.
[2]) Акты Литовско-Русского государства № 80.

новіч[1]), у 1590 г. войтам і войскім менскім быў Іван Быкаўскі [2]), а ў 1595 г. Грыгор' Тэрлецкі[3]).

Прывілей 1499 г. зусім не вызначае ўлады намесьніка войта, або лентвойта. Аднак, пасада лентвойта зьявілася, толькі невядома калі. У 1590 г. лентвойтам Менскім быў Ян Петрашковіч[4]).

Асноўным абавязкам і правам .войта быў суд над мяшчанамі места, ад якога ён атрымліваў найбольшы прыбытак. На судовыя пастановы войта апэляцыя йшла да гаспадара вялікага князя. Але войт быў ня толькі судоваю ўладаю ў Менску; яму ў значнай меры належыла і вышэйшая адміністрацыйная ўлада. Так, у 1590 г., войт Менскі Іван Быкаўскі ўстанаўляе і зацьвярджае парадак адбываньня ўлады бурмістраў, радцаў і лаўнікаў.

Суд і адміністрацыйныя справы войт вырашаў супольна з радцамі і бурмістрамі. Менская рада па правілею складалася з 12 радцаў; радцы разам з войтам выбіраюць з саміх сябе на кожны год 2 бурмістраў. „Мають теж быти в месте дванадцать радских, которыи ж радцы з войтом посполито моють абирати промежку себе на кождый год бурмистров“.

Якім спосабам вызначаліся радцы—шляхам абіраньня менскімі мяшчанамі, ці прызначаліся на свае пасады войтамі, невядома.

Прывілей зусім нічога не гаворыць аб лаве, але ў 1590 г. лаўнікі ўжо існуюць, аднак ня ясна, ці яны складаюць асобную ўстанову, бо суд праводзіцца бурмістрамі, радцамі і лаўнікамі. Спосаб абіраньня бурмістраў, які вызначан прывілеем, не застаўся сталым. Відаць, бурмістраўскія пасады былі даходнымі, бо за ўладаньне імі, і за спосабы прызначэньня бурмістраў ідзе барацьба. Па пастанове сходу бурмістраў, радцаў і лаўнікаў у 1590 годзе было прызнана, што штогодняе абіраньне бурмістраў шкодна для места, бо дзякуючы яму кепска даглядаюцца мескія маемасьці; апроч таго, штогоднія выбары ўносяць сярод райцаў ростыркі і варажасьць; і было пастаноўлена прызначыць па тры зьмены бурмістраў, радцаў і лаўнікаў па 2 з кожнага ўраду. Кожная зьмена абраных урадоўцаў займае пасаду па году. Пры гэтым былі абраны на 1590 г. бурмістрамі Багдан Савіч і Саўка Піліповіч, райцамі—Іван Ткач і Лявон Ходзьковіч, лаўнікамі—Захар'я Дзямідовіч і Аніска Мухліч; затым былі абраны пэўныя асобы на 1591 і 1592 г.г. Калі-б яны выдаліся пажытачнымі і карыснымі для мескіх спраў, то яны захоўваюць свае пасады да сьмерці, а калі-б такі парадак аказаўся нявыгодным, то радзе і магістрату мескаму даецца магчымасьць зьмяніць гэты парадак і ўстанавіць новы, згодна сваім разважаньням і ўхвалам.

У выпадку ад'езду па пільных справах каго-небудзь з абраныхураднікаў, іх замяняюць па ўласнай іх просьбе старыя ўраднікі такім спосабам: бурмістр-бурмістра, радца-радцу і лаўнік-лаўніка. За новаабранымі ўрадоўцамі было забясьпечана, што ў выпадку нападу на іх, або гвалту, ўсё паспольства абавязана абараняць іх ва ўсялякіх судох, аж да астатняга стопня, за кошт і дапамогаю ўсяго места. У той час, калі свавольства шляхецтва і асабліва магнацтва ня ведала ніякіх перашкод, такое забясьпечаньне было далёка ня лішнім. Разам з тым, прымаючы пад увагу значную працу, якая прыходзіцца на іх долю, і каб прыахвоціць іх да пасяджэньняў, а таксама да выкананьня іх адміністрацыйных абавязкаў, прызначаецца пэнсыя: бурмістрам рочным па 20

[1]) Р. И. Б. т. XX, ст. 1219.
[2]) Собран. древн. грамот Минской губ. № 32.
[3]) Мэтр. Літ., кн. Суди дел 63, л. 506—509.
[4]) Собран. древних грамот Минской губ. № 32.

злотых польскіх у год, гэта значыць тым бурмістрам трох зьмен, якія будуць займацца судовымі справамі 16 коп. грошай на год, двум радцам па тры копы грошай, а лаўнікам двум па капе грошай літоўскіх.

Кожная зьмена займае сваю пасаду з вясновага Мікалая, гэта значыць з 9 траўня.

Згода магістрату 1590 году прызначае таксама двух бірчых, якія выбіраюць мескія падаткі і двух шафараў, якія хаваюць грошы і наглядаюць за зьбіраньнем падаткаў. Кожны год гадавыя бурмістры, радцы і лаўнікі, пасьля заканчэньня году, павінны здаць другой зьмене бурмістраў, радцаў і лаўнікаў скрынку мескую з прывілеямі, лістамі і кнігамі, пячаткаю мескаю і з ўсімі пісьмовымі справамі; разам з тым павінны зрабіць справаздачу аб даходах і расходах перад усім паспольствам, якое зьбярэцца ў гэты час у ратуш.

Разам з тым быў вызначан дзень для пасяджэньняў рады, а іменна, чацьверг.

Такім чынам, організацыя мескай улады, або, як казалі ў той час, магістрату, адбывалася паступова, пры чым у яе організацыі прымала некаторы ўдзел і насельніцтва.

Узаемаадносіны мяшчан да іншых станаў грамадзянства.

Прывілей 1499 г. на Майдэборскае права далёка ня вырашыў усіх мескіх спраў м. Менска. Перш усяго ён ня вызначыў узаемаадносін мяшчанства да іншых станаў грамадзянства, а таксама і да іх падданых. Хто будзе падлягаць Майдэборскаму праву і нова-організованай уладзе? Гэта пытаньне паўстала вельмі хутка і на самай практычнай аснове, на грунце нясеньня розных павіннасьцей і платы падаткаў. Перш за ўсё места сустрэлася з праваслаўнай царквою і насельніцтвам, якое жыло ў Менску на царкоўных землях.

Праваслаўная царква даўно ўжо мела ў Менску свае ўстановы— манастыры і царквы. Трудна сказаць, колькі царквей і манастыроў было ў Менску ў XV і нават у першай палове XVI ст.; ёсьць думка, што Менск, які належаў да Тураўскай эпархіі, з XII ст. стаў цэнтрам Менскага біскупства[1]). Думка гэтая, аднак, ня мае падмацаваньня ў крыніцах, і ў XVI ст па ранейшаму Менск належыць да Тураўска-Пінскай эпархіі. На Віленскім царкоўным саборы 1509 г. ад Менску быў архімандрыт з„ Меньска В'знесеньский Сергей"; такім чынам можна з пэўнасьцю гаварыць аб існаваньні ў гэты час аднаго манастыра і, можа быць, некалькіх царквей, існаваньне якіх і выяўляецца ў XVI ст.

У канцы XVI ст. можна з большай або меншай пэўнасьцю гаварыць аб наступных царквах: саборнай, быўшай у замку[2]), царкве «рожества пречыстое богородицы на улицы немизской стоячую»[3]); гэта царква ляжала на пляцу Радзівілаў. У пачатку XVII ст. яна сгарэла і была адбудована на тым самым месцу[4]). Затым вядомы царквы—Пятніцкая[5]), Козьмадземянаўская[6]), Васкрасенская, Троецкая[7]); дзе знаходзіліся апошнія царквы, невядома.

На землях царкоўных жыло ня толькі духавенства, але і многа іншага насельніцтва. Насельніцтва, якое жыло на царкоўных землях,

---

[1]) Историко-Статистическое описание Минской епархии, архим. Николай СПБ 1864 г.
[2]) Собрание древн. грам. гор. Минска губ. № 54.
[3]) Ibidem № 68.
[4]) Ibidem № 84.
[5]) Ibidem № 28 i 12.
[6]) Ibidem № 48.
[7]) Ibidem № 83

карысталася ўсімі выгодамі места, аднак, ня было падуладна мескаму ўраду і не складала з ім аднастайнай групы. Пасьля дараваньня Майдэборскага права мескаму ўраду прышлося адразу сустрэцца з гэтай супярэчнасьцю.

У 1522 г. вялікі князь па просьбе мітрапаліта Іосіфа, які скардзіўся гаспадарскаму ўраду на войта, бурмістраў і радцаў Менску за тое, што яны „людей его церковных и поповских, которыи в месте Менском суть и торгом ся обыходят“, хочуць абкласьці сярэбшчынай, прыцягваюць да нясеньня падводнай павіннасьці і ўсялякіх іншых „поплатков“, у той час, як раней яны нічога з усіх адзначаных павіннасьцяй да гэтага часу разам з местам не адбывалі. Гаспадар стаў на бок мітрапаліта і забараніў абкладаць насельніцтва царкоўных зямель падаткам і прымушаць яго да адбываньня павіннасьцяй[1]).

Такая-ж спрэчка паднялася і з насельніцтвам, якое жыло на землях Вазьнясенскага манастыра. Вазьнясенскі манастыр знаходзіўся ў падаваньні самаго вялікага князя. Падаваньне гэтае падобна да заходня-эўропэйской інвэстытуры і заключалася ў тым, што падаўца меў права аддаваць царкоўную ўстанову, з усімі прыналежнымі ёй маемасьцямі, па свайму жаданьню той ці іншай асобе, звычайна, да сваёй ласкі і волі, або дажывотна. Гэта быў так званы „хлеб духоўны“. Віленскі сабор 1509 г. вынес пастанову, што паны, князі і іншыя асобы, на землях якіх знаходзяцца царкоўныя ўстановы і ў паданьні якіх яны знаходзяцца, прызначаюць годных асоб, якія павінны атрымаць благаславеньне і пасьвяшчэньне ў духоўны сан ад мітрапаліта. Але гэтая пастанова ня выконвалася, і манастыры аддаваліся і сьвецкім асобам у дзяржаньне, як і звычайныя маемасьці. Гаспадар аддаваў Вазьнясенскі манастыр разным асобам у XVI сталецьці, большаю часткаю асобам духоўнага стану. Трымалі манастыр, аднак, і сьвецкія асобы. Так, у 1579 г. манастыром уладаў пан Стэфан Дастаеўскі, „з моцы и владности“ каторага гаспадар адняў манастыр і падаў „тот манастыр и люди тому манастыру прислухаючие“ архімандрыту Менскаму Міхайле Рагозе. У гэтыя часы Вазьнясенскі манастыр ня быў значным, як па свайму абсталяваньню, гэтак і па тых маемасьцях, якія належалі да яго. Царква манастырская была „апалая и згнилая“. У царкве было 11 абразоў „старых, злинелых, фарбою писаных“. У алтары быў „престол, пакрыт выбойкою“, на прастоле было „евангелие старое, троха медю оправленое, келих и миска ценовая, кадило старое, медное“. У той-жа царкве была невялікая колькасьць кніжок: „меней месячных двенадцать, евангелие учительное, устав церковный, октоихи три, прелог один, треоди две, постная и цветная, требник один, апостол один, книги две старые пергаминовые“. З царкоўных аблачэньняў былі „рызы кухтеровые белые, букотерлею обложены, потрахил стары златоглаву зеленого“. У царкве былі два „прыделы“. Пры той-жа царкве была званіца і „на ней звоны тры“. У манастыры была „трапеза“, а пры ёй царква „покров пречистое“ У трапезнай царкве было з абсталяваньня толькі тры абразы, і яна была нават без замка. З будынкаў манастыр меў „светличку з сеньми“, тры клеці, ізбу, пякарню з сеньмі, другую ізбу з сенцамі старую і без страхі, стайню конную, пуню сенную. У манастыр было двое варот, але ўвесь „замет (плот) коло того манастыря и около саду манастырского весь обобран“. За ракою Сьвіслаччу ў манастыра было гумно і „дворец“, затым „гумно с осетю, пуня сенная, другая пуня; третяя пуня на быдло“.

Манастыр меў 36 пляцоў, на якіх сядзела 33 сям'і манастырскіх падданых. Тры пляцы было пустых, іх дзяржалі тыя-ж падданыя. Ма-

[1]) Собрание древних грамот и актов Минской губ. № 6.

настыру апроч таго належала сяло „Ляховые Луки“, у якім было тры службы сялян. У месьце пры царкве было некалькі яшчэ мяшчан манастырскіх, якія жылі пры царкве „святое пятницы“[1]). Манастырскія мяшчане мелі свайго войта. Вазьнясенскаму манастыру ў пачатку XVI в. належала сяло Трасьцянец з шасьцю службамі, дараваны манастыру княгіняю Аленай Іваноўнай і зацьверджаны за манастыром у 1513 годзе. Да Трасьцянца Жыгімонт з свайго боку прыдаў манастыру яшчэ тры службы. Невядома, ці гэтыя тры службы і былі тымі ж службамі ў „Ляховых Луках“ якія ўспамінаюцца ў 1579 г., ці гэта былі іншыя[2]). Часткаю можна высьвятліць, чым займаліся манастырскія мяшчане. З іх маемасьцяй можна вызначыць, што яны мелі пляцы, іншых-жа ўгодзьдзяў рэестр не ўспамінае. Найпраўдападобней, што ў другой палове XVI ст. яны не займаліся земляробствам, а галоўным чынам рамяслом і гандлям, на што мелі значныя ільготы Па прозьвішчах пералічаных манастырскіх мяшчан у рэестры, апроч войта, вызначаны 2 дойліды, 6 кажамяк, 1 шапавал, 1 пірожнік, 1 чабатар і 1 скамарох. З 33 сямей 13 мелі сваім заняткам рамясло; чым займаліся іншыя, сказаць нельга. Якія падаткі і павіннасьці нясло манастырскае насельніцтва свайму манастыру, таксама невядома.

Архімандрыт Вазьнясенскага манастыра „Серафионт“ у 1522 г. скардзіцца на Менскі магістрат, што апошні прыцягвае манастырскіх людзей да адбываньня падводнай і старажовай павіннасьці, і гаспадарскі ўрад аддае загад, „иж бы на людех его манастырских подвод не брали и инших кривд не чинили и заховали во всем потому водле давного обычая“[3]). Разам з гэтым гаспадар аддае загад менскаму намесьніку Багдану Іванавічу Жаслаўскаму, каб ён прыняў меры і загадаў войту і мяшчанам менскім, „абы им и людем их монастырским в том кривд не чинили и в подводах и иных службах меских впокой им дали и в том бы еси их самих и людей их монастырских от их кривд во всем боронил“[4]).

Мяшчане, аднак, ня могуць задаволіцца такім палажэньнем, тым болей, што людзі, якія жылі на землях Вазьнясенскага манастыра, займаюцца рамяслом і прадаюць свае вырабы, а іншыя скупаюць збожжа і солад, і прадаюць іх у Менску. На гэтай аснове магістрат прыцягвае іх да падводнай павіннасьці і накладае розныя падаткі. Архімандрыт Вазьнясенскага манастыра зноў скардзіцца ў 1533 г. гаспадарскаму ўраду на такую дзейнасьць магістрату. Цікава пры гэтым адзначыць, што сваю скаргу ён абасноўвае ня толькі на старыне, але і на тым, што людзі плебанскія, якія жывуць на касьцельнай зямлі і таксама займаюцца гандлем, аднак, падаткаў жадных не плацяць. Гаспадар зноў падтрымаў манастыр і забараніў тварыць якія-небудзь „тяжкости, естли будут тыи люди его на землях церковных мешкати, а меских земель ани огородов под собою не мають“[5]). Трэба сказаць, што манастырскае насельніцтва было пазбаўлена ня толькі ад платы мескіх падаткаў і нясеньня мескіх павіннасьцяй. Яно атрымала ільготы, якіх ня мела насяленьне іншых станаў грамадзянства. Так, у 1546 г. гаспадар вялікі князь аддае загад менскаму мытніку, каб ён „людей монастырских, которые подле монастыра и в месте мешкають и торгом ся обыходят“, каб ён ад „речей их торговых“ мыта ня браў“[6]).

[1]) Собрание древних грамот и акт. гор. Минск губ, № 27 и 28.
[2]) Ibidem №№ 12 і 28.
[3]) Ibidem № 7.
[4]) Ibidem № 8.
[5]) Ibidem № 9.
[6]) Ibidem № 12

Разам з імкненьнем прыцягнуць насельніцтва, якое жыло на манастырскіх і царкоўных землях, да нясеньня аднальковых падаткаў і павінасьцяй нароўні з мяшчанамі, якія жылі на землях меских пад Магдэнборскім правам, мы бачым спробы з боку мескага магістрату прыцягнуць людзей манастырскіх і царкоўных пад сваю ўладу. Адно было зьвязана з другім і натуральна, калі насельніцтва царкоўных і манастырскіх зямель не плаціла падаткаў і не жадала несьці павіннасьцяй у той час, як яно сваім рамяством і гандлем конкурыравала з мяшчанамі, на якіх падалі ўсе павіннасьці і падаткі, то магістрат усё-ж такі імкнецца ў рэчавістасьці зьнішчыць такія выключныя прывілеі, накладае падаткі, прымушае несьці павіннасьці, а тых, якія не жадаюць выконваць яго загаду, „сажае в казнь". Гаспадарскі ўрад, аднак, зноў у 1554 г. зацьвярджае старыя прывілеі манастырскіх і царкоўных людзей, звальняе ад падуладнасьці іх мескаму ўраду і забараняе накладаць падаткі і прымушаць іх да адбываньня павіннасьцяй супольна з мяшчанамі[1]).

Такім чынам, значная колькасьць насельніцтва, якое жыло на манастырскіх і царкоўных землях, была выключана з ліку менскага мяшчанства, не нясла з ім павіннасьцяй, не плаціла разам з местам падаткаў, была пазбаўлена ад платы мытных збораў і была падуладна не магістрату места, а асобнай уладзе; царкоўнае насельніства—уладзе мітрапаліта, а манастырскае—уладзе архымандрыта і іхураднікаў. Гэта ўсё насельніцтва мела сваю ўладу і судзілася ў сваіх судох. Яно мела, як казалі ў той час, сваю „юрысдыку" і выдзялялася ў асобную групу насельніцтва пад юрысдыкай, гэта значыць, судом і ўладаю праваслаўнага мітрапаліта і манастырскага архімандрыта. Можна думаць, што юрысдыкі мітрапаліта і архімандрыта былі асобныя.

Апроч царкоўных і манастырскіх зямель праваслаўнай царквы, у Менску знаходзяцца землі, маемасьці і насельніцтва каталіцкай царквы. Насельніцтва зямель католіцкай царквы, „которыи люди плебанскии тамже на земли костельной мешкають, они дей некоторыи речи на продажу до места привозять и тымся жывят а от того ничога не платят"[2]), такім чынам, карыстаецца тымі ж правамі, як і насяленьне праваслаўнай царквы, і, нават, правы гэтага насяленьня зьяўляюцца ўзорам для дамаганьняў насяленьня царкоўных зямель. У палажэньні насельніцтва каталіцкай і праваслаўнай царквы, аднак, ёсьць некаторая розьніца; розьніца выразна выяўляецца і ў палажэньні самаго ўраду той і другой царквы. Праваслаўнай царкве прыходзіцца абараняць свае старыя правы ад пакусаў на іх з боку мескага магістрату і мяшчанства, у той час як каталіцкая царква сама вядзе наступленьне на мяшчан і на іх правы. Гэтае наступленьне вядзецца як у адносінах да паасобных людзей, гэтак і на ўсё места.

У 1511 г. у судзе гаспадара вялікага князя з панамі радаю разьбіралася справа мешчаніна Менскага Багдана Кузьмініча з біскупам Віленскім Войтэхам. Богдан Кузьмініч скардзіўся на біскупа за тое, „што ж дей он мене поймал и в нятство посадил; и седел дей есми в него в нятстве двадцать недель и над то дей многие речи мое побрал безвинно"[3]). Біскуп апраўдываўся тым, што Багдан Кузьмініч яго чалавек („не от'хожы") з Ігумена. Аднак, Багдан Кузьмініч давёў, што ён „звечный чоловек господарский з Меньска", і на гэтай аснове суд прысудзіў, каб біскуп заплаціў за ўсе ўзятыя рэчы і штраф за няпраўнае сажаньне ў турму. У тым жа годзе на таго-ж біскупа Войтэха

---

[1]) Ibidem № 15.
[2]) Ibidem № 9.
[3]) Р. И. Б. т. XX. ст. 714—715.

ўжо скардзяцца „бурмистры и радцы и вси мешчане места Виленского“ на тое, што ён „в суды метские вступается и позвы и клятвы на нас выдаеть безвинно“. Такім чынам віленскі біскуп, маючы касьцельныя землі па розных местах, вядзе агрэсыўную політыку ў адносінах да мяшчан, карыстаючыся сваім высокім палажэньнем ў дзяржаве, як першы пан рады вялікага княства, і змагацца з ім месту было далёка ня так лёгка, як з праваслаўнымі мітрапалітам і біскупамі.

Насельніцтва, якое жыла на касьцельных землях каталіцкай царквы, была падуладна і падсудна толькі Віленскаму біскупу і мела асобную біскупскую юрысдыку. Пры тым высокім палажэньні, якое займаў віленскі біскуп, палажэньне гэтага насельніцтва было досыць выгоднае і яго інтарэсы пільна абараняліся каталіцкаю царквою ва ўсіх установах[1]), зразумела, што лік гэтага насельніцтва павялічваецца з узмацненьнем каталіцтва на Беларусі ў другой палове XVI ст.

Насельніцтва, якое жыло на землях каталіцкай царквы, складала асобную групу, як бы места ў месце. Пры агульных справах, якія закранэлі інтарэсы насельніцтва ўсяго Менска, цяжка было знайсьці спосаб іх вырашэньня ня толькі мескаму ўраду з Майдэборскім правам, але нават і агульна-дзяржаўнай уладзе. Места Менскае будавалася з старажытных часоў самацёкам, без усялякага пляну. Такая беспланавасьць была вельмі шкоднай, асабліва ў пажарных адносінах, і ўжо ў часы вялікага князя Жыгімонта Аўгуста была прызначана спэцыяльная рэвізыя для „перенесенья на иншое местце рынку, и некоторых улиц и порадного будованьня домов“ [2]). Прызначаныя Жыгімонтам Аўгустам рэвізоры не давялі па якойсьці прычыне ўпарадкаваньня вуліц і рынку. Справа паднялася ізноў у 1589 г. Рэвізорамі, якія стаялі на чале справы, былі прызначаны маршалак і староста Менскі, пан Дзімітры Скумін і ваяводзіч Берасьцейскі, пан Мартын Тышкевіч Лагойскі. Рэвізоры сустрэліся пры правядзеньні сваёй працы з падданымі касьцельнымі Менскай плебаніі, якія „межы мещаны Меньскими домами своими не порадне седять; зачым тот зачатый порадок селенья домов и переношенья рынку и улиц пристойне отправоватися не можеть“. Рэвізоры для вырашэньня гэтага пытаньня зьвярнуліся да гаспадара вялікага князя. Аднак, і апошні ня можа аддаць адпаведнага загаду, а зьвяртаецца да віленскага біскупа з просьбаю, каб „твоя милость через лист свой плебану Меньскому росказал, иж бы он всим таковым подданым костела католицкого с тых пляцов, которые бы на перашкоде будованьня места были, за росказаньем тых ревизоров наших проч зноситисе велел, никоторого в том спротивеньства паном ревизором нашым не чинечи, якобы се тым жадное затрудненьне и переказы порадному селению и будованю места нашого Меньского не деяла“ [3]).

Тон гаспадарскага лісту і той парадак, якім прыходзілася ісьці, каб дабрацца да касьцельных падданых, сьведчыць выразна аб іх выключным палажэньні і тых цяжкасьцях і перашкодах, якія прыходзілася меиь пры зносінах з імі. Зразумела, што палажэньне магістрату, асабліва, калі ўзаемаадносіны абгойстрываліся, было яшчэ болей цяжкім, раз сам дзяржаўны ўрад ідзе шляхам просьб, а не загадаў.

Апроч мяшчан пад Майдэборскім правам, насельніцтва царкоўных зямель і падданых касьцельных, у Менску жылі князі, паны і баяры шляхты, якія тым ці іншым шляхам набывалі ў месце землі і

[1]) Р. И. Б. т. XX, ст. 1217.
[2]) Новы рынак, належна, быў перанесен на сучасны пляц Волі. (Аўтар)
[3]) Мэтрыка Літоўская кніга запісаў 73, ліст 560 аб.

маемасьці, сяліліся самі і сялілі на сваіх пляцох сваіх падданых. Адным з спосабаў набываньня маемасьцяй баярамі-шляхтаю быў шлюб. Так, у 1500 г. гаспадарскі ўрад зацьвердзіў за баярынам Пашкам Талаконскім яго пасаг, які баярын атрымаў за ўнучкаю мешчаніна і які складаўся з двара „отчыного“ з усімі прыналежнымі да яго ўгодзьдзямі. З гэтых маемасьцяй баярын „маеть нам с того службу земскую заступовать, а местских поплатков никоторых ему не надобе“[1]).

Другі спосаб—гэта купля пляцоў і двароў ад мяшчан менскіх і, урэшце, даніны гаспадарскія. У другой палове XVI ст. гаспадарскі ўрад ужо канстатуе прысутнасьць значнага ліку насельнікаў упрывільеванага стану: „того ведомость маем, же там, в месте меньском, князи панове и земяне наши духовного и светского стану з давних часов, набывши пляцов, подданых своих осадили“. Князі, паны і шляхты, такім чынам, пасяліліся ў Менску ня толькі самі, але й пасадзілі сваіх подданых. Гэтыя подданыя „в месте мешкаючы торгов, ремесла, гандлев и вселяких пожитков местских посполу з поддаными нашыми мещаны меньскими ужывають“[2]).

Як падданыя царкоўныя і касьцельныя, гэтак і падданыя шляхецкія, у месьце займаюцца рамяством і гандлем. Адносіны гаспадарскага ўраду цяпер, аднак, іншыя да гэтых насельнікаў, чымся да падданых царкоўных і касьцельных. Па прыкладу насельніцтва царкоўнага і касьцельнага, насельніцтва, якое жыло на землях княскіх, панскіх і шляхецкіх, таксама імкнецца ўхіліцца ад нясеньня павіннасьцяй і платы падаткаў: „до дованьня стацыи, на подыймованьне послов и гонцов прыкладати и подвод давати не хочуть“. Гаспадарскі ўрад ня мог згадзіцца з такім палажэньнем і не жадаў ставіць насельніцтва княскіх, панскіх і шляхецкіх зямель Менска ў гэткае выключнае палажэньне, і дзеля гэтага рашуча аддае загад сваім прыставам у Менску, пану Мікалаю Сапегу і двараніну гаспадарскаму Багдану Падбіпенце, якія знаходзіліся ў Менску пры Маскоўскіх паслах, каб яны „с пильностью догледали, аж бы подданые князьские, паньские и земяньские духовных и светских в месте Менском мешкаючые заровно з мещаны иншыми меньскими послов и гонцов стацыями падыймывали и до того се прикладали, также и подводы под них давали, ничымся того не вымовляючы; в чом естли бы они вас послушны быти не хотели и вы абысте их до того моцъю звирхности нашое гаспадарское прымушали, везеньнем и грабежами их карали“.

Такая настойнасьць гаспадарскага ўраду сьведчыць аб тым, што падданыя князёў, паноў і шляхты ўхіляліся ад нясеньня розных павіннасьцей, і гаспадарскаму ўраду прыходзіцца змагацца з іх упартым ухіленьнем, аддаючы загад караць непаслушных турмою і грабяжом. Калі падданыя князёў, паноў і шляхты ўхіляліся ад нясеньня павіннасьцяй разам з мяшчанамі, то самі паны, князі і шляхта сваімі дзеяньнямі ў істоце закранаюць інтарэсы места і чыняць яму розныя крыўды і ўціскі. Не падлягаючы ўладзе і суду магістрата, бо яны мелі сваю юрысдыку—замкавую, і не зьвязаныя з местам жыцьцёвымі інтарэсамі, князі, паны і шляхта карыстаюцца кожным выпадкам, каб пашырыць свае маемасьці за кошт мяшчанскіх зямель і маемасьцяй места Менскага. Так, у 1509 годзе мяшчане Менскія скардзяцца на пана Льва Тышкевіча і іншых паноў, што яны ня пускаюць мяшчан у бор, а калі знаходзяць іх там, то б'юць і грабяць, ня гледзячы на тое, што яны маюць лісты ад Вітальда, Жыгімонта і Казіміра, якімі ім

[1]) Мэтрыка Літоўская, кніга пятая запісаў, № 227.
[2]) Мэтрыка Літоўская, кніга L XXIII запісаў, ліст 165.

дазволена браць дрэва на будаваньне ў лясох навокал Менска, на прасторы трох міль. Гаспадар паслаў свайго камісара, які павінен быў вырашыць гэтую справу на аснове лістоў, якія маюць мяшчане; разам з тым камісар павінен быў праверыць лісты паноў і шляхты, і калі першымі лістамі будуць мяшчанскія, то камісар павінен дазволіць мяшчанам браць дрэва на будаваньне для ўласнага ўжываньня, але не на продаж[1]).

Пакусы на зямельныя маемасьці паўтараюцца і ў 1595 г. Гаспадарскі ўрад, да якога зьвярнуліся мяшчане менскія, сьведчыць, што „в некоторую часть кгрунтов меских, а меновите, в рочыщом в Крупец, в бор, в пущу и в сеножати обыватели воеводства менского безправне уступаючыся тых кгрунтов их ужывати им не допущали“[2]).

Паны і шляхта ўціскаюць мяшчанства і ў гандлёвым адносінах У 1585 годзе мешчанін Менскі Анісім Махліч скардзіўся гаспадарскаму ўраду на каштэляна Навагрудзкага, князя Александра Палубенскага, што ён паграбіў яго тавары пры праезьдзе праз яго Даroскі маёнтак. Конфіскацыя тавараў была зроблена за няплату мыта, але мыта было „незвыклае“, гэта значыць новае, няправільнанакладзенае. Гаспадар прысудзіў, каб князь Палубенскі заплаціў за зрабаваны тавар мешчаніну Менскаму „совито“—падвойна, але ці быў заплачаны штраф, гэта невядома. У кожным выпадку такая дзейнасьць паноў, якія ўводзілі ў сваіх маёнтках мыты і ўсялякія паборы, перашкаджала правільнаму гандлю і аслабляла нормальнае разьвіцьцё места.

Для мяшчанства таго часу небясьпечна была і пэрсональная свабода. Князі і паны ахвотна затрымлівалі мяшчан і сялілі ў сваіх месьтах і мястэчках. У 1507 годзе княгіня Слуцкая скардзілася на мешчаніна Жытомірскага і на яго братоў, даводзячы, што „то люди мои отчизные, звечные, непохожые“. У часе судовай справы высьветлілася, што многа гаспадарскіх мяшчан з Кіева, Менска і іншых мест жывуць у Слуцку. Гаспадар пасылае свайго двараніна папісаць гаспадарскіх мяшчан у Слуцку і вывясьці іх вон.

Паны не абмяжоўваліся пакусамі на маемасьці і ўгодзьдзі Менску, а таксама ўчынкамі розных крыўд паасобным мяшчанам. Яны імкнуцца захапіць у свае рукі і мескую ўладу. У 1595 г. ў судзе гаспадара з панамі радаю разьбіралася справа войта, бурмістраў і райцаў Менскіх з маршалкам гаспадарскім Мартынам Тышкевічам, які імкнуўся захапіць няпраўна Менскае войтаўства; але захапіць войтаўства гвалтоўным спосабам была немагчыма, і М. Тышкевіч хоча дабіцца гэтага судовым шляхам.

Тышкевіч падае ў гродзкі суд жалабу, што Менскі войт Грыгоры Тэрлецкі бяспраўна захапіў Менскае войтаўства, якое належыць Тышкевічу, і мяшчане Менскія не жадаюць яму быць паслушнымі, чыняць яму супор, чым давялі яго да значных шкод і страт. На гэтай аснове Тышкевіч падаў ў земскі суд іск на Менскіх мяшчан і суд, ня гледзячы на непадсуднасьць мяшчанства гродзкім і земскім судам, згодна наданых месту прывілеяў, прысудзіў Мартыну Тышкевічу з мяшчан Менскіх 1205 коп грошай („дванадцать сот и пять коп грошай“). Гэтую пастанову земскага суда зацьвердзіў галоўны трыбунал і паслаў земскаму суду на выкананьне. Справа ўсё-ж такі дашла да суду гаспадара з панамі радаю і апошні суд адмяніў усе ранейшыя пастановы на тэй аснове, што „мешчане под правам майдеборским

[1]) Р. И. Б. т. XX. ст. 604.
[2]) Собран. древн. грамот и актов гор. Минск. губ., № 33.
[3]) Мэтрыка Літоўская, кніга судных спраў 63, ліст 200
[4]) Р. И. Б.. т. XX. ст. 560.

будучые под сказы судов земских, кгродских и трибунальских не подлегали и о войтовство, яко о добра нашы, у земства сужоны быти не могли, звлаща же и войтовство меньское, которого Мартин Тышкович доходил по менскому Грыгорею Терлецкому, водлуг права его доброго от нас присужоно есть"[1]).

Месту Менску прыходзілася затрачваць значную энэргію, немалыя сумы грошай і нямала часу на абарону маемасьцяй, як паасобных мяшчан, гэтак і ўсяго места. Абставіны, як у самай мяжы, так і па замежамі места, былі далёка ня спрыяючымі для ўсяго места і паасобных мяшчан. З усіх бакоў была пагроза, то на маемасьці, то на свабоду, то, урэшце, на самы мескі ўрад-войтаўства, які быў даходнаю пасадаю і выклікаў зайздросьць з боку сільных паноў, якія жадалі захапіць яе ў сваі рукі.

Адносіны да места і мяшчан гаспадарскіхураднікаў.

Ня лепшымі для Менску былі і гаспадарскія ўраднікі ў асобах намесьнікаў-дзяржаўцаў, або стараст, як яны сталі звацца ў другой палове XVI ст.

Ужо ў тым-жа 1499 г., у якім быў дан і прывілей Менску на Майдэборскае права, паміж мяшчанамі і новаўтвораным мескім урадам з аднаго боку, і намесьнікам Менскім, князем Багданам Жаслаўскім, з другога, пачаліся непаразуменьні і спрэчкі на грунце пытаньняў, якія закраналі падаткі і даходы, і каму іх плаціць. Намесьнік Багдан Жаслаўскі скардзіўся вялікаму князю на тое, што войт, бурмістры і радцы места Менскага пры судовых справах ня хочуць мець прадстаўніка намесьніка Менскага і не даюць яму „двух пенязей з вин". Апрача гэтага мяшчане адмаўляліся папраўляць гродзкі млын і сыпаць грэблі. З дараваньнем Майдэборскага права пад мескі прысуд і ўладу папалі ўсе рамесьнікі: „золотори, кравцы кушнеры, ковали, чоботори и иныи ремесники", якія давалі на менскі гаспадарскі двор „нароги, серпы и защепки и сокеры и иные речи", і гаспадарскі двор застаўся без рамесьнікаў; затым войт і мяшчане менскія забралі пад уладу і прысуд мескі людзей, якія раней жылі пад прысудам гродскім, чым, разумеецца, закранулі інтарэсы намесьніка дзяржаўцы, бо, стаўшы пад уладу мескага магістрату, гэтыя мяшчане перасталі плаціць падаткі і несьці павіннасьці на гаспадарскі менскі двор, а гэтым самым і на намесьніка дзяржаўцу. Урэшце, апошні пункт скаргі, гэта тое, што войт і мяшчане забіраюць і нічога не даюць намесьніку дзяржаўцу з прыбыткаў, якія атрымліваюць ад злодзеяў, якіх прыводзяць „с поличным", а таксама ад прыблудных жывёлаў і коняй.

Усе гэтыя скаргі закраналі істотныя асновы таго права, якое была надана месту Менскаму прывілеем на майдэборскае права, і гаспадар вялікі князь вырашыў іх далёка не на карысьць Менску, даўшы намесьніку-дзяржаўцу грунт для ўмешваньня ў Менскія мескія справы.

Гаспадар вялікі князь на скаргу намесьніка аб судовых вінах загадаў войту і бурмістрам даваць „два пенязи" з судовых він намесьніку-дзяржаўцу, і пры ўсіх судовых справах войта і бурмістраў павінен сядзець намесьнік намесьніка-дзяржаўцы.

На скаргу намесьніка, што мяшчане адмаўляюцца „млына городского оправляти и гребли сыпати", гаспадар вынес пастанову, што мяшчане павінны „млын городский робити и оправляти и дерево на тот млын возити и греблю сыпати подле давного обычая".

[1]) Мэтрыка Літоўская, Кніга судных спраў 63, ліст 506—509.

Скаргу намесьніка аб прыўлашчаньні войтам і райцамі прыблуднай скаціны і злоўленага злодзея з палічным таксама задаволіў, і прыблудная скаціна, а такжа палічнае павінны ісьці на карысьць намесьніка-дзяржаўцы.

Пытаньне аб рамесьніках было часткаю агульнага пытаньня аб тым, хто падлягае ўладзе войта і райцаў, склаўшых асобны магістрат, і хто застанецца пад уладаю гаспадарскага намесьніка і будзе несьці павіннасьці і плаціць падаткі непасрэдна на менскі гаспадарскі двор, або замак. Пасьля дараваньня прывілея на Майдэборскае права новаарганізаванная ўлада ў асобах войта і райцаў залічыла ўсіх, хто жыў на гаспадарскіх землях ў Менску, апрача баяр шляхты, у разрад мяшчан і падпарадкавала іх сваёй уладзе. На скаргу намесьніка гаспадару аб такой дзейнасьці войта і райцаў гаспадар вялікі князь даў адказ у форме, якая заўсёды адчыняла прастор для злоўжываньняў намесьніка. Вялікі князь у гэтым спрэчным пункце даў волю самому насельніцтву. Мяшчанам, якія былі пад мескім прысудам і ўладаю, дазвалялася пераходзіць пад прысуд і ўладу намесьніка-дзяржаўцы У выпадку пераходу пад замкавую ўладу, такіх мяшчан радзіць і судзіць намесьнік, а войт і мяшчане трацяць над імі уладу і права суда. Гаспадарскае вырашэньне нічога, аднак, не гаворыць аб адваротным праве насельніцтва, якое засталося пад замкавым прысудам і ўладаю, і на аснове якога было-б дазволена пераходзіць пад уладу і суд мескага магістрату. Рашэньне гаспадара, такім чынам, было аднабокім, і забясьпечвала толькі інтэрэсы намесьніка; адначасна з тым яно была і нявызначаным, бо воля і жаданьне насельніцтва маглі быць заўсёды пад уціскам намесьніка.

На скаргу аб рамесьніках гаспадар загадаў войту й райцам менскім выдзяліць пятнаццаць двароў рамесьніцкіх і перадаць іх замку. Пастанова адносна рамесьнікаў даволі нявыразная, але сутнасьць яе заключаецца ў тым, што пятнаццаць двароў павінны працаваць на замак, і падобна сялянам спэцыяльных служб залежаць ад гаспадарскага менскага двара, быць пад яго ўладаю і прысудам. Такім спосабам лік насельнікаў Менскіх, якія складалі грамадзянства пад Майдэборскім правам, быў зьменьшан самым гаспадарскім урадам і, апроч таго, такое вырашэньне справы давала намесьніку-дзяржаўцу зачэпку для пашырэньня сваёй улады над менскімі рамесьнікамі і, у выпадку зьмяньшэння ў двары ліку рамесьнікаў, павялічваць іх за кошт рамесьнікаў мескіх, якія былі пад уладаю і прысудам мескага магістрату.

Апошні пункт гаспадарскай пастановы ўзмацняе аўторытэт і ўладу намесьніка-дзяржаўцы і загадвае мяшчанству, каб яно была паслушным намесьніку ў справах, якія датычацца гаспадарскіх інтарэсаў, як самаго гаспадара, і забараняе пад страхам штрафу ў двесьце рублёў грошай мескаму магістрату ўступацца ў справы гродзкія, гэта значыць замкавыя даходы[1]).

Такім чынам гаспадарскі ўрад, выдаўшы Менску прывілей на Майдэборскае права і гэтым самым вызваліўшы яго з пад улады і прысуду намесьніка дзяржаўцы, зараз-жа пасьля яго дараваньня зьмяншае і абмяжоўвае яго разьвіцьцё і ўзмацняе ўладу намесьніка-дзяржаўцы. Такая нязвычайная дзейнасьць цэнтральнага ўраду, які адною рукою дае, а другою зараз жа аднімае тое, што дае, або абмяжоўвае дадзенае, выклікае барацьбу паміж местам і гаспадарскім намесьнікам дзяржаўцаю, якая цягнецца на працягу ўсяго XVI сталецьця

[1]) М. К. Любавский. Областное деление, приложение № 11.

Ужо ў 1509 годзе менскія мяшчане падалі скаргу на свайго намесьніка Багдана Іванавіча Жаслаўскага, якая разьбіралася ў судзе гаспадара з панамі радамі. З гэтай скаргі выявілася, што намесьнік Менскі „нас (мяшчан) судить и рядить и детских своих на нас даеть через право нашо Майдэборское, которое ж нам дал Александр король его милость, теж с свадеб носатки береть и куницы смирскии, и теж от каждого суда по два гроши, и иные многии кривды и новины нам делаеть безвинне; кони и иные многии речи в нас грабить через право нашо". З паданай скаргі выразна відаць, што гаспадарскі намесьнік зусім ня лічыцца з дараваным Майдэборскім правам і вядзе справы па старажытнаму, як ён прызвычаіўся весьці іх да дараваньня прывілея. Князь Багдан Жаслаўскі не адмаўляецца ад абвінавачаньня, але ў сваё апраўданьне даводзіць, што ён „николи не суживал ани раживал без их воли и децких на них не давал; нижже коли они сами на мене злюбять и я их сужу и ряжу з их волею". Гаспадар забараняе суд намесьніка і растлумачвае, што мяшчане павінны судзіцца і весьці іншыя справы ў войта і бурмістраў паводле свайго майдэборскага права, а не здаволеныя судом войта павінны зьвяртацца да гаспадара-вялікага князя[1]).

Забараняючы свайму намесьніку ў Менску тварыць суд і ўмешвацца ў мескія справы, гаспадарскі ўрад іншымі сваімі распараджэньнямі дае магчымасьць свайму намесьніку ўмешвацца ў мескія справы. Таму-ж самаму намесьніку князю Богдану Жаслаўскаму гаспадар піша, каб ён аддаў загад менскаму войту і мяшчанам аб нячыненьні імі крыўд манастырскім подданым[2]).

Узаемаадносіны паміж менскім урадам і намесьнікамі-дзяржаўцамі, як гаспадарскаю ўладаю на месцах, былі заблытанымі, і гэта давала магчымасьць намесьнікам-дзяржаўцам выкарыстоўваць сваю ўладу далёка не на карысьць места. Злачынствы намесьнікаў дзяржаўцаў абуралі мяшчанства. Яно змагаецца з імі легальнымі спосабамі, падаючы скаргі ў суд гаспадара і паноў рады. Аднак, ня гледзячы на рашэньні і пастановы суда вялікага князя і паноў рады, і іх загады намесьнікам-дзяржаўцам, апошнія не прыпыняюць сваіх гвалтаў і злачынстваў. Тады мяшчанства пачынае змагацца з імі шляхам самаабароны і аружнага адпору, б'е слуг намесьніка, таго-ж Багдана Жаслаўскага[3]).

Цяжка сказаць, наколькі памог мяшчанству гэты спосаб абароны ад крыўд і ўціскаў з боку намесьнікаў-дзяржаўцаў. Крыўды і гвалты намесьнікаў адбываюцца і ў канцы XVI ст.

У 1595 г. „бурмистры, райцы, лавники и вси мещане места меньского припозвали у суд гаспадара и панов рад старосту меньского урожоного Андрея Станкевича о певные кривды". Такіх крыўд было чатыры: першая, што „он, наславши моцно и гвалтом приятел и слуг своих на мещанина меньского Павла Михайловича с того дому кгвалтовне его взять казавши до везеньня замкового сажати и мучити его давал", другая—„в кривде того Павла Михайловича о нарушенье права местского", трэйцяя—„мещан меньских он до незвыклого робеньня мосту примушати мел"; чацьвертая—„о неприймованьне квитов шафарских с стороны пива и меду послом и гонцом с корчом браного", пятая ўжо самаго старасты на мяшчан—„О млыне и иншые речы"[4]).

[1]) Р. И. Б. т. XX, ст. 602.
[2]) Собр. др. гр. Минск. губ. № 8.
[3]) Р. И. Б. т. XX, ст. 1219.
[4]) Мэтрыка Літоўская, кніга судных спраў 63, карта 583.

Справа была адкладзена па прычыне хваробы ўмацаванага (так зваліся ў той час правазаступнікі) Станкевіча, які ня мог зьявіцца ў суд сваячасна. Для нас важны тыя скаргі, якія паданы былі мяшчанамі, і якія паказваюць, што ўзаемаадносіны паміж мяшчанствам і гаспадарскімі ўраднікамі не ўстанавіліся і праз сто год пасьля дараваньня прывілея на майдэборскае права, чым карыстаюцца намесьнікі-дзяржаўцы для таго, каб уціскаць насельніцтва места ў сваіх карысных мэтах.

Такая нявыразнасьць адносін паміж мескім урадам і мяшчанствам з аднаго боку, і гаспадарскімі ўраднікамі з другога, выклікала і патрабавала многа энэргіі і сродкаў ад мяшчанства для вядзеньня самай барацьбы і абароны сваіх праў і інтэрэсаў, і была значнаю перашкодаю для нормальнага разьвіцця места. Гаспадарскія ўраднікі, прадстаўнікі шляхецтва і панства, былі сталымі ворагамі мяшчан. Перавага была на іх баку, і з другой паловы XYI веку, калі ў Літоўска-Беларускай дзяржаве ўзмацнілася іх дыктатура, гэтая барацьба зрабілася для мяшчан непасільнай, і мяшчанства пачынае прыходзіць у занялад, не пасьпеўшы расквісьці.

М. Шчакаціхін.

Ілюстрацыі Даніэля Хадавецкага да „Буры“ Шэкспіра.

(Працяг[1]).

Апублікаваныя ў 1788 годзе ў „Гётынгэнскім Кішэнным Календары“ ілюстрацыі да „Буры“ складаюць сэрыю з дванаццаці аркушоў аб'яднаных пад № 583 у каталёгу *Engelmann*'а[2]). Кожны аркуш аточаны тонкай рамкай разьмерамі 90×50 m m, па-за межамі якой згары направа, зьмяшчаецца чарговы нумар данага аркушу; унутры рамкі папярочная паземная лінія падзяляе аркуш на дзьве неаднальковыя часткі, дольняя з якіх, разьмерам у 15×50 m m, зьяўляецца месцам для адпаведнага надпісу, горняя-ж запоўнена гравюрай, што мае, такім чынам, памер 75×50 m m. Першы нумар, адрозьніваючыся ад іншых аркушоў тэй-жа сэрыі, мае на доле ў сярэдзіне надпіс: „*Der Sturm. Shakespears Schauspiele*“, а за межамі рамкі на доле направа подпіс мастака: „*D. Chodowiecki inv. et sc.*“

Разьвіцьцё дзеі п'есы, адбітай у сэрыі ў дванаццаці асноўных момантах, пачынаецца з першае зьявы першага акту, на караблі Алёнзо, узварушаным першым грукатам чараўнічае буры. Тлумачальны надпіс да аркушу: „*Ich bitt euch bleibt unten*. 1 *Auszug*. 1 *Austritt*“ зьяўляецца адным з першых сказаў п'есы з размовы між боцманам і пасажырамі судна, якія нечакана вышлі на палубу, занепакоеныя пагрозаю магчымае небясьпекі[3]). Самая палуба намечана агульнымі рысамі, без асаблівае ўважлівай распрацоўкі дэталяй; простая лінія борту падзяляе гравюру па горызонталі на дзьве амаль што роўныя паловы: у горняй на фоне неба рэзкімі простымі штрыхамі абрысаваны снасьці і рэі; некалькі нязвычайная тэхніка выкананьня неба пры дапамозе дробных рысак, перакрыжаваных пад вострымі кутамі, згушчае колёрыт і зацямняе фон важкай цемрай гразовых хмар, каб тым выразьней выявіць вольную прастору ў сярэдзіне, г. зн. прарыў паміж воблак, выка-

---

[1]) Гл. „Працы Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту“ № 4—5, 1923 г., стар. 134—149. (Друкаваньне гэтае працы спынілася да бягучага году з тэхнічных прычын. За гэты-ж час праца была перароблена аўтарам на-нова, ужо ў беларускай мове. У гэтай новай рэдакцыі і друкуецца цяпер працяг.

[2]) W. Engelmann. Daniel Chodowieckis sämtliche Kupferstiche. Leipzig 1857. (У сваей працы мы карысталіся паасобнікамі Гравюрнага Габінэту б. Румянцаўскага Музэю, цяпер Музэю Прыгожых Мастацтваў у Маскве: шафа 2, папка № 53 „Chodowiecki“, аркушы I, II і III).

[3]) Shakespeare. The Tempest. Act I. Scene I. 8—17: „Enter Alonso, Sebastian, Antonio, Ferdinand, Gonzalo, and others. Alon. Goad boatswain, have care. Where's the master? Play the men Boats. I pray now, keep below. Ant. Where is the master, boatswain? Boats. Do you not hear him? You mar our labour: keep your cabins: you do assist the storm. Gon. Nay, good, be patient. Boats. When the sea is. Hense! What cares these roarers for the name of king? To cabin: silence! trouble us not.“ Стар. 3—4 (тут, як і ў далейшым, паказаны па выданьні: The Works of William Shakespeare. London. Archibalde Constable & C⁰ Ltd Vol. IV. The Tempest).

наны ў звычайнай для трактаваньня неба, як у Хадавецкага, так і нагул у нямецкай гравюры тэхніцы—пры дапамозе дробнай паземнай штрыхоўкі,—і чытэльна прарэзаны белай маланкай, якая спадае ўніз у чатырох вострых зломах. Рэзкая лінія маланкі надзвычайна ўдала ў кампазыцыйных адносінах разьвязвае напруджанасьць горняе часткі аркушу імпэтным рухам да асяродку, дзе сярэдняя частка палубы пакінута вольнай, а з абодвых бакоў, направа і налева, разьмешчаны адпаведныя пэрсонажы. У параўнаньні да горняй часткі гравюры—дольняя, ня гледзячы на прысутнасьць чалавечых фігур, значна бядней у сэнсе руху. Думка аб сутрыманай умоўнасьці сцэнічных жэстаў мімаволі прыходзіць у галаву пры самым беглым поглядзе на гэтую спакойную, амаль нярухомую групу, чыя размова бездакорна цячэ ў строгіх рамках драматычнае формы, безадносна да грозных прадзнак навальніцы, без усякага так натуральнага, здавалася-б, выяўленьня тых ці іншых эмоцыянальных уражаньняў. Крыху жывей за іншыя толькі фігура боцмана з правага боку, які ў адбіты на гравюры момант вымаўляе сваю прыведзеную ў надпісу рэпліку; лінія спаду маланкі графічна зьвязана з выгінам яго фігуры і як бы прадоўжана ў ёй, замацоўваючы лёгічны і формальны акцэнт на выцягнутай усярэдзіну і некалькі на дол правай яго руцэ, якая быццам сьцьвярджае словы яго належным выразным жэстам. Праз гэты рух утвараецца адзіная сувязь паміж завязкаю драмы, выяўленай у навальніцы і буры, і пачаткам дзеі першага акту; у іншым-жа фігура трактавана досыць спакойна: боцман цьвёрда пастаўлены з абапораю на левай назе, амаль што еп іасе да гледача, і толькі галава ў высокім шыракаполым капялюшы павёрнута налева ў бок яго суразмоўцаў; левай рукой, паднятай вышэй галавы, ён моцна трымаецца за вяроўку, якая зьвісае згары і кладзецца з стромкім загінам на палубу, дзе яна паўтарае, як быццам, і гэтым асабліва падкрэсьлівае выразны рух яго правай рукі.

З левага боку гравюры маленькая група, якая складаецца з трох асоб, слухае прамову боцмана ветліва, але бязуважна. Уласна кажучы, па рэмарцы Шэксьпіра да тэксту ў гэты момант на палубу выходзяць усе пасажыры карабля: Алёнзо, Сэбасьцян, Антоніо, Фэрдынанд, Гонзало і іншыя [1]; у даным выпадку мастак абмежаваўся, аднак, толькі трыма з іх, а ўласна—Алёнзо, Антоніо і Гонзало, як гэта можна бачыць, раўнаючы першую гравюру да іншых аркушаў сэрыі; калі прыняць пад увагу, што ўласна гэтыя асобы адны толькі і прымаюць актыўны ўдзел у далейшай размове,—дык факт гэты яшчэ раз можа замацаваць нас у дапушчэньні магчымасьці нейкага сцэнічнага ўражаньня, пакладзенага ў аснову ілюстрацыйнае сэрыі, бо ў працэсе пастаноўкі п'есы на сцэне выхад асоб, пазбаўленых слоў у адпаведнай зьяве, лёгка мог быць скасаваны в рэжысэрскіх меркаваньняў. Трэба зазначыць, аднак, што пры сцэнічным афармленьні п'есы ў безупыннай паслядоўнасьці дзеі такая рэжысэрская папраўка да адпаведнае рэмаркі не ствapaлa ніякай няяснасьці для гледача, які хаця і ня бачыў Фэрдынанда на працягу першае зьявы, але пры першым выхадзе яго ў другой зьяве даведваўся аб прысутнасьці яго разам з іншымі на караблі з вуснаў Проспэро: „This gallant which thou seest was in the wreck“; [2]) паміж першай і другою зьявамі захоўвалася, такім чынам, пасьлядоўная лёгічная сувязь У сэрыі-ж ілюстрацый непаўната пэрсонажай у першым аркушы, які павінен быў бы граць ролю нейкае інтродукцыі, маючы ў сябе завязку ўсёй далейшае дзеі,—робіць некаль-

---

[1]) The Tempest, стар. 3.

[2]) The Tempest, I, 413—414, стар. 23

кі іншае ўражаньне, асабліва на гледача з самай п'есай незнаёмага; пасьлядоўнасьць дзеі парушаецца; сустракаючы на далейшых аркушох пэрсонажай першай гравюры, г. зн. Алёнзо, Антоніо і Гонзало, глядач зразумела, лёгка пазнае іх, і пад уплывам шэрагу асоцыяцый, зьвязаных з загалоўкам „Бура" і з уражаньнем паказанага на першым аркушы карабля, лёгка можа прысьці да правільнага вываду, што з караблём гэтым здарылася катастрофа, пасьля чаго пасажыры высадзіліся на нейкі бераг, дзе жывуць Проспэро і Міранда, з якімі ён знаёміцца на другім аркушы; што-ж датычыць Фэрдынанда, які зьяўляецца ў першы раз на аркушы трэцім разам з Проспэро, Мірандай і Арыэлям,—дык правільнае тлумачэньне гэтае фігуры, пры незнаёмасьці з агульным ходам п'есы, робіцца значна болей цяжкім, зацямняючы, такім чынам, агульную яснасьць самага пляну ілюстрацыйнае сэрыі. Факт гэты ня быў прыняты ілюстратарам пад увагу, што можна было бы паставіць яму ў віну нават і ў тым выпадку, калі ён запраўды карыстаўся ў працы сваёй дапамогай беспасрэдных сцэнічных уражаньняў,—калі-б толькі мы тут мелі наогул справу з звычайнымі формамі ілюстрацыйнага мастацтва ў сьціслым сэнсе гэтага слова, г. зн. такога мастацтва, мэтай якога зьяўляецца ўтварэньне нейкіх вобразных дадаткаў да пэўнага тэксту літаратурнага твору,—чаго фактычна ў данай сэрыі пры яе некалькі асаблівым характары, зусім няма. Гэтае пытаньне, аднак, мы закранем яшчэ больш падрабязна ў далейшым.

Варачаючыся да пэрсонажай першай гравюры, апроч памянёнай вышэй агульнай статычнасьці іх і нейкай кампазыцыйнай зьвязанасьці, трэба яшчэ зазначыць і пэўную умоўнасьць надворнага іх аблічча, разам з слабасьцю і нявыразнасьцю іх індывідуальных характарыстык, чаго далёка няма ў вобразах шмат якіх іншых пэрсонажай п'есы, (як, напр., Проспэро, Стэфано, Трынкуло, часткова Міранда і Фэрдынанд), якіх мы бачым на далейшых аркушох. Крыху болей значна за іншыя фігура Алёнзо, высунутая з групы наперад да асяродку аркушу, у якасьці слухача прыведзенай у загалоўку гравюры прамовы боцмана; ён апрануты ў кароткі плашч з капюшонам і футраной падбіўкай, які засланяе іншыя яго адзежы; на галаве высокі капялюш з пышнымі страўсавымі пер'ямі, а зьверху, акаляючы шыю, спадае на плашч зубчаты каўнер з анталяжай. Галава з паваротам у тры чвэрткі адносна гледача як быццам з нейкай пагардай узнята да гары,—твар жа, аднак, застаецца бязуважным і нявыразным, разам з усёй спакойнай і нярухомай фігурай ня прымаючы ніякага актыўнага ўдзелу ў дзеяньні, таксама як і зьмешчаныя за сьпіной яго Антоніо і Гонзало, характарызаваныя яшчэ меней дакладна. Першы з іх напалову закрыты фігурай Алёнзо, так што мы бачым толькі доўгі захінуты плашч і капялюш значна меншых як у Алёнзо памераў, бяз пер'яў, на зьвернутай у профіль да гледача галаве. Гонзало, якога відаць цалком за сьпінамі абодвых першых фігур, зусім ня мае плашча, што дазваляе падрабязьней агледзець яго адзеньне, досыць простае і з першага погляду бясстылёвае, але з характэрнымі пышнымі зборчатымі буфамі на рукавах і каля кален.

Калі лічыць, што задачай першай гравюры ў сэрыі ілюстрацый зьяўляецца тое, каб выклікаць у гледача пэўную зацікаўленасьць і увагу да далейшага ходу разьвіцьця адпаведных здарэньняў,—дык з гэтага пункту погляду першы аркуш „Буры" трэба, бязумоўна, прызнаць зусім няўдалым. Ці ставіў сабе, аднак, сам ілюстратар такога роду заданьне? Нам здаецца што гэтае пытаньне, хутчэй за ўсё, павінна быць вырашана адмоўна. Самае павярхоўнае параўнаньне асобных аркушоў сэрыі між сабой ясна выяўляе вядомую іх няроўнамер-

насьць, неаднальковасьць іх мастацкае вартасьці, і ў самай тэхніцы, нават, як быццам нейкую розьніцу ў стопні формальнае уважлівасьці аўтара да трактаваньня тых ці іншых драматычных момантаў. У той час, як адны з іх выкананы з звычайнай для Хадавецкага дакладнасьцю і добрасумленнасьцю,—іншыя зроблены абы як, і нават зусім нядбала, ствараючы ўражаньне прац няскончаных, сьпешных, скомпанаваных бяз увагі і замілаваньня, толькі для паўнаты намечанай сэрыі і для выкананьня пэўнага, раней прынятага пляну. Розьніца гэтая выклікае думку, што, можа, далёка ня ўсе ілюстрацыі, якія ўваходзяць у сэрыю, здаваліся мастаку аднолькова істотнымі і важнымі; робячы адны з іх прадметам сваёй асаблівай увагі, як быццам нейкімі асяродкамі цяжару, у якіх концэнтруецца значэньне ўсяго ілюстрацыйнага матар'ялу, ён у той-жа час зьніжае іншыя толькі да службовае ролі, пакідаючы за імі значэньне пэўных злучальных зьвеньняў паміж асобнымі часткамі агульнай ілюстрацыйнай композыцыі. Факт гэты лёгка можа быць вытлумачаны, калі мы ўспомнім, што агульны лік ілюстрацый, г. зн. дванаццаць, быў абумоўлены не нутранымі мастацкімі меркаваньнямі, але надворнымі запатрабаваньнямі каляндарнага стылю, дзе кожная ілюстрацыя дапасоўвалася, звычайна, да паасобнага месяцу [1]). Упоўне магчыма, што ў выпадку, калі-б Хадавецкі ня быў да вядомай ступені зьвязаны такім запатрабаваньнем, ён здолеў бы абмежавацца пры ілюстраваньні „Буры“ і некалькі меншым лікам аркушоў, адзначыўшы толькі тыя моманты і сытуацыі, якія з яго пункту погляду заслугоўвалі найбольшай увагі і мелі найбольшы інтарэс для гледача; падлягаючы, аднак, агульным умовам выданьня, ён быў прымушаны гэты лік павялічыць, каб давесьці яго, такім чынам, да патрэбнае колькасьці. Гэтым шляхам, хутчэй за ўсё, і ўзьнікла паказаная намі няроўнасьць і нейкая падвойнасьць у апрацоўцы паасобных аркушоў, з якіх адны выконваліся мастаком з увагаю і дакладнасьцю, іншыя-ж без асаблівае акуратнасьці падлягалі нядбалай і сьпешнай апрацоўцы. Гравюры першага тыпу маюць для нас, зразумела, найболей істотнае значэньне, паколькі, вылучыўшы іх з ліку іншых, і выяўляючы шляхам аналізу кожнай гравюры асобна іх супольныя рысы, мы да вядомай ступені можам глыбей пранікнуць у самы характар узаемаадносін паміж мастацтвам Шэксьпіра і творчасьцю Хадавецкага, а тым самым, значыцца, і нямецкай романтыкай наагул. Нам здаецца, што гэтым шляхам можна хаця бы часткова выявіць і вызначыць, як падыходзіла нямецкае 18-е сталецьце да Шэксьпіра, што бачыла яно ў ім, і якія асаблівасьці шэксьпірава гэнія ўзбуджалі ў ім найбольшую цікавасьць і захапленьне, у якіх межах, нарэшце, яно было здатным да зразуменьня Шэксьпіра, і ў чым ня гледзячы на ўсё сваё захапленьне, яно засталося ўсё-ж чужым і далёкім яго бурнаму і глыбокаму натуралістычнаму пафосу. Мы лічым, што прабуючы даць пэўны адказ на гэтыя пытаньні шляхам вывучэньня параўнальна нязначнай сэрыі ілюстрацый да „Буры“, мы зусім не пераўвялічваем у гэтым выпадку значэньне Хадавецкага і яго ілюстрацый, бо мы схіляемся, як мы гэта ўжо зазначалі, да таго, каб тлумачыць пэўныя асаблівасьці ў падыходзе Хадавецкага да Шэксьпіра не асаблівасьцямі яго індывідуальнага характару, але ўплывам грамадзкіх настрояў і густаў таго народу, эпохі і клясы, да якіх ён належаў, і якія ён у сабе цалком выяўляў; прадпасылка-ж гэтая—у кожным выпадку ў адносінах да Хадавецкага—ужо досыць давадзена неаднаразовымі досьледамі і новых

[1]) Oettingen, 200; Servières, 383.

довадаў, бясспрэчна, не патрабуе [1]). Што-ж датычыць другой катэгоры ілюстрацый,—дык у іх, зразумела, мы знойдзем значна меней моманаў, вартых нашай увагі, за выняткам хіба толькі некаторых дэталяй, на разглядзе якіх мы павінны будзем спыніцца на працягу далейшага выкладу; некаторыя з гэтых дэталяй мы ўжо закранулі пры аналізе першага аркушу, які мы адносім,—што ясна пасьля ўсяго вышэйзьмешчанага,—уласна да гэтай другой катэгоры, чым і тлумачыцца зробленая намі вышэй параўнальна невысокая яго ацэнка ў якасьці мала ўдалага, калі можна сказаць так, графічнага акорду, усьлед за якім павінна разгортвацца самыя мэлёдыя ілюстрацыйнае сэры ў парадку пасьлядоўнага разьвіцьця драматычных здарэньняў.

Пераходзячы да другога аркушу, мы пераносімся разам з далейшым ходам шэксьпіравай драмы на зачараваную выспу Проспэро, у краіну сноў і фантастыкі, дзе як белы халодны сьнег („the white cold virgin snow“) расквітае чароўны вобраз Міранды [2]). Гравюра выабражае сабой першую зьяву другой карціны першага акту—сцэну гіпнотычнага ўсыпленьня Міранды пасьля размовы з айцом, дзе яна ў першы раз даведалася аб таямніцы свайго пахаджэньня, а таксама аб тых прычынах, якія пабудзілі Проспэро выклікаць з дапамогай свайго чараўніцтва штучную буру наўкола выспы. Абстаноўка, дзе працякае дзея, намечаная яшчэ меней выразна і ясна як у аркушы першым, у некаторых дэталях сваіх ізноў мімаволі выклікае думку аб пэўнай магчымасьці тэатральных уплываў,—часткова аб адбіцьці нейкіх умоўных форм сцэнічнае дэкорацыі. Запраўды, па рэмарцы Шэксьпіра месцам дзеі паказанай сцэны зьяўляецца „частка выспы перад пячорай Проспэро“[3]); той-жа пэйзаж, які мы знаходзім на гравюры, зусім не адпавядае гэтаму азначэньню. Праўда, на заднім пляне буйная расьліннасьць, трактаваная пры дапамозе дробнай і заблытанай штрыхоўкі, да вядомай ступені стварае ўражаньне дзікага, занядбанага кутка, закінутага недзе ў глушы першабытнай, нечапанай краіны. Але гэтае ўражаньне магчыма толькі пад умовай папярэдняга знаёмства з фабулай драмы, толькі ў тым выпадку, калі глядач падыходзіць да гравюры заранеі у гэтым сэнсе падрыхтаваным. Узяты-ж безадносна да ходу пьесы, пэйзаж гэты ня мае ў сабе нічога характэрнага і спэцыфічнага, і нават, часткова, быццам і супярэчыць таму бясспрэчнаму адценьню некалькі своеасаблівай экзотыкі, якой адзначана трактаваная з увагай і яўнай цікавасьцю фігура Проспэро. Пры гэтым, уся прастора рысунку выразна падзяляецца на два пляны, рэзка розныя між сабой па тэхніцы выкананьня, з якіх дальні, калі разглядаць яго асобна, лёгка можа быць вытлумачаны ў якасьці звычайнага ляснога „задніку“, што ўжываецца пры адпаведных тэатральных пастаноўках. Крыху лепей распрацаваны бліжні плян таксама шмат у чым мае дэкорацыйны характар: з левага боку—хмызьняк і два высокія густалісныя дрэвы, якія неяк тэатральна навісаюць над сярэдзінай аркушу; пад імі амаль што простастаўна да авансцэны знаходзіцца звычайная садовая лаўка; з правага боку—ізноў хмызьняк, і з самае гушчыні яго, здавалася-б, зусім нечакана і непатрэбна ўздымаецца высокі мур невядомага будынку, без вакон і дзьвярэй. Мур гэты, па нашай думцы, зьяўляецца досыць рашучым аргумэнтам на карысьць станоўчага вырашэньня пытаньня аб тэатральным уплыве на даную сэрыю Хадавецкага. Калі-б мастак у працы сваёй кіраваўся толькі паказаньнямі

1) Пар. Muther, 88—89; Вэрман, III, 636; Servières, 386; таксама ў Kaemmerer'a і Oettingen'a.

2) The Tempest. IV, 55 стар. 65.

3) „The Island: before the Cell of Prospero“.—The Tempest. Act. I. scene II. стар. 6.

тэксту, разьвіваючы іх, і выяуляючы з дапамогай сваёй уласнай творчай фантазыі,—тады прысутнасьць гэтага муру зьяўлялася-б зусім незразумелай, бо ў якасьці пячоры Проспэро вытлумачыць яго, бясспрэчна, ні ў якім выпадку нельга. Але хутчэй за ўсё і тут, і ў іншых гравюрах, як, напр., у дзясятай (1-я сцэна IV акту), дзе абстаноўка зусім іншая, ня гледзячы на ўпоўне тоесамую рэмарку ў тэксьце Шэксьпіра [1]),—мастак зусім і не заглядаў у тэкст, проста зарысаваўшы тое, што ён беспасрэдна бачыў на сцэне, прычым, мусіць, ён не надаў ніякага асаблівага значэньня ўбачанай ім чыста выпадковай і неадпаведнай дэкорацыі, дзе і знаходзіўся гэты незразумелы мур, паўтораны ім, між іншым, апроч другога аркушу таксама на трэцім (I акт, 2 сцэна) і шостым (III акт, 1 сцэна). Гэта магчыма тым болей, што ўвесь яго інтарэс і ўвага былі тут укладзены, перш за ўсё, у выяўленьне пэрсонажай, найболей важных як у агульным ходзе драмы, так, мабыць, і ў пляне ўсёй ілюстрацыйнай сэрыі.

З пункту погляду сучаснага разуменьня і тлумачэньня тыпаў Шэксьпіра—часткова вобраза Міранды—зьмешчаная на гравюры жаночая постаць можа, зразумела, здацца некалькі дзіўнай і неадпаведнай яснаму і сьвежаму шэксьпіраву замыслу; у ёй занадта шмат умоўнасьці і нават манернасьці, ня гледзячы на наўмысьную прастату нібыта старасьвецкага адзеньня, нявыдумнасьць зачоскі і свабодную натуральнасьць позы; уласна ня гледзячы на ўсе гэтыя моманты, яна застаецца моднай у сучасным Хадавецкаму сэнсе гэтага слова,—і гэта, бязумоўна, зьяўляецца надзвычайна характэрным для разуменьня Шэксьпіра ў тую эпоху. Тое, што нам здаецца цяпер нейкім пазачасным, абстрактным, абагульнёным тыпам,—тое 18-е сталецьце ўспрымала, пэўна, крыху інакш, у гусьце і стылі сваіх уласных мастацкіх і жыцьцёвых форм, некалькі спрошчаных толькі і ня так выразна падкрэсьленых. Нават захапляючыся іншымі эпохамі, 18-е сталецьце ня мела здольнасьці ператвараць іх у сваім мастацтве цалком; яно не жадала перамагаць сябе, і заўсёды заставалася само сабою; яно ніколі ня траціла свайго ўласнага характэрнага аблічча, і мы заўсёды пазнаем яго, якая-б маска ня была на ім апранута. У асобе Хадавецкага яно захавала гэтую сваю ўласьцівасьць у адносінах да большасьці шэксьпіравых пэрсонажай, не абмяжоўваючыся аднэй толькі Мірандай. І ўсё-жа, нават у інтэрпрэтацыі Хадавецкага ў апошняй застаецца нейкая асобная нязвычайная прынаднасьць, нешта ад чыстаты тэй дзявоцкай чароўнасьці, якой атуліў яе гэній Шэксьпіра,—і гэтая рыса, хоць і ня цалкам пачутая і своеасабліва праломленая, усё-ж жыве ў гравюры 18-га сталецьця ў яе занадта ўтончаным і стылізаваным абліччы. І нейкая асобная пяшчотнасьць, што кіравала рукой мастака, пакінула ў кожнай лініі яе кволай фігуры свае бясспрэчныя сьляды.

На гравюры мы бачым самы канец дыялёгу паміж айцом і дачкою. Проспэро канчае свае апошнія словы:

„... Here cease more questions.
Thou art inclined to sleep; 'tis a good dulness,
And give it way: I know thou canst not choose.“ [2])

Міранда засыпае, пакараючыся ўладарнай волі айца, які справаджае свой сказ моцным і паважным жэстам. Гіпнотычнае ўсыпленьне захапіла яе на вышэйпамянёнай лаўцы, зьмешчанай у цені дрэў, з левага боку на пярэднім пляне. Яна нядужа адхілілася назад, прытуліўшыся сьпіною да дрэва і беспарадна склаўшы рукі на каленах. Яе

[1]) The Tempest, IV, 1, стар. 63.

[2]) The Tempest, Act I, scene II, 184—186, стар. 13. З гэтых жа слоў узяты і надпіс на гравюры: „Du bist schläfrig; I Ausz. 2 Austr.“

маленькая галава схілілася на дол і крыху ў бок, да левага пляча; выраз наіўнага, яшчэ амаль што дзіцячага твару поўны смутку пад уражаньнем толькі што праслуханага трагічнага апавяданьня. Яна апранута ў адзеньне ня зусім выразнага стылю, крыху болей простае, але ў той-жа час неяк блізкае да звычайных вопратак сучаснай Хадавецкаму эпохі, якое моцна сцягнута ў верхняй частцы, рэльефна выяўляючы тонкую талію і невялічкія, высака паднятыя грудзі; ад таліі сукенка разыходзіцца шырокімі зборкамі, якія мякка і пышна раскладаюцца па лаўцы; корсаж мае паўкруглы выразак на шыі і вэртыкальныя зборкі на грудзёх і па бакох; рукавы аздоблены вялікімі зборчатымі буфамі на рамёнах і каля лакцей. Скромная, гладкая зачоска ляжыць спакойна і проста, і толькі каля віскоў завіваюцца дробныя тугія локаны.

Цікаўна зазначыць, што такога тыпу адзеньне, таксама як і наогул усе тыя адзежы, у якіх апрануты пэрсонажы данае сэрыі, не сустракаецца болей нідзе ў гравюрах Хадавецкага, апроч толькі іншых рысункаў да твораў Шэксьпіра, як напр., ілюстрацый да „Макбэту" (Е. 514. Гётынгэнскі Каляндар за 1785 г.) і „Жартаўніц з Віндзору" (Е. 568; там-жа, 1787 г.). Факт гэты выклікае думку аб існаваньні нейкай супольнай крыніцы надворных уражаньняў, якімі карыстаўся мастак пры распрацоўцы шэксьпіравых сэрый. Запраўды, калі-б гэтая праца рабілася зусім самастойна, дык пэўна ў гэтым выпадку ён абмежаваўся-б у адносінах да адзеньня або дакладнай перадачай сучасных яму фасонаў, — або, што яшчэ болей праўдападобна, жадаючы надаць сваім пэрсонажам характар да вядомай ступені старажытны, г. зн. сучасны Шэксьпіру ці нават узяты з яшчэ болей далёкай эпохі,—ён таксама дакладна і уважліва распрацаваў-бы дэталі запраўднае старажытнае вопраткі, з якімі ён быў добра знаёмы (хаця-б з дапамогай памянёнай намі вышэй сваёй колекцыі старадаўніх гравюр і рысункаў), што выяўляецца ўпоўне бясспрэчна, у кожным выпадку хаця-б у адносінах да 17-га сталецьця, пры разглядзе, напрыклад, спэцыяльна прысьвечаных вопраткам гэтай эпохі гравюр (Trachtenbilder aus dem 17. Iahrhundert. Е. 517), зьмешчаных у Гоцкім Альманаху за 1795 г., альбо ілюстрацый да „Мэмуараў графа дэ-Грамон" (Е. 367) у лейпцыгскім выданьні 1780 году [1]). На справе-ж, аднак, ні таго ні другога няма; але цікаўна адзначыць, што тым ня менш у адзежах шэксьпіравых пэрсонажай у ілюстрацыях Хадавецкага ўсё-жа ёсьць некаторыя элемэнты, характэрныя ўласна для вопраткі 17-га сталецьця: такі характар маюць, напрыклад, вышэйпамянёныя буфы са зборкамі на рукавах сукенкі Міранды, глыбокія вэртыкальныя зборкі яе корсажу, аналёгічна трактаваныя круглыя зборчатыя буфы на рукавах і нагавіцах у мужчынскіх адзеньнях, якія былі адзначаны намі ў вопратцы Гонзало на аркушы першым і сустракаюцца, апроч таго, таксама і на далейшых аркушох,—нарэшце, шыракаполыя мужчынскія капялюшы з пышнымі страўсавымі пер'ямі. Але ўсе гэтыя элемэнты ня прыведзены між сабой у поўную згоду і гармонію, якая-б утварала ў вопратцы рысы пэўнага скончанага стылю; злучэньне іх між сабой неяк выпадкова, і ў той-жа час няма шмат якіх патрэбных характэрных дэталяй; у выніках атрымліваецца толькі намёк на 17-е сталецьце, з-пад маскі якога ўвесь час выглядае жартаўлівы твар 18-га, толькі беглая, павярхоўная заўвага, каб выклікаць у гледача не ўражаньне, але толькі сузнаньне часовага адыходу ад сучаснасьці,—толькі гульня, дзе нават і ў

[1]) Грунтоўнае знаёмства Хадавецкага з гэтым пытаньнем, ня лёгкае ў яго час пры нязначным ліку музэяў і агульна-даступных збораў, Kaemmerer лічыць яго асаблівай заслугай, адзначаючы „die Gründlichkeit seiner Kostümstudien". Kaemmerer, S. 112.

тэй нязначнай колькасьці гістарычнае праўды, што ёсьць у ёй, усё-ж няўхільна застаецца і адчуваецца нешта штучнае і бутафорскае. І такім чынам ізноў думка аб бутафорскім тэатральным адзеньні, сшытым на-сьпех, без дакладнай перадачы дэталяй, і толькі з адзначэньнем найболей тыповых асаблівасьцяй стылю пэўнае эпохі, мімаволі прыходзячы ў голаву, яшчэ раз і ўжо болей настойліва і ўпарта варачае нас да думкі аб тэатры, як аб тэй уласна супольнай крыніцы скарыстаных Хадавецкім пры стварэньні шэксьпірава цыклю надворных уражаньняў, існаваньне якой здаецца амаль што бясспрэчным пры кожным параўнаньні гэтагá цыклю да ўсіх іншых, як цалкам арыгінальных, гэтак і ілюстрацыйных прац мастака.

Калі гэтае дапушчэньне адпавядае запраўднасьці, дык першы вывад, які магчыма адсюль зрабіць,—гэта тое што пры пастаноўках Шэксьпіра ў 18-м сталецьці ў Нямеччыне ім імкнуліся, мабыць, надаваць характар пэўнай эпохі, і нават афарбоўваць часам, як мы гэта пакажам у далейшым, у нейкі да вядомай ступені спэцыфічны couleur local. У гэтым, зразумела, выяўляецца асноўная розьніца ў самым падыходзе гэтай эпохі да ацэнкі Шэксьпіра ад нашых сучасных паглядаў, дзе асяродкам увагі зьяўляецца заўсёды тое „пазачаснае“ і „агульнёнае“, што не абмяжоўваецца ў творах Шэксьпіра рамкамі пэўнага часу і пэўнага нацыянальнага стылю. Мы, напрыклад, цяпер зусім ня цікавімся, скажам, нацыянальнасьцю яго гэрояў, і самае дзеяньне п'ес яго ў нашым прадстаўленьні зусім ня зьвязваецца ні з якой пэўнай краінай ці эпохай; у гэтым сэнсе мы, бясспрэчна, шмат бліжэй да ўласных поглядаў Шэксьпіра, які, вядома, ніколі не надаваў значэньня дакладнасьці хронолёгіі, і часта зьяўляўся больш як нядбалым да географічных заўваг. Але 18-е сталецьце, хутчэй за ўсё, бачыла ў творах яго нешта іншае; яно болей верыла, мусіць, праўдзе пададзеных ім нібыта „гістарычных“ вестак. Нават вышэйпрыведзеныя намі словы Гётэ з прамовы яго, сказанай на сьвяткаваньні шэксьпірава юбілею [1]), сьведчаць, што і гэты найболей выдатны чалавек сталецьця перш за ўсё вызначаў і цаніў у тэатры Шэксьпіра нейкае відавочнае выяўленьне сусьветнае гісторыі, вернасьць якога для нас у кожным выпадку зьяўляецца ўжо цалкам спрэчнай, а эстэтычная каштоўнасьць—мізэрнай. Праўда, побач з гэтым, той-жа Гётэ падкрэсьліваў і тыя рысы ў мастацтве Шэксьпіра, якія мы і цяпер лічым найболей істотнымі: магутнасьць і моц яго колёсальных „промэтэявых“ фігур, глыбокую напруджаную палкасьць, агульначалавечы сэнс і значэньне выяўленых ім характараў; але ўсё гэтае заставалася на другім пляне. На першым-жа месцы была цікавасьць перш за ўсё да шэксьпірава натуралізму, як процілегласьці штучным умоўнасьцям псэўдоклясычнага мастацтва, і да багатых форм шэксьпіравай драмы, адноўленай у якасьці пэўнай рэакцыі супроць француская трагэдыі [2]). Нават шмат год пазьней, ужо ў пачатку 19-га сталецьця, *Фрыдрых Шлегэль* лічыў асаблівай заслугай Шэксьпіра „Verstand, Scharfsinn und Tiefsinn der Beobachtung, insofern sie notwendig sind das Leben charakteristisch aufzufassen“[3]),—іначай кажучы, ацэньваў конкрэтную жыцьцёвасьць шэксьпіравых дэталяй болей, як абстрактную праўду цэлага. Апроч таго, бясспрэчна, што погляды, падобныя вышэйпрыведзенаму

1) „Shakespeares Theater ist ein schöner Raritätenkasten, in dem die Geschichte der Welt vor unsern Augen an dem unsichtbaren Faden der Zeit vorbeiwallt“. Koenig. Deutsche Litteraturgeschichte, 431—432.

2) Oskar Walzel. Deutsche Romantik. Leipzig 1912. S. 149—150. M. Ioachimi-Dege. Deutsche Shakespeare Probleme, 158 і далей.

3) Wiener Vorlesungen, 1812; 2, 138.

погляду Гётэ, былі хутчэй выключэньнем, як агульным правілам, і не зьяўляліся агульна-пашыранымі сярод тэй часткі нямецкага грамадзянства, якая ў масе сваёй была ў канцы сталецьця захоплена энтузыязмам да Шэксьпіра. Захапленьне гэтае, хутчэй за ўсё, было значна болей павярхоўным і формальным, далёкім ад разуменьня самай істоты мастацтва Шэксьпіра, дакранаючыся толькі з новай яшчэ невядомай мастацкай асалодай да яго пышнай і бліскучай паверхні. Раскрытая тут для чытача ці гледача новая краіна раней незнаёмых эстэтычных перажываньняў і ўспрыманьняў у большай частцы сваёй эстэтычнай каштоўнасьці для яго тлумачылася, пэўна, узьнікненьнем у ім вядомага роду „дыфэрэнцыяльных адчуваньняў“ (згодна тэрмінолёгіі Хрыстыянсэна), якія зьяўляліся вынікам нейкага нязвычайнага ўражаньня, пад уплывам вобразаў і форм, непадобных да тых звычайных і добра знаёмых мастацкіх форм, вострасьць успрымальнасьці да якіх, як вынік прывычкі, паступова тупілася і нарэшце канчаткова зьнікала. У гэтым, магчыма, значную ролю грала ачараваньне старасьветчыны, тая тонкая прынада, што спавівае нейкай асаблівай чароўнасьцю ўсе старадаўнія рэчы, асабліва ў тых выпадках, калі па часе свайго пахаджэньня ці на моцы яшчэ якіх-небудзь іншых прычын, рэчы гэтыя зьвязваюцца з нашым часам і з намі самімі нейкай амаль што зусім ужо зьніклай і страчанай, але ў той час усё яшчэ жывой мастацкай ці жыцьцёвай традыцыяй. Для нямецкага-ж бюргэрства другой паловы 18-га сталецьця ў адносінах яго да Шэксьпіра трэба ў гэтым сэнсе зазначыць перш за ўсё два, з нашага пункту пагляду досыць істотныя моманты. З аднаго боку 18-е сталецьце проста было бліжэй,—хаця-б толькі ў хронолёгічным сэнсе,—да мастацтва Шэксьпіра, якое мела для яго асаблівую мастацкую вартасьць параўнальна недалёкага яшчэ мінулага, ня гледзячы, нават, на недахват або адсутнасьць упоўне правільнага і поўнага яго разуменьня; рэстаўрацыя пастановак Шэксьпіра, якія, што мы ўжо зазначалі, раней мелі месца ў Нямеччыне ў 17-м сталецьці ў выкананьні ангельскіх вандроўных труп [1]), магла, такім чынам, насіць да вядомай ступені характар нейкага адраджэньня мастацкіх форм папярэдняга сталецьця, і быць об'ектам асаблівай эстэтычнай асалоды, надаючы тэатру адценьне пэўнае „старасьвецкасьці“, г. зн. нязвычайнасьці. Праўда, як мы ўжо казалі, у памянёных пастаноўках 17-га сталецьця п'есы Шэксьпіра падлягалі значным скажэньням; але і пастаноўкі 18-га сталецьця, па ўсіх адзнаках, былі ня лепей, і ў кожным выпадку не давалі „запраўднага“ Шэксьпіра ў тым сэнсе, як мы гэта разумеем цяпер. Гэта датычыць ня толькі сцэнічнага афармленьня, але таксама і тэксту, які ў той час быў вядомы ў Нямеччыне толькі ў грубых і надта недасканалых прозаічных перакладах; запраўды, першы клясычны вершаваны пераклад Шэксьпіра ў нямецкай мове, зроблены *Вільгэльмам Шлегэлем*, быў распачаты толькі ў 1797 і скончаны ў 1810 годзе [2]); значыцца у цікаўны для нас пэрыод, г. зн. у васьмідзясятых гадох 18-га сталецьця, тэатральныя рэжысэры маглі карыстацца толькі перакладамі *Віляндa і Эшэнбурга*, вельмі далёкімі ад дасканаласьці, што прызнавалася, нават, і некаторымі найболей выдатнымі з іх сучасьнікаў; так, напрыклад, *Гёрстэнбэрг* бачыў у перакладах Віляндa грубыя скажэньні і скалечаньні орыгіналу [3]); што-ж датычыць Эшэнбурга, дык уласна хібы яго перакладу і пабудзілі Вільгэльма Шлегэля ўзяцца за вышэйпамянёную намі працу,

1) Vogt und Koch, 438.
2) Vogt und Koch, 529.
3) Р. Гайм. Гердер. М. 1888. Стар. 493.

прычым, як заўважае *Гайм*, ён „толькі з далікатнасьці не сказаў аб гэтым перакладзе ані воднага благога слова ў лісьце сваім № 8 да Шыльлера“ [1]). Мы ведаем, аднак, што пры ўсіх такіх недахватах пастаноўкі Шэксьпіра карыстался вялікім посьпехам, і якраз у тэй дробна-бюргэрскай аўдыторыі, якая ня мела магчымасьці чытаць Шэксьпіра ў аўтэнтыку, і, значыцца, знаёмілася з ім або пры дапамозе гэтых пастановак, або праз тыя-ж вышэйпамянёныя пераклады Вілянда і Эшэнбурга; і гэтаму посьпеху зусім не перашкаджалі тыя адмоўныя рысы іх, якія цяпер выразна прыкметны для нас, але ў тыя часы заўважаліся толькі вельмі нямногімі з сучасьнікаў. На таго-жа самага спажыўца былі разьлічаны, між іншым, і ілюстрацыі Хадавецкага ў выданьні Гётынгэнскага Календара, і ў гэтым сэнсе яны зьяўляюцца глыбака характэрнымі, як паказчык таго асаблівага падыходу да Шэксьпіра, які быў уласьцівы гэтаму спажыўцу. Раўнаючы формальныя дадзеныя гэтых ілюстрацый з вышэйпрыведзенымі агульнымі меркаваньнямі, мы бачым, што галоўны інтарэс, які выяўляла да Шэксьпіра нямецкае бюргэрства другой паловы 18-га сталецьця, зьяўляўся не нутраным, але надворным, і грунтаваўся пераважна на тых відавочных і чуўных адзнаках, якімі адрозьніваўся тэатр Шэксьпіра ад псэўдаклясычнае драмы; у гэтым была і першая прычына таго, што нават не пранікаючы глыбака і сьвядома ў цяжкую для зразуменьня істоту шэксьпірава мастацтва, шмат хто гатовы быў цалкам аддацца яго нязвычайнаму надворнаму ўражаньню, з усім тым захапленьнем і энтузыязмам, на які ён толькі быў здольны; і ў гэтым, як мы ўжо зазначалі, хутчэй за ўсё грала вядомую ролю пэўнае захапленьне старасьвецкасьцю, пэўны „антыкварны падыход“, выяўлены, напрыклад, у ілюстрацыях Хадавецкага паказанай намі вышэй стылізацыяй вопратак, якая ўносіла шмат якія дэталі 17-га сталецьця ў агульныя формы і лініі рококо.

З другога боку нельга не заўважыць, што той „трэці стан“, які ў канцы 18-га сталецьця выходзіў на арэну грамадзкага жыцьця, да некаторай ступені быў зьвязаны з традыцыямі шэксьпірава тэатру яшчэ і дзякуючы клясавай сваёй псыхолёгіі. Народны тэатр Шэксьпіра, разьлічаны перш за ўсё на шырокія масы, якім ён павінен быў быць даступным і цікаўным хаця-бы нават і пры адсутнасьці запраўднага і поўнага яго разуменьня,—бясспрэчна быў значна бліжэй для тэй дробна-бюргэрскай публікі, якой фактычна была зусім не ўласьціва штучна прывітая „французаманія“, разам з панаваньнем органічна чужой гэтай публіцы арыстократычнай прыдворнай французскай трагэдыі, халодны бляск якой і вострасьць суха-разважлівай бездакорнай формы ў кожным выпадку былі няздольны шчыра кратаць яе і хваляваць. З тым большым захапленьнем і цікавасьцю публіка гэтая магла зьвярнуцца да шэксьпіравай драмы: бо нават у тым выпадку, калі яна і не магла ацаніць і зразумець у поўнай меры вечная вялічча шэксьпіравай складанасьці,—усё-ж яна мела магчымасьць успрыняць беспасрэдна (хоць, можа, і крыху павярхоўна) даступную ёй шэксьпіраву прастату, у якую заўсёды гэтая складанасьць апранута. І лепшым, магчыма, помнікам гэтага беспасрэднага, часта амаль што падзіцячаму наіўнага ўспрыманьня, бясспрэчна, зьяўляюцца ілюстрацыі Хадавецкага. Нездарма па першым уражаньні ілюстрацыі гэтыя здаюцца нам нечакана дзіўнымі; мы зьдзіўляемся, бачачы ў надпісах к ім імя Шэксьпіра; зразумела, цяпер мы ня так успрымаем Шэксьпіра, і

[1]) Р. Гайм. Романтическая школа. М. 1881. Стар. 153.

пад уплывам яго ў нас узьнікаюць шэрагі зусім іншых прадстаўленьняў і вобразаў; з сучаснага пункту пагляду ілюстрацыі Хадавецкага часам здаюцца нават проста сьмешнымі. Але, зразумела, яны здаваліся іншымі іх сучасьнікам; яны былі для іх натуральнымі і зразумелымі: бо ўласна так бачыў і так разумеў Шэксьпіра кожны падобны да Хадавецкага нямецкі бюргэр васьмідзясятых гадоў 18-га сталецьця,— ці то глядач шэксьпіравых пастановак на сцэне Бэрлінскага тэатру, ці чытач „Гётынгэнскага Календара“.

(Працяг будзе).

А. Н. Ясинский.

Поземельная опись Градищенского монастыря.

Опыт изучения памятника аграрной истории Чехии.

В 1884 году проф. Эмлер издал в Трудах Чешского Общества Наук поземельную опись Градищенского монастыря (pp. 1—24, in—4) по рукописи, хранившейся в библиотеке Музея Чешского. Эта рукопись была написана на узких и длинных листах бумаги, сложенных в тетради. Восемь таких листов составляли обыкновенно одну тетрадь. Сохранилось, однако, только пять тетрадей и их частей. Начало рукописи не уцелело. Мало того, сохранившиеся тетради не дошли целиком: в первой из сохранившихся тетрадей отсутствует первый лист; из 4-ой тетради уцелели 1 и 8-ой листы, а в последней 5-ой тетради исчезли два внутренних. Эта последняя тетрадь не является концом рукописи. По мнению издателя, за ней должна была следовать еще одна тетрадь. К сожалению, издатель не указывает своих соображений по этому поводу. Таким образом, опись была издана по единственной сохранившейся рукописи, в которой не было ни начала, ни конца, а, кроме того, перерывы или пробелы в середине.

Изданный отрывок описи представлялся ценным с точки зрения проф. Эмлера как потому, что он является дополнением к тем описям предгуситского времени, которые были им изданы в 1881 году, так и потому, что о Градищенском монастыре сохранилось чрезвычайно мало каких бы то ни было известий [1]). В дальнейшем, впрочем, изложении он отмечает, что эта опись дает возможность обрисовать хозяйственную жизнь крупного монастырского землевладения, опиравшегося на платежи и повинности зависимого крестьянского населения. Однако, от него укрылась одна ценная черта изданного памятника. Возникнув в местности, сплошь и исключительно заселенной чешскими славянами, опись дает крайне ценные указания на то, как протекал процесс перехода от старинных аграрных форм славянского быта к новым, находившим свое выражение во введении лановой системы или системы чистого полеводства.

Отрывок описи Градищенского монастыря, как и другие современные чешские описи, является сводом записей о селах, принадлежавших монастырю. Записи эти дают перечень крестьян с указанием их платежей и повинностей. От других поземельных описей предгуситского времени эта опись отличается прежде всего тем, что все записи о селах перенумерованы римскими цифрами, что дает возможность судить о значительности утраченных частей рукописи. Напечатанный текст начинается концом записи о Гавранском торговом поселении, помеченной, повидимому, цифрой XXXIII. Потом идут записи о

---

[1]) См. предисловие, стр. 1.

селах под цифрами XXXIV—XLIII, XLV—LXVII, LXXV—LXXXI и затем записи о селах Рождаловице, Бусове, Марквартице и Бакове, не обозначенные уже порядковым номером. Наконец, на последних двух страницах печатного текста (23 24) помещен какой-то список взимания берны, сохранившийся без конца и без начала. В этом отрывке списка берны поименовано 14 сел из числа тех, записи о которых сохранились в изданной описи, и три села (Луков, Лучкий и Веселое), о которых не имеется записей в описи. Повидимому, этот отрывок списка взимания берны возник позднее, чем опись, к концу которой он был присоединен, ибо при сравнении имен держателей не может быть установлено какое бы то ни было совпадение. В списке поименованы держатели в селах не те, которых называет опись. Впрочем, список этот не имел в виду перечень всех держателей: в нем упомянуты те держатели, которые уплатили числившиеся за ними недоимки или уплатили некоторую часть этих недоимок.

Обращаясь к самой описи, можно установить, что в ней сохранились записи о 44 селах и не дошли записи о первых 33 поселениях и о селах, обозначенных цифрами 41,68—74, т. е. записи о 41 поселении, не считая тех сел, записи о которых были даны на исчезнувших внутренних листах 5-ой тетради. Таким образом, сохранилась только половина рукописи.

Печатая отрывок рукописи, проф. Эмлер отступил от хорошего правила, которого он придерживался при печатании других описей: не отмечает, какие страницы печатного текста соответствуют страницам рукописи, и ограничивается только указанием на пропуски в рукописи. Эти указания он делает иной раз в примечании, обозначенном звездочкой (р. 6), но чаще в самом тексте (р. 21, 23, 24). К концу записи о селе Иезве на стр. 20 напечатаны пять строк, которые никакого отношения к записи о данном селе не имеют, и в рукописи были написаны другой рукой. Отмечая это, издатель не выделяет этих строк особым шрифтом, как это следовало бы сделать, ибо в данном случае была позднейшая вставка. Судя по замечаниям издателя, рукопись описи была написана одной рукой или одним почерком, но некоторые части рукописи были написаны другими писцами, а именно: 1) запись о селе Вицманове была сделана другой рукой (р. 19); 2) пять строк, присоединенных к записи о селе Иезве, — третьей (р. 20); 3) первая часть записи о селе Бакове—четвертой (р. 22); 4) конец этой записи—пятой (р. 23) и 5) список берны—шестой (р. 23). Таким образом, получается впечатление, что сохранившаяся рукопись есть труд преимущественно одного писца, а другими были написаны небольшие отрывки или даже вставки в несколько строк. Исключение представляет список берны, написанный по счету проф. Эмлера шестой рукой и помещенный в конце рукописи, но следует иметь в виду, что это другой памятник, случайно присоединенный к описи. Эти указания издателя дают основание рассматривать опись, как цельный исторический памятник, переписанный одним писцом.

Переходя к изучению приемов редакции описи, необходимо отметить, что записи о селах всегда начинаются наименованием села, и к наименованию присоединяется номер порядковый, обозначаемый римской цифрой. В отступление от обычной практики в поземельных описях предгуситской поры указывать число единиц обложения в селе, в описи Градищенского монастыря таких указаний не дается. Только в записи о селе Нижней Крупе было приписано или, вернее, вставлено после порядкового номера: 9½ lan.

Записи о селах распадаются на две части: подробную и суммарную. В первой части записи, подробной, дан перечень держателей наделов под порядковыми номерами, обозначенными римскими цифрами. Если наделы и обложение держателей были тождественны, то делалась ссылка на предыдущего держателя, с обозначением его номера, как например, в записи о селе Вапне: I. Item Petr 1 zahon, solvit XIV gr. secundo tantum, pro messe XIII dies, II pullos census... II. Item Martyn 1 zahon solvit ut Petr I... V. Item Wewrzynecz 1 zah. solvit XII gr. secundo tantum, alia omnia ut Petr I.—VI. Item Ian 1 lan solvit ut Petr I. (p. 13.). Благодаря подобного рода ссылкам не было надобности по отношению к каждому держателю повторять исчисление его платежей и повинностей. Этой особенностью опись Градищенского монастыря выделялась в ряду других современных чешских поземельных описей. Однако, при таком способе вкрадывались ошибки, которые не всегда, повидимому, могут быть поставлены в вину составителю или переписчику описи. Так, например, в записи о селе Гошковице не проставлены №№ 15, 16 (p. 3); в записи о селе Днебогах дважды повторен № 18 (p. 3); в записи о селе Преставках пропущен № 9, а первый из двух повторенных № 15 должен быть обозначен, как № 14 (p. 5); в записи о селе Ивине не проставлен № 7 (p. 7); в записи о селе Мукарове не проставлен № 10 (p. 8); в записях о селе Ростков одно держание не обозначено номером (p. 10); в записях о селе Вицманове и селе Бакове вовсе не проставлены номера (p. 19, 22—23); в записи о селе Стакоры также не проставлены номера (p. 21).

Во второй части записи, суммарной, помещен был общий подсчет получаемого со всех держаний села денежного оброка, повинностей и барщины. Обыкновенно эта часть записи начиналась словами: Summa census. В записях о селах Мужском, Льготица, Преставках и Буковине эта часть начиналась словом: Census, с пропуском: Summa, что можно считать редакционным пропуском или ошибкой переписчика. В тех же немногих случаях, когда в подробной части записи указывается единичное держание, не присоединяется вторая суммарная часть, ибо по существу дела она оказывалась излишней. Таковы записи в селах Жидлове, Стакорце, Безне, Тмине, Марквартице (p. p. 18, 21, 22). В записи о селе Мужском три последние строки первой, подробной, части ошибочно помещены в этой части и должны быть переписаны во вторую (p. 4).

Иногда к записям присоединялись примечания (notae), одно или два. Так, например, к записи о селе Гневушице два примечания: nota de habrzyn и просто nota (p. 2); к записи о селе Преставках одно примечание (p. 6); и к записи о селе Нижней Крупе два примечания: 1) nota census de nowyn; 2) nota census de desertis (p. 19); к записи о селе Буковине одно примечание (p. 21). О селах Валечове и Рождаловице не даны записи, а только примечания, при чем ошибочно примечание о селе Валечове помечено порядковым номером, который следовало отнести к записи о селе Букове[1]).

То обстоятельство, что примечания, являвшиеся дополнением к тексту, не были сделаны в рукописи на полях, а непосредственно слиты с основным текстом, свидетельствует о том, что рукопись, по которой напечатан текст описи, не была оригиналом, а списком с него. Помимо того соображения, что оригиналы поземельных описей предгуситского времени обыкновенно писались на пергаменте, нужно иметь в виду, что в оригиналах описей делались подчистки и поправки, а

[1]) p. 22: LXXXI. Nota de Waleczow.., Nota de Rozdalowysz.

примечания писались на полях[1]). Переписчик описи Градищенского монастыря внес в текст все примечания, которые были сделаны в оригинале. Исполняя свою работу, он не был на высоте своего призвания: он пропускал, ошибочно повторял или не проставлял порядковых номеров. Не имея в распоряжении рукописи, по которой издана опись, можно предполагать, что часть этих промахов сделана издателем. Но в дальнейшем неоднократно придется отмечать ошибки в тексте, которые в большинстве случаев должны быть приписаны или переписчику, или даже составителю оригинала описи. Переписывая оригинал, переписчик избегал делать дополнения и исправления текст , а поэтому не составил записей о селах Валечове и Рождаловице, а ограничился внесением в текст только сделанных в оригинале примечаний, относившихся к этим селам. Повидимому, он оставлял в своем экземпляре пропуски, заполняемые другими лицами, делавшими необходимые вставки. К числу таких вставок относится запись о селе Вицманове (р. 19). Что эта запись была вставкой, это можно видеть из того, что в записи этой не имеется суммарной части, и что при перечислении держателей вовсе не проставлены порядковые номера.

Учитывая вышеуказанную черту главного переписчика рукописи, относиться механически и несамостоятельно к тексту своего подлинника, возможно на основании печатного текста сделать попытку определить редакционные приемы составителя изданной описи.

Как выше было указано, записи о селах слагались из подробной и суммарной частей. Между этими частями обнаруживаются несоответствия редакционного характера. В записях о селах, обозначенных №№ 36—45, в суммарной или второй части не указаны повинности, которые показаны в подробной или первой части записи. Так, не имеется указания в суммарных частях записей 1) села Кацова о распашке поля и стрижке овец; 2) села Подолья—о распашке поля, стрижке овец, подводной повинности и приносе кур (pulli honoris); 3) села Гошковицы—о возке сена и дров, уплате берны; 4) села Днебог—рубке и возке дров; 5) села Доброй Воды—об уборке сена, копке репы, полотье проса, возке материала и стрижке овец; 6) села Льготицы—о всех повинностях; 7) села Преставков—о возке сена, приносе кур (pulli honoris); 8) села Боровицы—об уборке луга, стрижке и мытье овец, распашке полос под посев конопли и репы, полотье проса и мака, уплате берны.

В записях о селах, обозначенных №№ 46—66, замечается больше соответствия между частями записи и в то же время пропуск в подробной части повинностей, о которых упоминается в суммарной части. Так, в подробной части записей о селах Ивине, Мукарове, Могельнице, Стрижище, Козьмице, не имеется указаний о повинности крестьян доставлять в монастырь родниковую воду по трубам и стругам[2]). И это понятно, ибо эта повинность отбывалась по наряду от всего села. Но это об'яснение неприложимо, когда приходится отметить, что в подробной записи: 1) села Могельницы не имеется указаний о платеже плаского, хотя в суммарной части этот платеж показан; 2) села Стражища—о подводах для доставки хлеба; 3) села Вапна—о платежах на содержание суда; 4) села Верхней Крупы—о платеже плаского, доставке кур (pulli honoris) и возке материала; 5) села Вольшины—о платеже плаского, справного и доставке кур; 6) села Иезвы—о платеже овса

[1]) Ясинский, Оч. и исс., стр. 36—37.

[2]) р. 6: Item communitas ville debet super tupas foncium et super struhy aquarum destinare.

и плечного и доставке кур. Наиболее совпадают по содержанию части, подробная и суммарная, в записях о селах Вышкове (№ 46), Мукарове (№ 48), Невекловище (№ 50), Росткове (№ 51), Козьмице (№ 53), Роките (№ 55), Главице (№ 57), Окнах (№ 60) и Яблонце (№ 61). Остается прибавить, что запись о селе Буковине (№ 67) составлена по типу тех записей, которые помещены на первых страницах издания. В суммарной части отсутствуют указания на ряд работ и повинностей, отмеченных в подробной части.

Таким образом, при составлении записей о селах не был осуществлен один план или одна редакция. В одних случаях обращали внимание на перечисление всех платежей и повинностей отдельных крестьян, и это преимущественно на первых страницах текста, который сохранился и напечатан, а в других — стремились к полноте подсчета в суммарной части, достигая этой полноты только в редких случаях. Получается впечатление, что подробная и суммарная части записей о селах только внешним или механическим образом были слиты, что составитель описи имел в своем распоряжении и такие записи о селах, где было проведено соотношение между частями, и такие записи, в которых имелась только подробная часть. По всей видимости, местные представители монастырской администрации или сборщики руководились своими записями и чиншевыми списками, составленными по разному плану[1]). Имея в своем распоряжении эти местные материалы, составитель описи не справился со своей задачей, ему не удалось согласовать их и привести к однообразной и последовательной редакции. Стремление дать повсюду общий подсчет доходности по каждому селу не осуществилось. Однако, это стремление доказывает, что составление описи производилось не столько в интересах сбора повинностей по селам, сколько в виду определения общей доходности монастырских земель, обрабатываемых крестьянами. С другой же стороны, несоответствие подробной и суммарной частей записей указывает на необходимость при определении обложения крестьян сопоставлять указания обеих частей и с осторожностью пользоваться их свидетельствами.

Дальнейшее внимательное изучение печатного текста описи позволяет вскрыть и другие источники, которыми пользовался составитель описи.

В XIV в. уже пришла среди цистерцианцев в забвение героическая попытка отрицания частной собственности, когда монаху отказывали в торжественном погребении на монастырском кладбище, если находили в его вещах хотя один обол[2]). Как видно из описи, в практике монастыря установился обычай приписывать отдельные крестьянские держания к пребендам лиц монастырской администрации или к доходным статьям монастырских учреждений. Такие приписные держания были в селах Рабитвье, Подолье, Днебогах, Мужском, Преставках, Боровице, Ивине, Мукарове, Коцнеовице и Вапне. Заметки о таких приписных держаниях были сделаны столь неопределенно, что трудно сказать с уверенностью, сколько держаний в том или другом селе было приписано к должности или к учреждению. В самом деле, в суммарной части записи о селе Боровице обозначено, что пробст получал за один срок или за полгода 49 гр., а в подробной записи сделана пометка, что пробст получал платеж только с держания крестьянина Сваха в сум-

---

[1]) Ср. Ясинский, Оч. и иссл., стр. 27—28, 30—33.

[2]) F. Winter, Die Cirtercienser d. nordöstlichen Deutschlands, Bd. I, S. 97—98, 118.

ме 6 гр.[1]). Мало того, в суммарной части записи о том же селе показано, что коморник получал за один срок $1^1/_2$ копы 4 гр., а в подробной части нет никаких указаний на эти доходы коморника.[2]) Повидимому, весь доход денежный с крестьян села Боровицы поступал в пользу коморника и пробста, и получается впечатление, что заметка о получении пробстом платежа Сваха попала как то случайно в текст подробной части записи. В первой или подробной части записи о селе Подолье отмечено, что денежный оброк с первых 4 поименованных в записи держателей поступал аббату, и в суммарной части обозначено, что аббат получал 3 копы без 5 гр. Этот итог совпадает с тем, который можно получить на основании указаний подробной части, если не присчитывать платежа 8 гр., уплачиваемого одним из 4 держателей за пользование дополнительным участком земли. В то же время в суммарной части записи показано, что с села Подолья пробсту причиталось 2 копы 12 гр., но в подробной части никаких поступлений в его пользу не отмечено. Мало того, при подсчете денежного оброка, поступавшего со всех держаний села, за вычетом суммы, определенной в пользу аббата, получается 2 копы 11 гр.[3]) Иногда составитель описи старается быть точным, но из его стараний все-таки не получается желательной ясности. Например, в подробной части записи о селе Преставках после № VII стоит заметка: Predictus census concernit infirmatorium preter messem, и остается неясным, поступал ли денежный оброк на содержание больницы с держателя, обозначенного под № 7, или со всех предыдущих, хотя выражение: predictus—можно истолковать скорее в широком смысле.

Очевидно, в распоряжении составителя описи были какие-то материалы о распределении денежного оброка между должностными лицами и учреждениями монастыря, но он не сумел воспользоваться ими надлежащим образом: 1) иногда он упоминает о поступлении дохода в распоряжение лица или учреждения в суммарной части записи о селах[4]), не давая никаких указаний в подробной части записи; 2) иногда в подробной части отмечает, какой доход и с какого надела поступает не в общую кассу, но не выводит его в суммарной части;[5]) 3) иногда указывая и в той, и в другой части на эти отчисления, не согласовывает этих показаний[6]).

Наконец, кроме чиншевых списков местного происхождения и материалов о распределении денежного оброка, в пользовании составителя описи были и грамоты, о которых спорадически упоминается в тексте[7]). К сожалению, составитель описи не включает этих грамот даже в извлечении в составляемый им текст, как это делали другие составители чешских поземельных описей[8]). Какого рода это были грамоты, об этом будет речь впереди и в другой связи. Теперь же, когда накопились наблюдения относительно редакционных приемов составителя описи, достаточно сказать, что не может быть уверен-

---

1) p. 6: XV. Item Swach $^1/_2$ zahon, solvit ut Gyra XIV; census prepositi. В суммарной же части: Item prepositus percipit in festo s. Georgii XLIX gr.

2) p. 6: Item camerarius percipit $1^1/_2$ sexag. cum IV gr.

3) p. 2: Illi IIII-or habent privilegium: census domini abbatis—в подробной части, а в суммарной: Item dominus abbas percipit III sexag minus V gr.—Item prepositus II sexag. cum XII gr. secundo tantum.

4) См. в записях о селах Ивине, Коцнеовице и Вапне

5) См. в записях о селах Днебогах и Мукарове.

6) См. в записях о селах Боровице и Подольи.

7) Напр. s. p. 4: litteram habet privilegialem; p. 3: habet privilegium cum villanis de Przysowycz.

8) Ясинский, Оч. и исс., стр, 88—97.

ности в том, всегда ли делались упоминания о грамотах, выданных целым селам и отдельным держателям.

Все установленные, на основании изучения текста описи, наблюдения и выводы оправдывают критическое отношение к изучаемому источнику и дают опору при пользовании его свидетельствами. Далеко не всегда можно полагаться на цифровые показания описи и необходимо исправлять их, когда на это имеются веские соображения. Вместе с тем приходится отказаться от попытки определить размер и доходность земель, принадлежавших монастырю, степень обложения зависимого населения, обрабатывавшего земли монастыря, и доходы, которыми пользовались лица монастырской администрации. Как ни важны сами по себе эти вопросы, но их разрешение немыслимо как в виду того, что источник сохранился в отрывке, так и потому, что составлен он был довольно небрежно и безо всякого последовательно проводимого плана. Положение ухудшается в некоторой степени и тем, что печатание источника было проведено и с некоторым отступлением от строгих критических приемов. Тем не менее следует сделать попытку извлечь из этого источника все, что может дать внимательное его изучение для понимания истории средневекового быта чешского села.

Оканчивая эту часть этюда, остается сказать несколько слов о времени составления описи. Проф. Эмлер относит опись к числу предгуситских памятников, основываясь на том, что пан Гинек Крушина из Кимбурга, идя на подмогу пражанам против императора Сигизмунда, 20 апреля 1420 года взял приступом Мнихово Градище, ограбил и сжег монастырь[1]). Однако, если принять во внимание, что сохранившаяся рукопись описи, использованная при печатании, успела подвергнуться процессу вставок и дополнений, как это можно видеть хотя бы из того, что к наименованию села Нижней Крупы была сделана приписка, указывавшая число ланов в селе: $9^1/_2$ (p. 18 , если признать правильным тот вывод, что рукопись эта была списком с оригинала, на полях которого с течением времени были сделаны примечания, слитые с текстом в сохранившейся рукописи, то составление оригинала описи необходимо отодвинуть на 15—20 лет ранее той катастрофы, которая погубила монастырь и, может быть, как предполагает проф. Эмлер, и архив монастыря. Во всяком случае, опись была составлена по данным и материалам конца XIV века, неумелое пользование которыми можно обнаружить даже при изучении списка в том виде, как он издан.

В конце своего предисловия к изданию проф. Эмлер дает список сел, которые упоминаются в описи, отмечая страницу своего издания и проставляя в скобках страницу изданного Палацким Списка населенных мест Чехии. В этом перечне проф. Эмлер пропустил имена следующих сел: Хлумек, Нижняя Круна, Бусов Марквартица, Жидлов[2]). Кроме того, в его перечне при именах сел Рыбитвьи, Вышкова, Преставльков, Стакорца и Трмина не сделаны ссылки на Список Палацкого, яко бы за отсутствием их в последнем. Конечно, за 500 лет, протекших со времени составления описи, одни села могли исчезнуть, а другие изменить свое наименование, но в данном случае пропуски и пробелы должны быть поставлены в вину издателю. Село Хлумек

[1]) См предисловие к изданию, стр. 1.

[2]) Неправильно сделана ссылка при имени села Боровицы, ибо ошибочно указана стр. 81 Списка Палацкого, когда нужно обозначить стр. 91.

должно быть отождествлено с селом Хлум[1]), расположенным возле Яблонца[2]), запись о котором предшествует записи о Хлумце[3]) Села Крупа Нижняя, как и Крупа Верхняя, и Жидлов, помещены в списке Палацкого на стр. 90. Села Бусов Нижний и Бусов Верхний и Марквартица, расположенные на сев.-вост. от Мл.-Болеславля и юго-вост. от Мнихова Градища, помещены в списке Палацкого на стр. III[4]). Написание в описи имени: Rybytwye (p. 1) приходится считать ошибочным. В конце записи о селе Бакове перечислены держатели, которые взяли в обработку небольшие участки, а именно: Немец из Крупы (91), сиротки из Княжемоста (91), Черва из Рыбничка, Марцик из Малой Белой (91), Волк из Маниковицы (90) и другие[5]). Все эти села обозначены на 90—91 страницах Списка Палацкого, а село Рыбник—на стр. 94, в составе имения Свияны, соседнего с Градищенским[6]). Повидимому, вместо Rybytwye рукописи должно быть поставлено Rybnik или Rybníček. Село Rybitwi, находившееся в Хрудимском краю[7]), исключается, ибо помянутое под № 34 в описи село, о имени которого идет в данном случае речь, находилось около Градища, как это можно видеть из того, что обозначенный в записи этого села под № 6 плательщик берны имел имущество и в Градище[8]). Села Вышков или Вишков действительно не имеется в списке Палацкого, но там показано село: Weska или Wiska, находившееся около Градища на юго-запад от последнего. Село Преставльки по Списку Палацкого не показано в Болеславльском Краю, но на старой немецкой карте Генерального Штаба[9]) оно показано в соседстве с Мниховым Градищем. Что касается села Стакорца, помещенного в описи вслед за Скаторами, то дело раз'ясняется тем, что в ближайшем соседстве с Младо-Болеславлем находятся Стакоры Верхние и Стакоры Нижние[10]). Очевидно, в описи одно из этих сел названо Стакорами, а другое Стакорцем. Ничего не приходится сказать о селе Трмин. Оно упомянуто после записи о селе Безне[11]). Может быть, это Trencin, находившийся на юг от Бакова?

Таким образом, все села, о которых имеются записи в сохранившемся отрывке описи, находились в Болеславльском Краю и были расположены вокруг Мнихова Градища, за исключением сел Втельна, Немысловицы, Безны и Рождаловицы, которые находились в некотором отдалении: первые три на юго-запад от Мл.-Болеславля, а последнее—на юго-восток.

Население Градищенского района, как можно судить по именам держателей крестьянских участков, было славянское. За это порукой, при полном отсутствии немецких имен, такие имена, как Крупак, Бла-

---

[1]) Palacky, Popis, str. 93.
[2]) Ibjd., str. 93.
[3]) p. p. 17—18, №№ 61, 62.
[4]) На географической карте они обозначены: Bousov Dol. Bousov Horn., а у Палацкого: Bausow dalni, Bausow horejni.
[5]) P. 23: Nymesz z Krupe. Z Knyczmosta syroteczy... Czerwa z Rybnycska... Marzyk z Male Byele... Wlk z Manykowycz.
[6]) В состав Свиянского имения входят села: Волшино, Яблонец, Пришовица и Вокна. Можно сомневаться, правильно ли проф. Эмлер показал Окны со ссылкой на стр. 89 Списка Палацкого.
[7]) Palacky, Popis, str. 167.
[8]) p 1: de berna sicut de 1 quartali in Hradysscz.
[9]) Special-Karte, B. № VIII, Umgebung von lung-Bunzlaw und Melnik.
[10]) Palacky, Popis, str. 77, 111.
[11]) Ibid. str. 82.

гут[1]), Ян-Гомула, Славата[2]), Пржибка[3]), Зденек, Пучата[4]), Блага, Гира, Свах[5]), Козел, Караб, Залетиль[6]), Нетржеба, Пассек[7]), Пыкаль, Глас[8]),, Седлак и Керкош[9]), Павел Жаль, Велеслав, Здых, Попек, Обасло, Качка[10]), Пешек, Ведро, Петр Мясопуст[11]), Прох Гудец[12]), Пеха, Корчек Квита[13]).

В литературе установилось мнение, что Градишенский район был заселен с глубокой древности[14]). Однако, по многочисленным соображениям можно сомневаться в этом.

Придерживаясь взгляда Г. Иречка, что поселения, возникшие в седой древности, носили общие и патронимические имена, об‘ясняемые их родовым происхождением, как, например: село Утешиновица от имени рода Утешиновичей[15]),—возможно только немногие села Градищенского района отнести к числу старинных, а именно: Гневушица, Гошковица, Боровица, Козмица, Коцнеовица, Главица и Незамысловица. И гораздо более было таких сел, которые обязаны были своим происхождением землевладельческой колонизации, как свидетельствуют о том их имена, к которым как бы сами собою присоединяются слова—уезд или льгота[16]): Кацов, Мужской, Вышков, Ивина, Мукаров, Ростков, Крупа, Волшина, Жидлов, Вицманов, Иезва, Трмин или Тренчин, Валечов, Баков. Разумеется, к числу подобных сел может быть отнесена и Льготица.

Далее нужно иметь в виду, что Градищенский район довольно близко подходил к порубежному лесу, который долго и упорно был сохраняем в своей первобытной красе и неприкосновенности по соображениям о защите страны. Иречек приурочивает трудный поход императора Генриха II вместе с чешским князем Яромиром из Праги к Будишину к этому району, в котором одно село называлось Стражищем. При этом Иречек приводит свидетельство Титмара Мерзебургского об этом походе, совершенном „с несказанной трудностью“[17]).

Свидетельство о дикости и непроходимости местности, где был Градищенский монастырь, подтверждается и другими данными. В поддельной грамоте 1115 года король Владислав предоставляет во владение Кладорубского монастыря „уезд от реки Могелки до дуба“. Такого рода формулировка: „до дуба“, без указания определенного урочища, поселения или дороги, свидетельствует о том, что в начале

---

1) См. запись о селе Гневушице на стр. 2.
2) См. запись о селе Подолье на стр. 2.
3) См. запись о селе Мужском на стр. 4.
4) См. запись о селе Доброй Воде на стр. 4.
5) См. запись о селе Боровице, стр. 6.
6) См. запись о селе Вишке на стр. 7 описи.
7) См. запись о селе Ивине на стр. 7.
8) См. запись о селе Могельнице на стр. 9.
9) См. запись о селе Стражище на стр. 11.
10) См. запись о селе Роките на стр. 12—13.
11) См. запись о селе Верхней Крупе на стр. 15.
12) См. записе о селе Вокне на стр. 17.
13) См. запись о селе Буковине на стр. 20.
14) Ясинский, Оч. и исс., стр. 210, прим. 2, где ссылка на Иречка, Липперта и Фринда.
15) Sl. pr. t. I, str. 63—65.
16) Ясинский, Оч. и исс., стр. 202—203, 215, 217, 283—284.
17) Sl. pr, str. 14, 6—7: Heinricus cum Boemorum duce novo Jaromiro Milzienos. qui tunc sibi fuere proximi, terminos per ineffabilem difficultatem adiens, Budissinam urbem obsedit.

XIII века, к какому времени относится подделка, Градищенский район считался пустынным или мало заселенным[1]). Действительно, Градищенский район не мог похвалиться густотой населения даже в конце XIV века, в пору составления описи. Из таблицы, приложенной к этой статье, можно видеть, что в 28 селах Градищенского района было 364 надела и 53 подсоседских участков, т. е. 417 хозяйственных единиц, и что площадь надельной земли определялась мерой почти 237 ланов. В среднем на одно село приходилось до 8 ланов запашки и менее 15 хозяйственных единиц. Принимая во внимание, что за одним держателем или за одной семьей довольно часто числилось 2 и более хозяйственных единиц, можно придти к заключению, что в 28 селах Градищенского района проживало около 2000 человек, даже если на семью считать по 6 человек. Населенность—незначительная и с трудом об'яснимая, если придерживаться мнения о давнишности заселения этого района.

Наконец, обстоятельства и время основания монастыря в значительной мере подтверждают то положение, что Градищенский район был пустынен и безлюден или крайне слабо заселен вплоть до последней четверти XIII века, и что он был густо покрыт лесом, примыкавшим к первобытной лесной порубежной полосе, широко раскинувшейся по предгорьям и горам Крконош. Колонизация к северу могла первоначально направляться вверх по течению Могелки, притока Изеры, на которой расположен был монастырь.

Градищенский монастырь был цистерцианский. Монахи же этого ордена славились не только своим аскетизмом, но и хозяйственной деятельностью По выражению одного историка, монах цистерцианского был счастливым соединением крестьянина, предпринимателя и духовника. Цистерцианцев охотно призывали для заселения пустынных земель и наделяли преимущественно землями, покрытыми болотами и лесами[2]), ибо они прекрасно умели организовать борьбу с лесной стихией, выделяя из своей среды специалистов по рубке леса, выкорчевке его и заготовке топлива и дров (incisores, exstirpatores, incensores).

Учитывая этот характер цистерцианцев, можно допустить, что основание Градищенского монастыря должно было послужить началом усиленной колонизации края. Беда только в том, что самое основание и обстоятельства, при которых оно произошло, до сих пор мало выяснены из-за недостатка прямых свидетельств.

В одном из приложений к своему монументальному труду Палацкий, ссылаясь на какой-то источник чешского Пласского монастыря, нашел возможным признать, что в 1177 году из этого монастыря при аббате Мейнгаре была отправлена партия монахов для основания Градищенского монастыря, и что это последовало по желанию пана Германа из Ральска, сына Маркварда и предка нескольких панских родов (паны из Михаловицы, Лемберга, Виртенберга и Вальдштейна). К этому Палацкий присоединил справку, что упомянутый Герман из Ральска был коморником князя Собеслава II, прославленного своим покровительством чешскому сельскому люду. В другом же приложении

---

[1]) Friedrich, Codex diplomaticus, t. I, p. 396: Wadizlawicih dedi circuitum a flumine Mohelnic usque ad quercum. О времени подделки см. критическое замечание проф. Фридриха, предпосланное изданию текста грамоты. О местонахождении Владиславицы проф. Фридрих дает такое указание: Vladislavica villa quondam prope Sezemice, dislt. pol. Mnichovo Hradiste. Сеземица указана в списке Палацкого на стр 93 в составе имения Свияны.

[2]) Winter, D. Cistercienser, Bd. I. S. 99—101, 147; Bd. II. S. 170—171.

Палацкий дает генеалогическую таблицу рода Марк質артичей, доведенную до конца XIII века и составленную на основании свидетельства и текстов, извлеченных из грамот[1]). Делая эту ценную заметку об основании Градищенского монастыря, Палацкий, как думается, напрасно склоняется к мысли признать заслуживающим доверия свидетельство, сохранившееся у Папроцкого о том, что в Градище до введения туда цистерцианцев были какие то монахи (Drna censes monachos), которых выпроводил оттуда пан Герман из Ральска. Разговор о предшественниках цистерианцев в Градище основан на смешении чешского Градищенского монастыря с моравским Градищенским монастырем, который действительно сначала был бенедиктинским, а с половины XII века стал цистерцианским.

Кроме недостатка свидетельств, источником путаницы в истории Градищенского монастыря являлась летопись Цистерцианского Ордена (Annales Cistercienses). Чтобы убедиться в этом, достаточно привести две выписки из упомянутой летописи, как она частично была издана Фр. Винтером в приложении к первому тому его сочинения, по нескольким редакциям, обозначенным буквами, с присоединением к тексту замечаний:

262. Eodem anno abbatia de Gradis vel Gradicensis, dioc. Pragansis, Morimundi abneptis, scilicet Ebraci proneptis, neptis Lanckheim et filia de Plas. L 1144 abb. de Gredisch.—M. 1145 abb. de Gradis. W. Grediz zu 1145. Fehlt bei I. D. abb. Grandicens:s vel Gradis in Normandia (sic! i. e. Moravia) filia Placensis.

524. Eodem anno abbatia Gradicensis. Fehlt bei L.—M., W., I. zu 1177. I. und M. versetzen es auch Norwegen, obwohl letzeterer es richtig eine filia Placensis nennt. Es ist Münchengrätz in Böhmen. Vgl. № 262. Oder gab es in Norwegen auch ein Kloster Graditz?

Как видно из замечаний Винтера, присоединенных к кратким показаниям летописи Цистерцианского Ордена, в выписке под № 262 дело идет об основании Градищенского монастыря в Моравии, а во второй—об основании чешского Градищенского монастыря, а следовательно Палацкий был прав, когда основание последнего монастыря относил к 1177 году. Одноименность двух монастырей могла внушить мысль Папроцкому о предшественниках чешского монастыря, и Палацкий напрасно за ним последовал, но во всех других частях своего сообщения Палацкий был на верном пути. В пользу этого могут быть приведены различные косвенные соображения.

Прежде всего, нужно отметить, что резиденции Марквартичей, панских родов, происшедших от пана Германа из Ральска, все находятся в Болеславльском краю, в ближайшем соседстве с землями Градищенского монастыря, а именно Ральско[2]), Михаловица[3]), Лемберг[4]), Вартенберг[5]). Далее, воспоминанием о Марквартичах осталось наименование одного из сел, принадлежащих Градищенскому монастырю: Maruardi villa, Марквартица. Показательно также и то обстоятельство, что население Градищенского района было славянское, хотя известно, что та ветвь Цистерцианского Ордена, которая распространялась в Германии и на Востоке (Morimundi-Ebracensis), была ревностным носителем германизации и на свои земли призывала германских поселенцев, и первым аббатом монастыря был немец, судя по имени,

[1]) Dějiny, t. I, str. 421, 492—493.
[2]) Palacky, Popis, str. 97.
[3]) Ibid., str 111.
[4]) Ibid, str. 99.
[5]) Ibid., str. 97.

Теодорих или Дитрих[1]). В данном случае пан Герман из Ральска, как коморник и близкий советник князя Собеслава II, покровителя чешских селян и противника германофильской политики, принял, очевидно, свои меры и обезвредил свойственные цистерцианцам поползновения, отводя для нового монастыря свои земли, с согласия и одобрения государя, как это было обычно. Этот отказ от германизаторских замашек, сначала подневольный, а потом сделавшийся традицией, был, очевидно, причиной малой известности монастыря: насколько известно, из него не выводили колоний; он, как говорили, не имел филий.

Наконец, еще одно соображение в пользу как взгляда Палацкого, так и доказываемого положения, что до основания Градищенского монастыря район был пустынен или крайне слабо заселен.

Обосновавшись на новых землях, Градищенские монахи, выходцы из Пласа, основанным селам давали имена, взятые из окрестностей Пласа. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести имена поселений, находившихся вблизи Пласа, в Пильзенском краю, и помещенных в Списке Палацкого на стр. 407—410: Градище Верхнее и Градище Нижнее (407), Стражище (407), Збоги[2]), Буковина (407), Хлум (409), Седлец (407), Ольшаны[3]), Рыбница (408), Бела (408) Кацеров[4]), Пришов[5]), Жилов[6]). Сюда можно присоединить Иваны, находившиеся около Кладоруб[7]). Едва ли допустимо об'яснить эти совпадения случайностью или известной повторяемостью топографических названий, ибо в данном случае наблюдается не два—три совпадения, а целый их подбор. Следовательно, факт перенесения топографической номенклатуры достаточно обоснован, и может иметь место лишь вопрос, кто был виновником этих заимствований,—монахи ли, пришедшие из Пласа, или колонисты, которых монахи увлекли за собою из далекого Пильзенского края на новые места. Во всяком случае поселенцы, откуда бы они ни пришли, садились на условиях льготы, на вольных началах соглашения или договора, как они сложились в XII веке[8]).

Учитывая историю Градищенского монастыря, не приходится удивляться, что в описи этого монастыря сохранились черты стародавнего быта, перед которыми исследователю часто приходится останавливаться с недоумением, в сознании их трудного истолкования. Так, например, в записи о селе Немысловице упоминается в ряду других держателей: Maczek, tribun, 1 lan solvit ut Wlczek II, обязанный вносить 10 мер ржи, 10 мер пшеницы, 1 меры гороху, 2 кур и при уборке хлеба работать 4 дня (p. 21). Этот „трибун" в селе, где держатели не уплачивают денежного оброка, отбывающий, наравне с другими, все повинности, напоминает тиуна русских дворищных сел. Его нельзя отождествлять с судьей, который в чешских селах пользовался освобождением от платежей и повинностей. „Мацек трибун"—не судья, каким был в селе Роките Радслав (p. 13). Составитель описи в данном случае сознательно пользуется другим латинским словом: tribun, а не judex.

Подобный след старинного аграрного быта в данном случае естественно было ожидать, так как славяне повсеместно селились в ста-

1) Friedrich, Codex dipl., t. 1, p. 274: Thidricus abbas de Gradis.
2) 408. Ср. Zbohy и Dneboh описи, ныне Dnebohy.
3) 408. Ср. Olsany и Olssyne описи.
4) 408. Ср. Kacerow и Kaczye описи, ныне Kacov.
5) 410. Ср. Prisow и Przysowycz описи, ныне Prisovice.
6) 410. Ср. Zilow и Zvdlow описи, ныне Zidlov.
7) 395. Ср. Iiwany и Gywyna описи, ныне Giwina.
8) Ясинский, Оч. и исс., стр. 195, 272—275, 281—284.

родавние времена дворами, и весьма вероятно, что каждый двор представлял собою задругу или сложную семью[1]). В Градищенском районе могли сохраниться дворовые села или следы подобного аграрного строя. В самом деле, Градищенские села были окружены поселениями дворового устройства: на востоке находилось местечко Годковица, а на западе села Броценского имения[2]). Мало того, в селах Градищенского района для наименования наделов сохранился термин: curia, двор. Такие дворы упоминаются в селе Днебогах[3]), Вицманове[4]) и Буковине[5]). Иногда эти дворы просто называются дединами: в селе Доброй Воде[6]), в Коцнеовице[7]) и в Буковине[8]). Такого же рода были наделы в Вишкове, Росткове, Вицманове и Стакорах, в записях о которых показаны только платежи, но не дано определение размера наделов. В селах Вишкове и Вицманове было по 11 держателей и в селах Росткове и Стакорах по 4, а платежи этих держателей были крайне разнообразны по своей высоте: в селе Вишкове 13 гр. и менее за один срок платили четверо, 24—30 гр. четверо, один 52 гр. и остальные два $18^1/_2$—19 гр.; в селе Вицманове 13 гр. и менее за один срок платили пять, 14—20 гр. четверо, 50 гр. один и 60 гр. один; в селе Росткове 13—$13^1/_2$ гр. четверо и один 40 гр; в селе Стакорах все четверо за один срок платили 13 гр. и менее. Таким образом, при разнообразии платежей вскрываются группы держателей, уплачивавших приблизительно по одной норме. В этом отношении эти села сближаются с дворовыми Миличинскими селами, в которых была небольшая группа (4—5) дворов, имевших равномерные наделы, и в то же время некоторое количество дворов, имевших меньшего размера наделы[9]).

Сохранению следов дворового устройства способствовало, несомненно, то обстоятельство, что Градищенские монахи не были обуреваемы стремлением к насаждению германской культуры. Призывая на свои земли поселенцев, они, по всей вероятности, пользовались услугами панов-предпринимателей, следуя в этом отношении примеру Пласского монастыря, откуда сами вышли. О такой практике свидетельствует грамота 1224 года, когда Пласский монастырь заключил договор с паном Ратмиром; монастырь вменял в обязанность пану призывать поселенцев, устраивать села и защищать поселенцев от лихих людей[10]), а с своей стороны предоставлял ему в пожизненное пользование все доходы в основанных селах[11]). Перенесение в Градищенский район топографической номенклатуры из Пильзенского края позволяет думать, что оттуда же выходили и предприниматели, содействовавшие монастырю в деле заселения края.

Что на землях Градищенского монастыря довольно долго удерживались черты старинного славянского аграрного быта, это можно видеть из того, что в значительной части сел вплоть до конца XIV века удержались так называемые загоны или чешские ланы. Эти же

---

1) Ясинский. Оч. и исс., стр. 195. См. там же. в прим. 4 текст Прокопия.
2) См. там же, стр. 207.
3) p. 3, пч. 20.
4) p. 19: Manka de curia.
5) p. 20 nr. 4: Stranek de curia.
6) p. 4, nr. l: Michal de hereditatibus.
7) p. 13: Janda de quadam hereditate.
8) p. 20, nr. 6, 32 и 33: Myksyss de hereditatibus, Gyessek de hereditatibus, Myksyss de hereditatibus.
9) Ясинский, Оч. и исс., стр. 200.
10) Colonos vocare, villas locare et—ab incursantium injuriis debet defensare.
11) Ясинский, Оч. и исс., стр. 273.

загоны напоминают в значительной степени старинное дворовое устройство. Хотя загоны Градищенского района подлежали разделу, на половины и четверти, а дворы по существу своему не делились, но, однако, в большинстве случаев выходило так, что загон являлся нормальным крестьянским наделом, одной хозяйственной единицей. В самом деле, в селе Мукарове такой размер имели 10 из 15 домохозяйств, в Могельнице 4 из 11, в Невекловице все 11, в Стражище 6 из 10, в Козмице все 6 и в Главице 3 из 7. Таким образом, из общего числа 60 домохозяйств, находившихся в этих селах, 40 имели по загону, т. е. $^2/_3$ всех держателей сидели на полномерных наделах. В этом отношении указанные загонные села весьма напоминают Миличинские дворовые села, в которых, как и в других дворовых селах, дворы отождествлялись с единицами обложения, т. е. с ланами[1]).

На основании всех вышеуказанных наблюдений и соображений, можно придти к выводу, что загоны возникли из дворов под влиянием и в связи с практикою обложения[2]).

Как от загонного устройства в Градищенском районе постепенно переходили к подлинному лановому устройству и в чем выразилось это переустройство, об этом может быть речь лишь тогда, когда увенчается успехом попытка раз'яснить два темных вопроса, выдвинутых и поставленных еще проф. Эмлером, а именно: 1) вопрос о природе и характере некоторых повинностей, существовавших в Градищенском районе; 2) вопрос о грамотах, на которые делается иногда ссылка в тексте описи Градищенского монастыря.

В предисловии к изданию проф. Эмлер перечисляет повинности крестьян, но от об'яснения некоторых совершенно отказывается: „Особенные сборы, которые нам нигде не встречались и об'яснение которых мы не нашли ни в одном словаре, были: plaské, opravné, pomocné a plecné. Первый сбор состоял в четверти овса и курице; „оправное" было почти такой же величины, как „плаское", но с ним не тождественно, потому что эти сборы упоминаются по отношению к одному держателю, как различные, так что невозможно считать, что один заменялся другим (p. 10). Помочное было ручной работой (p. 22), которую исполняли при известных обстоятельствах крестьяне, или впоследствии, вместо работы, платили. Что было plecné (p. 18), не могу сказать, но возможно, что это был денежный сбор, установленный вместо доставки вепровых окороков (pleci vepřových)". Оставляя в стороне вопрос о „плечном", о котором упоминается только при описании сел Нижней Крупы и Иезвы: item plecznych $9^1/_2$ gr. (p. 18), plecznеho $5^1/_2$ gr. (p. 20), соглашаясь с проф. Эмлером, что в упоминании о „помочном" при описании села Бусова имеется указание на так называемые „помочи" со стороны крестьян землевладельцу, необходимо отметить, что „плаское" и „оправное" взималось не в одном размере. Второй сбор был в 4 раза большим, чем первый. „Плаское" взималось по I кварталу или четверти овса и 1 курице, а „оправное"—по 4 четверти или одной мере и по 1 курице[3]). „Оправное" взималось в 7 се-

---

1) Ясинский, Оч. и исс., стр. 205. 200, 190 -191.

2) См. Ясинский. Оч. и исслед., стр. 190—191.

3) С некоторым колебанием к повышению и понижению: 1) в селе Невекловице, держатель 1 загона plaskeho 1 quart. avenae cum 1 pullo, oprawneho 1 mensuram avene cum pullo, а в итоге со всего села—plaskeho X pulli et $2^1/_2$ mensur. avene. oprawneho XI mensure avene cum XI pullis; 2) в селе Стражище держатель $^1/_2$ загона plaskeho $^1/_2$ quart avene cum $^1/_2$ pullo, oprawneho $^1/_2$ mensur. avene cum $^1/_2$ pullo, а в итоге со всего села—plaskeho II mensure avene cum VIII pullis и opravneho VIII mensure avene minus 1 quart. cum VIII pullis; 3) в селе Ванне держатель 1 загона plaske 1 quart. avene cum 1 pullo, oprawneho 1 mensura avene cum 1 pullo, а в итоге со всего села—plaskeho $9^1/_2$ quart. avene cum $9^1/_2$ pullo, oprawneho $8^1/_2$ mensur. avene cum IX pullis.

верных селах района: Невекловица, Стражище, Вапное, Главица, Волшина, Окны, Яблонец и в этих же селах взималось и „плаское“. Ни того, ни другого сбора не показано в селах Днебогах, Льготице, Вышкове, Ростсове, Коцнеовице, Хлумке, Нижней Крупе, Вицманове, Иезве и Стакоре, т. е., преимущественно в таких селах, где, как было сказано выше, сохранились дворы[1]). Таким образом, „плаское“ было самым распространенным сбором в селах данного района, ибо взималась во всех селах, кроме перечисленных 10. Если этого сбора не было в тех селах, где сохранились следы старого аграрного быта, то это дает основание, хотя это и было бы соблазнительно, не выводить „плаское“ и „оправное“ из условий старинного быта и не рассматривать эти сборы, как видоизменение какого-либо бывшего общеземского или государственного сбора.

Остается попытаться подойти к разрешению вопроса с другой стороны. В селах района, кроме изучаемых сборов, были сборы за пастьбу крупного скота (de vacca, de equo), за отправление суда (ad judicium и pro judicio) и за пользование лесом (pro s lva). За пастьбу крупного скота сборы взимались в селах Мужском, Боровице и Буковине: в Мужском с каждой дойной коровы и лошади по 1 четверти овса и 1 курице[2]); в Боровице—с каждой коровы на пастбище по 1 четверти овса[3] и в Буковине—с коровы на пастбище по $^1/_2$ четверти овса и по $^1/_2$ курицы, при чем прибавлено, что за пастьбу коров в лесу уплачивается в один срок 1 сыр и 20 яиц[4]). Из этих текстов обнаруживается, что в данном случае сбор взимался за пастьбу крупного скота на пастбище (in pascuis, de pascuis), а не в лесу. Хотя этот сбор в селе Мужском взимался в том же размере, как и „плаское“, но его нельзя отождествлять с последним, ибо в селах Мужском и Боровице взималось и плаское, и за пастьбу коров на пастбищах. Текст, относящийся к селу Буковине, обнаруживает, что сбор за пользование лесом (pro silva) был сбор за пастьбу коров. Выражаясь точно, этот лесной сбор (de silva), кроме села Буковины, был в селах Невекловице, где от загона давали одну меру овса[5]), в селе Стражище, где от половины загона давали $^1/_2$ меры овса[6]), в селе Окнах, где от половины лана давали $^1/_2$ меры овса и $^1/_2$ курицы[7]) и в селе Яблонце, где от одного лана давали 1 меру овса и 1 курицы[8]). Значит, этот лесной сбор обычно взимался в том же размере, как взималось „оправное“, за исключением села Буковины, где этот лесной сбор, как и сбор за пастьбу скота на пастбищах, взимался по пониженной норме. Тем не менее, нельзя „оправное“ отождествлять с равным с ним по высоте обложения лесным сбором за пастьбу коров и лошадей, а равно нельзя в этих сборах „плаского“ и „оправного“ видеть сборов судебно-административного характера, так как и лесной сбор, и „плаское“, и „оправное“, и судебно-административный сбор (ad judicium, pro judicio) взимаются одновременно с одних и тех же держателей (напр., в селах Невекловице и Стражище).

[1]) Села Иезву и Нижнюю Крупу можно исключить, ибо в них взималось „плечное“.

[2]) p. 4: de qualibet vacca, que doyna dicitur, 1 quart. avene et 1 pullum et de quolibet equo tantum.

[3]) p. 6: de qualibet vacca in pascuis 1 quart. avene.

[4]) p. 20: de pascuis de qualibet vacca $^1/_2$ quart. avene cum $^1/_2$ pullo et pro silva vero, qui vaccas habuerit, 1 caseum et XX ova, semel tantum.

[5]) p. 10: pro silva 1 mensuram avene.

[6]) p. 11: pro silva $^1/_2$ meusurem avene

[7]) p. 16: pro silva $^1/_2$ mensuram avene cum $^1/_2$ pullo

[8]) p. 17: pro silva 1 mensuram avene cum 1 pullo.

На первый взгляд может показаться, что произведенный анализ текстов приводит к тому же безнадежно-отрицательному выводу, каков был установлен проф. Эмлером, но не следует упускать из виду, что все же путем анализа удалось получить опорные пункты для истолкования изучаемых сборов: 1) лесной сбор (de silva, pro silva) есть сбор за пастьбу коров и лошадей в лесу и взимался он в том же размере, как „оправное"; 2) за пастьбу коров и лошадей на пастбищах сбор взимался в том же размере как „плаское"; 3) „оправное" взималось в северных селах, где было обилие лесов; 4) „плаское" было особенно распространенным сбором.

Теперь, располагая этими выводами, остается сделать еще один шаг, чтобы об'яснить природу „плаского" и „оправного". В селах Градищенского района было распространено овцеводство. Просматривая перечень барщинных работ, можно видеть, что обязанность мыть и стричь овец лежала на держателях целого ряда сел[1]). Очевидно, в этом районе были особенно благоприятные условия для разведения овец, и странно было бы, если бы крестьяне не следовали в этом отношении примеру землевладельца. Между тем, в нашем источнике не имеется никаких указаний на крестьянские пастбища для овец и платежи за пользование этими пастбищами, если не считать за таковые загадочные сборы: „плаское" и „оправное". Это наводит на мысль, что „плаское" есть сбор за пастьбу овец на пастбищах, который взимался по норме 1 четверть и 1 курица с каждого полного надела, как и плата за пастьбу коров и лошадей на пастбищах, а „оправное" есть сбор за пастьбу овец в лесах, и взимался этот сбор по той же норме, как сбор за пастьбу скота в лесу (по одной мере овса или 4 четверти). При таком истолковании становится вполне понятным, почему „плаское" взималось почти во всех селах, за исключением немногих, ибо пастбища везде были, и почему „оправное" взималось в северных селах района, примыкавших к огромным порубежным лесам. То обстоятельство, что для взимания сборов на пастьбу скота в лесу („оправное" и pro silva) и для взимания за пастьбу на пастбищах были установлены с полного крестьянского надела довольно твердые нормы: 4 меры овса и одна курица в первом случае и 1 четверть и 1 курица во втором, ибо отступления были сравнительно редки,—дает возможность исчисления числа единиц в селах, когда в итоге суммарно показаны поступления сборов. Этот ключ особенно ценен, ибо в поземельной описи Градищенского монастыря не дается прямых указаний на число поземельных единиц, имевшихся в селах.

Взимание платежей за пастьбу скота и овец доказывает, что крестьяне Градищенского района были лишены землевладельцем права пользования пустошами, а в селах, в которых сохранились следы дворового устройства[2]), они, повидимому, сохранили это право, ибо этих сборов не было. Лишившись пользования пустошами на началах бесплатности, крестьяне большинства Градищенских сел должны были переходить к увеличению запашки или к условиям чистого полеводства. Таким образом, был сделан существенный шаг по пути введения нового аграрного строя. Это введение новых аграрных порядков обыкновенно сопровождалось письменным соглашением землевладельца с крестьянами. выдачей грамот, и захватывало отдельных крестьян или группы их, а иногда и все село.

---

[1]) См. описание сел Кацова, Подолья, Доброй Воды, Льготицы, Боровицы, Ивины, Мукарова, Невекловицы, Стражища и Буковины.

[2]) См. выше, стр. 35.

Указания на грамоты попадаются в Градищенской описи, но, как будет показано ниже, эти указания почти всегда связаны с упоминанием о платеже берны и редко распространяются на все население села. В самом деле, упоминание о платеже королевской берны приурочивается к отдельным держателям, и этот платеж включается в суммарные части записи о селе, наряду с другими годичными платежами повинностей, напр.: 1) в селе Кацове о держателе I лана Богуславе сказано, что он уплачивал 30 гр. чинша и de berna regali XXX gr., а в итоге повторено: Item de berna regali XXX gr.; 2) в селе Подолье 4 держателя наделов, по I лану каждый, уплачивают королевскую берну в размере по 31—33 гр. (33, 32, 32, 31), а в итоге выведено вследствие какой-то ошибки не 2 копы 8 гр., как следовало бы, а 2 копы 6 гр. (pro berna regali II sexag. cum VI gr.); 3) в селе Днебогах держатель 1/2 кв. уплачивал 4 гр., держатель лана — 32 гр. и держатель одного двора (curia)—30 гр., и в итоге показано правильно, что поступало всего 1 копа и 6 гр. (pro berna regali 1 sexag. cum VI gr.). Не продолжая дальнейших справок, необходимо указать, что свидетельства о платеже королевской берны отдельными держателями встречаются в описании следующих сел: 1) в Гошковице один держатель под № 14; 2) в Доброй Воде один держатель под № 9; 3) в Льготице под № 3 один держатель; 4) в Преставках один держатель под № 24; 5) в Ивине один держатель под № 5; 6) в Могельщине три держателя под №№ 1, 13, 16; 7) в Невекловице один держатель под № 10; 8) в Коцнеовице один держатель; 9) в Вапне два держателя под №№ 11, 12; 10) в Вицманове два держателя; 11) в Буковине четыре держателя под №№ 2, 4, 6, 32. К этому следует прибавить, что в суммарных итогах часто допускается пропуск упоминания о берне (см. итоги в описании сел Гошковицы, Доброй Воды, Ивины, Невекловицы, Коцнеевицы, Вапны). Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в селах Коцове, Днебогах, Подольи, Гошковице, Доброй Воде, Льготице норма взимания берны обычная, 32 гр. с полного надела, с некоторым отклонением в сторону повышения или понижения, а в селах Преставках, Невекловице и Вапне в половинном размере, 16 гр. с полного надела, и в Могельнице на 25% пониженная. Как известно при сборе королевской берны допускались понижения или сбавки и даже полное освобождение от платежа по бедности плательщиков, их разорению от пожара, градобития и неурожая или во внимание к их феодально-административной службе, но никогда государственная власть не отказывалась от взимания берны в пользу землевладельцев, хотя возможны были соглашения с ними о способах и порядке сбора. Странно и то, что плательщиками берны показаны немногие держатели, из чего как будто следовало, что остальные не платили берны. Но этого быть не могло, да и не было, ибо когда, с согласия земского сейма, король получал разрешение на взимание общей берны, то к платежу ее привлекалось все зависимое население страны, а равно и жители городов.

К сожалению, на все эти странности не обратил внимания проф. Эмлер, издатель памятника, ограничившись кратким замечанием: «денежным платежом была и берна, сумма которой приводится на различных местах“ (стр. 3). Пересматривая свидетельства о плательщиках королевской берны в отношении их повинностного положения, сразу можно заметить, что они барщины не отбывали. Исключение представляет один лишь плательщик в селе Подолье Ванек, который отбывал на барщине одну неделю во время жатвы (pro messe 1 septimanam) и плательщик в селе Коцнеовице, который, кроме чинша, вно-

сил 2 кур и 40 яиц и на жатве работал 4 дня (pro messe 4 dies). Платежом денежного чинша ограничивались все их обязательства, но иногда они обязаны были делать почетные подношения и платежи натурой: 1) в селе Могельнице мельник—2 кур (II pullos honoris; 2) в селе Вицманове один плательщик, помимо чинша, двух козленков и 8 кур, а другой—4 кур (IV pullos honoris); 3) в селе Невекловице плательщик берны уплачивал и „оправное". Значит, из 26 плательщиков берны двое отбывали умеренную барщину, двое делали почетное подношение, один уплачивал натурою (2 козлят и 8 кур) и один платил „оправное". Таким образом, все те держатели, которые показаны плательщиками берны, были на особом положении, пользуясь льготами. Поэтому нисколько неудивительно, что в большинстве случаев к упоминанию о платеже берны присоединяется заметка о плательщике: privilegium habet, как сказано о плательщике берны в селе Карцове, или: habent privilegium, как сказано о 4-х плательщиках в селе Подолье. Что льгота или привилегия была закреплена грамотою, так можно думать на основании того, что о плательщике берны в селе Доброй Воде сказано, что он имел грамоту[1]). Магдалена, уплачивавшая берну и имевшая в селе Днебогах 1/2 квартала, записана была в грамоте, которая была выдана жителям Пришовицы, но описание этого села, к сожалению, не сохранилось[2]). Однако в некоторых случаях о плательщиках берны не говорится, что они имеют привилегии (см. заметки о плательщиках в Гошковице, Невекловице, где их было по одному, о двух плательщиках в Вапне, трех в Могельнице, четырех в Буковине и о мельнике в Днебогах). Неопределенным остается свидетельство о плательщике берны в Коцнеовице из-за порчи или пропуска в тексте. Умолчание в этих случаях о привилегии могло произойти и по вине составителя описи. В двух случаях наблюдается упоминание о привилегии без упоминания о платеже берны. Такими держателями были держатель 1 лана в Ивине (№ 17) и судья села Рокиты Радслав[3]). Последний случай вполне понятен, ибо судьи обыкновенно пользовались освобождением от платежа берны. Таким образом, привилегия состояла в освобождении от барщины и различных повинностей, и нет никакого основания утверждать, как это делает проф. Эмлер, что в этих льготных грамотах были точно переписаны повинности (см. стр. 11 его предисловия). Наоборот, в грамотах подобного рода речь могла быть только об освобождении от повинностей и порядке уплаты берны.

В самом деле, платеж берны не может считаться привилегией; платеж есть обязанность государственного характера, а привилегией освобождения от платежа королевской берны пользовались те лица, которые исполняли феодальные военные и административные обязанности. Тесная связь, которую удалось установить между фактом обладания льготной грамотой и фактом платежа берны, может быть истолкована лишь в том смысле, что в грамотах, выданных упомянутым в описи плательщикам берны, были, наряду с пунктами об освобождении от барщины и от повинностей, указаны способы и условия платежа государственной берны.

В поземельной описи Страговского монастыря сохранилось несколько грамот, называемых также привилегиями, в которых подробно изложен порядок взимания берны с монастырских земель. С особой подробностью это изложено в грамоте 1373 г., выданной жителям „Ве-

1) p. 4: Litteram habet privilegialem

2) p. 3: Item Magdalena 1/2 quatali, solvit XII gr. secundo tantum. pro berna regali IV gr.; habet privilegium cum villanis de Przysowycz.

3) p. 13: Radslav judex IX virg.; privilegium habet.

ликой Льготы: „Когда император или король будет вымогать (exaccionaverit) от нас и нашего монастыря, да не будет сего (quod absit), контрибуцию в какой бы то ни было сумме, то наши люди обязаны помогать при выплате подобной контрибуции (взносами) по 10 гр. с каждого лана, но один раз в году. Если же чаще, чем один раз (pluries quam semel), случится нам и нашему монастырю подвергнуться обложению, то придется нам давать и платить из собственных средств (de proprio), а люди будут свободны от платежа (liberi erunt et soluti). Когда же будет всенародно об'явлена в Чехии общая или генеральная берна, распространяющаяся на нас и наш монастырь и на другие все монастыри Чехии и на всех панов королевства чешского, то в таком случае люди обязаны будут уплатить нам полную берну (integram bernam), т. е. 33 гр. от каждого лана[1]): 32 гр. берны и 1 гр. на расходы по сбору (delenciales, výmazné smazné)". Но в тексте описи это изложено не только кратко, но и превратно в том отношении, что платеж частной контрибуции, о которой в грамоте было сказано, как о возможном нежелательном вымогательстве (quod absit),—должен производиться в размере по 10 гр. от лана „*ежегодно*, когда распорядится аббат", а не раз в год, как было сказано в грамоте[2]). В грамоте, выданной селу Овчару в 1371 году, эта тенденция монастыря не платить из собственных средств даже при повторяемости чрезвычайных сборов, а перекладывать их на зависимых людей, была выражена с полной определенностью. „И всякий раз, когда король Чехии наложит на наш монастырь и сколько бы то ни было раз—контрибуцию (quando cumque et quocienscumque-exaccionem), то с каждого лана (люди) будут давать и платить 6 пражских гроша", а если будет об'явлена королевская берна, то 32 гроша и 1 грош на расходы по сбору, без всяких возражений (contradiccione qualibet non obstante[3]).

Впрочем, практика взимания чрезвычайной берны (exaccionalis, exaccio, contribucio, subsidium) была довольно разнообразна. Совсем ее не платили в Гривчице (р. 275), Врачкове, Бучине, Желизах и в Погорельце под Прагой[4]). Взамен ее платили надбавку к чиншу в Хращанах[5]) или платили по бедности с некоторой скидкой в Малой Льготе и Немчице[6]). Только один раз в год платили по 20 гр. от лана в селах Гатке, Радонице и Страдонице[7]). Но все таки в большинстве случаев контрибуция или чрезвычайная берна взималась без ограничения в количестве повторений, по усмотрению аббата (ad mandatum abbatis, ad voluntatem), на сомнительную милость которого приходилось полагаться жителям Малой Льготы и Немчицы. Так было в целом ряде сел: в Мал. Княжевесе, Небушице, Брежанах, Оленице, Урбне, Крцовице, Земехах, Хабрах, Седлеце и Мотоле[8]).

Таким образом, при платеже королевской берны, общей или генеральной, не могло быть никаких соглашений, платили все зависимые люди по установившейся норме. Хотя монастырь выступал в качестве промежуточной инстанции между государственной властью и населением, проживавшим в его имениях, но получаемые при сборе суммы

1) Em'er, Decem registra, p. 247.

2) Jbid., p. 245: ibidem solvunt singulis annis contribuccionem particularem de quolibet laneo per 10 gr., quando dominus abbas mandabit.

3) Jbid., p. 241—242.

4) Jbid., p. 280—281, 290.

5) Jbid., p. 249, 250.

6) Jbid, p. 248: et contribucio particularis est in gracia domini abbatis, que debet esse graciosior aliis villis, quia sunt pauperes. Cp. p. 251.

7) Jbid., p. p. 252, 255; 260, 263; 265, 268.

8) Jbid., p. p. 238, 239, 243, 270, 272, 273, 278, 284, 286, 287, 288.

только временно оставались в распоряжении монастыря, и последний по своему усмотрению не мог никого освободить от уплаты. В другом положении был монастырь, когда король в самочинном порядке или вымогательством требовал один или несколько раз в году выплаты субсидии (exaccio): монастырь мог эту сумму выплатить из собственных средств (de proprio) или разложить ее на своих зависимых людей тем или иным порядком. Как было показано выше, он стремился переложить эти самочинные королевские сборы целиком на зависимых людей, но в данном случае открывалась возможность для соглашений: в одних случаях зависимые люди избавлялись от обложения, соглашаясь на увеличение чинша; в других выговаривали для себя право один раз в году платить по определенной норме (6—20 гр. от лана) или платили по уменьшенной сравнительно с другими норме, но платили иногда несколько раз в течение года; наконец, большинство платило по приказу и усмотрению аббата, т. е. по разверстке наложенной королем контрибуции.

Эта практика Страговского монастыря с полной очевидностью вскрывает то, чего нельзя было установить при анализе текстов описи Градищенского монастыря. Когда в этой описи упоминаются сравнительно немногочисленные плательщики берны, то это об'ясняется тем, что только они были освобождены от платежа чрезвычайной берны, которую платили все остальные по усмотрению аббата. Они взносили ежегодно королевскую берну в монастырскую казну в том размере, какой указан в описи, безотносительно к тому, была ли об'явлена общая или генеральная берна, которую были обязаны платить все, и независимо от того, сколько раз в году вытребовалась от монастыря контрибуция или чрезвычайная берна. Для них это была льгота, а монастырь рисковал немногим, ибо общая или генеральная берна взималась с согласия сейма и далеко не каждый год. При таком истолковании становится вполне ясным, почему платежи берны, как свидетельствует опись, зачислялись в доход монастыря. При таком истолковании можно понять, почему в приложенном к концу описи списке взимания берны не встречается ни одного указания на нормальный платеж в размере 32 гр., как будто не было ни одного держателя полного надела: этот сохранившийся в отрывках список есть список взимания чрезвычайной берны, а не общей или генеральной, а чрезвычайная берна взималась по пониженной норме, как это видно из привилегий Страговского монастыря.

Наличность грамот, выданных отдельным держателям, группам их (напр., в селе Подолье) и жителям села Пришовицы [1]), является косвенным доказательством, что в Градищенском районе происходила ломка старого аграрного быта, выражавшаяся в переходе от дворового устройства к лановой системе, с некоторой постепенностью, захватывая то отдельных держателей, то группы их.

Надельная земля крестьян в Градищенском районе измерялась ланами и загонами. Как ланы, так и загоны, делились на кварталы или четверти. В селах Гневушице, Кацове, Подолье, Гошковице, Ивине, Волшине, Окнах, Яблонце и Хлумке были показаны ланы, а в селах Мукарове, Могельнице, Невекловице, Стражище, Козмице и Главице—загоны. Так как в селах Днебогах и Преставках были наделы крестьян выражены в ланах и кварталах, а в селах Роките и Верхней Крупе—в ланах и виргах, которых 12 считалось на каждый лан, то и эти 4 села следует причислить к числу тех, где было лановое уст-

[1]) См. выше, стр. 40.

ройство. В виду того, что в селах Мужском, Доброй Воде и Льготице наделы крестьян были показаны в кварталах, возникает вопрос, были ли в этих селах ланы или загоны. Присматриваясь к топографическому расположению сел, можно установить, что села, где были загоны, лежали по долине Малой Изеры, а села, в которых были показаны ланы,— на возвышенностях, примыкавших к долине. Так как села Мужское, Добрая Вода и Льготица расположены были в гористой местности и в стороне от загонных сел, то эти обстоятельства дают основание полагать, что в них тоже существовала лановая система. В селах Боровице и Буковине, расположенных в гористой местности, указано по одному наделу, определенному в загонной мере, причем в первом селе один надел (№ 14) мерою в 1/2 лана и прочие определялись платежами, а во втором селе 11 наделов показаны в частях лана (№№ 2, 3, 9 12, 15, 25, 27 28, 34), так что показание относительно первого держателя в селе Буковине, что он имел I загон, можно считать ошибкой составителя описи. Наконец, в селе Вапне, расположенном в долине, одни держатели показаны, как сидящие на загонах, и их большинство (№№ 1—5, 7—10), а другие, как сидящие на ланах (№№ 6, 11—12).

Касаясь вопроса о величине загонов, которые существовали в Градищенском районе, проф. Эмлер говорит: „слово загон не употребляется в данном случае в смысле нескольких борозд, но это есть держание почти такой же величины, как лан, или несколько меньшей, как можно судить по платежам и барщине, которые были возложены на держателей загонов“ (str. II). Действительно, этих градищенских загонов нельзя приравнивать к гонам или загонам, которые, напр., упоминаются в поземельной описи Хотешовского монастыря при описании Энцованского имения: там загон равнялся 12 бороздам (sulci), т. е. 3/4 югера [1]) Однако, целиком присоединиться к мнению проф. Эмлера не приходится, ибо он колеблется признать лан и загон равными по величине. Если же обратиться к сравнению по обложению ланов и загонов, то подчеркивается их равенство. В самом деле, о держателе одного лана в селе Вапне сказано, что он платит столько же, как Петр, держатель одного загона, [2]) а два других держателя этого села, сидящие на ланах, платят даже менее (см №№ 11, 12), но их принимать во внимание нельзя, так как они были на особом положении, имели грамоты. В селе Боровице два держателя, из которых один имел 1/2 лана, а другой 1/2 загона, оба платят по одной норме [3]). Эти сопоставления особенно показательны, ибо взяты в границах одного села.

В представлении составителя или переписчиков описи понятия загон и лан—были по величине тождественны, так что он иногда ошибочно употреблял одно вместо другого. При описании села Буковины держатель Себера показан, как сидящий на I загоне, и перечислены все его платежи и повинности, а по отношению к остальным держателям, которые показаны сидящими на ланах, делаются ссылки на обложение Себера (р. 20). Не было разницы между держателями ланов и загонов в платеже берны. Отдельные из них как сидящие на ланах, так и сидящие на загонах, имели льготные грамоты, напр.: держатель одного загона в селе Могельнице (см. № 1) и держатель одного загона в селе Невекловице (см. № 10), или два держателя, по одному лану каждый, в селе Вапне (см. № 11 и № 12). Наконец, не было разницы между селами, где крестьянская запашка была разделена на ла-

1) Ясинский, Оч. и исслед. по соц. и экон. ист. Чехии, т. I, стр. 171—172.

2) p. 15: Item Jan 1 lan solvit ut Petr I. Сравни: Item Petr 1 zahon.

3) p. 6: XIV. item Gyra 1/2 lan solvit .. XV. item Swach 1/2 zahon, solvit ut Gyra XIV.

ны, и селами, где она была разделена на загоны, и в том отношении, что нельзя установить в этих селах, а равно и во всем районе, существование деления на югеры в границах крестьянской запашки, хотя измерение югерами применялось на землевладельческой запашке [1]). Не лишне отметить, что почти во всех селах, где были загоны, за исключением Главицы и Косьмицы, где были загоны, отбывалась барщинная пахота, а в лановых селах только в немногих, а именно: в Ивине, Окнах и Яблонице. По этому признаку село Льготица, где требовалась пахота по 8 борозд за один раз от одного квартала, т. е. в двойном размере против других сел,—резко выделяется среди других [2]).

В этом отсутствии югеров и в делении пашни на полосы или гоны вскрывается природа градищенских загонов и происходивших от них ланов. Запашка не измерялась веревкой или количеством посева, а работой упряжного скота. Другими словами, загоны были не что иное, как извечные славянские плуги или рала.

Однако, если в описи при определении размера сельской запашки и надельной земли сохраняются два термина: загон и лан, то для этого были, очевидно, достаточные основания. Определяя черты сходства, вполне понятные, ибо данные ланы произошли на основе загонов, необходимо отметить и различия. Прежде всего, приходится установить, что в загонных селах наделы были большие, редко ниже половины загона. Из загонных сел только в селе Главице было два надела по кварталу каждый, тогда как в лановых селах преобладали малые наделы, иногда мерою ниже вирги или прута. Далее, можно отметить, что загонные села расположены были в долине, а лановые села—на возвышенностях. Неоднократно приходилось устанавливать тот факт, что крестьяне в Чехии не стремились к увеличению своей запашки и не соблазнялись сомнительными выгодами так называемого эмфитевтического права, пока могли пользоваться угодьями и пустошами, что на плодородной почве они охотно заводили большие запашки, а на возвышенностях, где почва была скудной, довольствовались небольшой запашкой. Таким образом, вполне понятно, что наделы в долине, где земля была плодородна, были доводимы до той нормы, которая определялась возможностью обработки при помощи имевшегося у крестьян упряжного скота, а в селах, расположенных на возвышенных местах, довольствовались небольшими наделами и небольшой сельской запашкой. Существование в районе градищенских сел особых сборов за пастьбу скота и овец свидетельствует о том, что землевладелец лишил население права бесплатного пользования пустошами. Повсеместно возникала потребность в расширении запашки. От-

[1]) В селах Ивине, Мукарове, Могельнице, Вапне, Невекловице, Стражище, Окнах и Яблонице держатели полного надела пахали по 16 борозд трижды в год, а держатели половинного надела—по 8 борозд. Например, в селе Ивине 11 держателей пахали по 8 борозд, а один 16 борозд, трижды каждый год, всего за один раз 104 борозды и ежегодно 312 борозд, что, по расчету 16 борозд на один югер, составляло 19 1/2 югеров, как и показано в итоге: Item pro aratura XIX jugera cum 1/2 per annum (p. 8). В итоге по селу Стражищу допущена ошибка, вместо 21 югера 4 борозд (p. II) нужно 23 югера 4 борозды. Пахота 16 борозд или одного югера оценивалась в 1 грош, как показано в итоге по селу Мукарову (p. 9): item XV jugera arare vel XV gr tenentur dare. Перевод пахоты на деньги имел место в селах Могельнице и Вапне (p. 9, 14), как показано в итогах того и другого села. Почему требовалась пахота в тройном размере, это об'ясняется в тексте, относящемся к Полицкому округу: Decem registra p. 200: item quilibet laneus 24 sulcos, ter in anno arare, videlicet bis in hiemalia et semel in estivalia.

[2]) Среди держателей там упоминается стадий или гон. См. № 3: de stadleze и сравни с текстом (Decem registra, p. 93): de quolibet stadio, quod hony vocatur.

сюда понятно, что во всех почти селах района крестьяне, в дополнение к своим наделам, брали огороды, лесные участки (rubeta), копанины, нивы, поля, луга [1]).

Как видно из перечисленных в примечании примеров, в большинстве случаев прирезки брали держатели, имевшие три квартала или полный надел, а реже крестьяне, сидевшие на небольших наделах. С другой стороны, можно отметить, что прирезки к наделам брались в лановых селах и в исключительных случаях в загонных (по одному случаю в селах Могельнице и Стражище). Последнее наблюдение находится в согласии с тем, что выше было отмечено: в загонных селах, лежавших в долине, не в такой степени ощущалась нужда в увеличении запашки. Что же касается того наблюдения, что прирезки были разбираемы по большей части многоземельными крестьянами, то это указывает на то затруднительное положение, в котором оказались малоземельные крестьяне. При введении эмфитевтического права или локации, когда от загонной системы переходили к лановой, малоземельные крестьяне не могли внести закупный платеж (arra) за дополнительные участки. Весьма возможно, что им приходилось отказываться от своих малых наделов и брести врозь. В этом отношении показательна заметка о брошенных участках села Нижней Крупы, где было введено лановое устройство, подлинное, по немецкому образцу (nota censuum de desertis). Ни один из этих брошенных участков, как можно судить по платежам, не превышал размерами 3 прутов, а два участка были особенно крошечны: один был не более $^{1}/_{8}$ прута, а другой $^{1}/_{16}$. В то же самое время некоторые крестьяне этого села взяли, в дополнение к своим наделам, прирезки и довольно больших размеров: 1) крестьянин Томик, имевший почти $4^{1}/_{2}$ прута (см. ниже), взял $3^{1}/_{2}$ прута и 2 прута, т. е. всего $5^{1}/_{2}$ прутов и довел свой надел до 10 прутов [2]); 2) крестьянин Немец, имевший 9 прутов, [3]) взял 3 прута новин, т. е. довел свой надел до размера полного лана [4]). Иногда

---

[1]) Так, напр., в селе Рыбитвье один держатель двух наделов, по лану каждый, взял луг и лесной участок (№ 10: de pratis et de luco), а другой держатель двух наделов, $1^{1}/_{2}$ лана в совокупности, присоединил Волкову часть (№ 14: de Wolkowa hat); в селе Гневушице для раздачи были предназначены лесные участки (p. 2: Nota de habrzyn); в селе Подолье держатель одного лана взял лесной участок, а другой, Крук, имевший надел $^{1}/_{2}$ лана,—два огорода (№ 5: de lippina; № 7 и 9: de orto); в селе Гошковице Мареш, имевший 1 лан, взял огород, и Петр, имевший 2 лана, какое-то поле (№ 10: de orto; № 11: de quodam campo); в селе Днебогах Витек, имевший 1 квартал, взял копанину, и Ванка, имевшая $1^{1}/_{2}$ квартала, тоже копанину (№ 5: de kopanyn; № 10: eadem de kopanyn); в селе Мужском держатель 2 кварталов взял дополнительный прирезок (№ 6: item idem III gr); в селе Доброй Воде два держателя, из которых один имел 2 квартала, взяли один огород, а другой копанину (№ 2: de orto; № 4: de kopanyn); в селе Льготице держатель 3 кварталов взял ниву и гон, а два держателя, по $1^{1}/_{2}$ квартала,—нивы (№ 2 и 3: de nywa; de stadleze; № 7: de nywa; № 9: de nywa); в селе Преставках один держатель 3 кв. взял две копанины, один держатель 1 лана одну копанину и два мелких держателя по одной (№ 11—12, 25, 15, 17: de kopanyn); в селе Боровице три держателя по одному лесному участку и один огородник тоже взял лесной участок (№№ 2, 6, 10, 13: de luco); в селе Вышкове один держатель, судя по платежу, взял дополнительный участок (№ 2); в селе Ивине два держателя наделов по $^{1}/_{2}$ лана и третий держатель 3 кварталов взяли по лесному участку (№№ 2, 4, 8: de luco) в селе Мукарове один держатель 1 загона взял участок, покрытый порослью (№ 4: de rubetis); в селе Стражище Катерина, имевшая 1 загон, взяла огород (№ 11); в селе Волшине держатель 1 лана взял огород (№ 2: de orto); в селе Окнах крестьяне Степан (№ 11), Павел (№ 12), Витек (№ 15), Гавел (№ 8) и Гудец (№ 11), имевшие наделе по $^{1}/_{2}$ лана каждый, за исключением одного Витка, имевшего 3 квартала, взяли по одному огороду (№№ 17—21), и в селе Буковине держатель 1 лана взял ниву, а держатель 5 кварталов—копанину и участок, покрытый порослью (№ 26: de nywa №№ 35, 35: de rubetis, de kopanyn).

[2]) Nota census de nowyn. Item Tomyk $3^{1}/_{2}$ virg. Item Tomyk II virg.

[3]) См. ниже.

[4]) Item Nyemecz III virg.

один небольшой участок брали двое или трое или потому, что они были в кровном родстве, или потому, что им в одиночку было не под силу внести закупный платеж—трудно решить за неимением указаний [1]).

Во всяком случае даже и то относительно небольшое количество указаний, какие находятся в описи, свидетельствует о начавшемся расслоении в крестьянской массе под влиянием и в связи с введением лановой системы. Выражаясь современным языком,—это была ставка на крепкого и зажиточного крестьянина. С другой стороны, все вышеприведенные факты и наблюдения подтверждают вывод, который был сделан в другой статье: „различие между плугами и ланами существовало, но оно выражалось не в разнице по величине, по происхождению и общему землепользованию, а заключалось в ограниченном праве пользования угодьями и пустошами“ [2]). В этом отношении все села Градищенского района были в сущности переведены на лановое устройство, не исключая и тех, где сохранились загоны, ибо повсеместно введено ограничение в пользовании пустошами в большей или меньшей степени. По этой, видимо, причине составитель описи употреблял термины: загон и лан—довольно безразлично, как выше это было отмечено. И все-таки необходимо подчеркнуть, что при переходе от загонного устройства к лановому взимался закупный платеж (arra). Хотя о взимании этого платежа не упоминается в описи, но он был несомненно, так как иначе трудно об'яснить ряд вышеуказанных фактов: 1) преобладание в лановых селах небольших наделов; 2) стремление зажиточных крестьян в лановых селах брать прирезки; 3) опустение наделов в лановых селах.

В поземельной описи Бревновского монастыря относительно сел Брумовского района сделана заметка, что к запашке и надельной земле применяется троякая мера, а именно: лан, прут и квартал, причем 12 прутов составляют лан, а 4 квартала—прут. [3]) То же было и в Полицком районе. [4]) Таким образом, не лан делился на четверти, как было обычно в Чехии, а прут. Мало того, не была в употреблении югерная мера: лан состоял из 48 четвертей прута.

Подобная же мера была в 4 селах Градищенского района, а именно: в Роките, Крупе Верхней, Крупе Нижней и Иезве.

Но здесь необходимо войти в подробности, без которых будет непонятно, почему в одну рубрику с селами Рокитой и Верхней Крупой можно включить села Нижнюю Крупу и Иезву, хотя в последних селах при описании наделов не даны размеры, а указаны только платежи.

Если обратиться к суммарному подсчету, который дан в конце описания каждого из выше поименованных сел, то возможно установить, что все платежи и повинности выражены в кратных числах или приближающихся к ним, например: в селе Верхней Крупе таким числом является $17^1/_2$, [5]) а в селе Роките 18 [6]). Эти основные числа показывают число платежных единиц или ланов в селе. В самом деле, если

---

[1]) Item Dedek et Valenta III virg. Item Holen et Swatuss et Drlyk 1 gr. secundo tantum. Участок, за который уплачивался 1 гр., был менее $^1/_2$ прута.

[2]) Ясинский. Происхождение и природа чешских поземельных единиц, стр. 134.

[3]) Emler, Decem registra, p. 19: Item notandum, quod in hereditatihs huius districtus triplex habetur mensura, videlicet laneus, virga et quartale; et ideo 12 virge faciunt unum laneum et quatuor quartalia faciunt unam virgam.

[4]) См., напр., текст о запашке села Бездекова (Decem registra, p. 202): in villa — sunt quinque lanei et 2 virge et 1 quartale.

[5]) p. 16: Item pulli honoris $17^1/_2$.—Item plasneho $17^1/_2$ quart. avene cum $17^1/_2$ pulli.— Item $17^1/_2$ currum (sic!) lignorum.

[6]) p. 13: Item plaskeho $4^1/_2$ mensur. cum 18 pulli... Item 18 currus lignorum.—Нужно напомнить, что $4^1/_2$ меры равняются 18 кварталам.

взять платежи держателя ½ лана, обозначенного в описании села Верхней Крупы под № 13, [1]) то в итоге за 17½ ланов получается: 70 мер ржи, 35 мер овса, 105 кур и на содержание суда 23 гр. 4 д., что почти совпадает с итогом, данным в описи [2]). Если же взять платежи держателя ½ лана, обозначенного в описи села Рокиты под № 8, [3]) то в итоге за 18 лан получается: 108 кур, на содержание суда 24 гр., ржи 72 меры и овса 36 мер, что почти совпадает с подсчетом, данным в описи [4]). То же наблюдается и в отношении денежного оброка. В селе Роките держатель, обозначенный под № 8, платил за ½ лана в один срок 14 гр.; а в селе Верхней Крупе держатель ½ лана, обозначенный под № 13, в один срок платил также 14 гр., что, в соответствии с числами 18 и 17½, дает суммы 8 коп. 24 гр. и 8 коп. 10 гр., а в суммарном подсчете, данном в описи, показаны суммы: 8½ коп. 3 гр. и 2½ д. и 8 коп. 21 гр. 1½ д. (р р. 13, 16). Все эти небольшие несовпадения в итогах, как они показаны в описи, и как они вычислены при условии, что основные числа показывают число ланов,— не должны быть объясняемы, как ошибки составителя описи (конечно, таковые часто бывали), но они происходят от того, что в итог по селу Рокиты присчитан платеж за корчму (см. под № 2), а в селе Верхней Крупе—оброк с подсоседка (см. № 30), а равно—от небольшого повышения платежей с некоторых держателей, в отступление от полной пропорциональности. Вообще же в установлении денежного оброка в селе Роките наблюдается большая последовательность, по расчету за 1 прут земли 2 гр. 4 д., а именно: держатель ½ прута платил 1 гр. 2 д. (№ 32), держатель 1½ прута—3½ гр. (№№ 4, 24, 33, 34), держатель 2 прутов—4 гр. 8 д. (№№ 14, 25), держатель 3 прутов—7 гр. (№ 30), держатель 3½ прутов—8 гр. 2 д. (№ 36), держатель 6 прутов—14 гр. (№№ 8, 18, 28), держатель 6½ прутов—15 гр. 2 д. (№ 10), держатель 7 прутов—16 гр. 5 д. (№№ 15, 20), держатель 8 прутов—18 гр. 8 д. (№ 16), держатель 8½ прутов—19 гр. 10 д. (№№ 3, 13), держатель 9 прутов—21 гр. (№№ 19, 23), держатель 10½ прутов—24½ гр. (№№ 9, 12) и держатель 1 лана или 12 прутов—28 гр. (№ 22). То же наблюдается и в селе Верхней Крупе и по тому же расчету, а именно: держатель 1½ прута платил 3½ гр. (№№ 19, 27), держатель 2 прутов—4 гр. 8 д. (№№ 31, 33), держатель 4 прутов—9 гр. 4 д. (№№ 6, 21), держатель 5½ прутов—12 гр. 10 д. (№ 16), держатель 6 прутов—14 гр. (№№ 13, 14, 23), держатель 7 прутов—16 гр. 4 д. (№ 5), держатель 8 прутов—18 гр. 8 д. (№№ 3, 8, 10), держатель 10 прутов—23 гр. 4 д. (№№ 7, 9, 20), держатель 11 прутов—26 гр. 10 д. (№№ 1, 12) и держатель 1 лана или 12 прутов—28 гр. (№ 11).

В селе Роките отклонения от принятой нормы денежного оброка замечаются у держателей, обозначенных под №№ 7, 17, 21, 27, 31. Повидимому, ошибка в показаниях под №№ 35, 37: показано 8 гр., а должно быть 7 гр. Таким образом, устанавливается только 5 отклонений при 23 случаях согласия с принятой нормой. В селе Верхней Крупе наблюдается отклонение от нормы при платеже денежного оброка у держателя под № 28[5]). Следовательно, факт точного исчисления денежного оброка в селах Роките и Верхней Крупе по норме 2 гр. 4 д.

---

[1]) р. 15: 2 меры ржи, 1 мера овса, 3 чиншевых куры и на судопроизводство 8 д.

[2]) р. 16: Item de siligine 71 mensur, III quart. quart—Item de avena 35½ cum 1½ quart. quart—Item pulli census 105 minus 2 parvis.—Item pro judicio 23 gr. cum 4 parvis

[3]) р. 12: 3 чиншевых куры, на содержание суда 8 д., 2 меры ржи и 1 мера овса.

[4]) р 13: Item pulli census 109 cum 2½ pulli. Item de siligine 73 mensure cum 1 tercia.—Item de avena 36½ mensur cum VI parvis quartalibus. Item pro judicio XXVI gr.

[5]) В тексте описания пропущен № 24 и допущен какой то пропуск в № 22.

за один прут столь прочно обоснован, что возможно определять ошибки в тексте и находить опечатки, и это же дает возможность определить подразделение прута.

Наделы в селах Роките и Верхней Крупе выражены не только в целых прутах и их половинах, но и в других долях и частях. Так, напр., при обозначениях наделов села Рокиты встречается какая то „четверть четверти", обложенная 7 д.[1]). Такая же плата 7 д. полагалась по норме за 1/4 прута, ибо за прут уплачивалось 2 гр. 4 д. или 28 д. Значит, „четверть четверти" в селе Роките есть четверть прута, т. е. прут делился на четыре части[2]).

В селе Верхней Крупе 1/4 прута так и называлась: квартал прута[3]), но наряду с этим в описании одного надела встречается термин: „четверть четверти", от определения которой приходится отказаться в виду какой-то ошибки или опечатки в тексте[4]). Один также раз встречается термин: „малая четверть", равная, как определяется по платежу, восьмушке прута[5]). Несколько раз встречается термин: «малый прут», определяемый по вычислению как равный 1/16 прута.

Таким образом, в селах Роките и Верхней Крупе пруты делились на четверти, как в селах Бруновского и Полицкого районов, а в селе Крупе применялось деление на восьмушки и шестнадцатые доли прута[6]).

Опираясь на ряд выше сделанных наблюдений, возможно определить величину наделов в селах Нижней Крупе и Иезве, расположенных в ближайшем соседстве с селами Рокитой и Верхней Крупой.

В итоге, данном в описи по селу Нижней Крупе, показано, что денежного оброка за один срок поступило 2½ копы 2 гр. или 152 гр., ржи 38 мер, овса 19 мер, чиншевых кур 57 и „плечного" 9½ гр., т. е. все повинности выражены в числах кратных 9½ (16, 4, 2, 6), из чего следует, как выше было установлено, что в селе было 9½ единиц обложения или ланов. Это подтверждается в данном случае припиской, которая гласит, что в селе считалось 9½ ланов. Приписка была сделана впереди описания села, при его имени. При дробности наделов необходимо допустить, что при взносе кур, а, может быть, ржи и овса, несколько держателей должны были складываться, но денежный оброк каждый мог вносить один, сам по себе. Таким образом, при вычисле-

---

1) p. 12, № 11: Item Maress III virg. et 1 quart. quartalis solvit VII gr. cum VII parvis. См. также №№ 1, 5, 6, 26, 29.—Так как за 3 вирги увеличивалось чинша 7 гр., то плата 7 д. причиталась за „четверть четверти" (quart. quartalis).

2) Ср. плату держателей под №№ 5, 6, 29.—Отклоняются платежи держателей под №№ 1 и 26. Держатель № 1 по описи уплачивал 13 гр. 1½ д., тогда как по норме ему следовало платить 13 гр. 8½ д., т. е. на 7 д. более, а держатель № 26 уплачивал по описи 16 пр. 9 д., тогда как по норме ему следовало платить 16 гр. 11 д., т. е. на 2 д. более.

3) p. 15 № 17: Item Pyessek VII virg. cum 1 quart. virge solvit XVII gr minus 1 parvo За 7 прутов причиталось 16 гр. 4 д., за 1/4 прута 7 д., а следовательно за 7 прутов без одной четверти: 16 гр. 4 д.+7 д.=16 гр 11 д., как и показано в описи.

4) p 14, № 2: Jtem Pessye VIII virg. minus quart. quartalis solvit XVI gr. minus 1 parvo. Расчет выйдет, если внести 2 поправки и читать VII½ virg minus quart. quart solvit XVII gr minus 1 parvo Тогда 7½ прута 17 гр. 6 д., а если, считая „четверть четверти" равной 1/4 прута, вычесть за эту четверть 7 д., то действительно получится 16 гр. II д.

5) p 15, № 4: Item Wawrzynec IX virg minus II parvis quart. solvit XX gr. cum III parvis За 9 прутов 21 гр., а за восьмушку прута причиталось 3½ д. или при округлении 3 д. и за три восьмушки 9 д. При вычитании из 21 гр оброка за три восьмушки получается 20 гр. 3 д., как показано в описи.

6) p. 15, № 26: Item Marczek, Pawel et Hodek III virg. minus IV parvis virgis, solvunt VI gr. cum V parvis; p 16, № 32: Item Welek Kral II virg minus IV parvis virg. solvit IV et 1 parvum Сравни тексты под №№ 15 и 25, где расчет не выходит в одном случае на ½ д., а в другом—на 1 д., а также текст под № 18, где, повидимому, допущена ошибка: вместо 30 гр нужно 31 гр.

нии наделов целесообразнее всего исходить из цифр денежного оброка, которого в этом селе с полной платежной единицы или лана поступало 16 гр., с прута—$1^{1}/_{3}$ гр. или 16 д., с четверти прута - 4 д. Исходя из этих цифр, наделы крестьян были в том порядке, как они перечислены в описи, следующие: 1) 68 д.—17 четвертей прута = $4\frac{1}{2}$ пр.; 2) 36 д.—9 четвертей=$2\frac{1}{4}$ пр.; 3) 12 д.—13 четвертей=$^{3}/_{4}$ пр.; 4) 78 д - $19^{1}/_{2}$ четв.=$4^{3}/_{8}$ пр.; 5) 48 д.—12 четвертей=3 пр.; 6) 144 д.—36 четвертей=9 пр.; 7) 80 д.—20 четвертей=5 пр.; 8) 56 д.—14 четв.= $3^{1}/_{2}$ пр.; 9) 56 д.—14 четвертей=$3^{1}/_{2}$ пр.; 10) 204 д. 51 четв.=$12^{3}/_{4}$ пр.; 11) 108 д.—27 четв.=$6^{3}/_{4}$ пр.; 12) 116 д.—29 четв.=$7\frac{1}{4}$ пр.; 13) 240 д.—60 четв.=15 пр.; 14) 78 д.—$19^{1}/_{2}$ четв.=$4^{3}/_{8}$ пр.; 15) 96 д.—24 четв.=6 пр.; 16) 60 д.—15 четв.=$3^{3}/_{4}$ пр., 17) 36 д.—9 четв.=$2\frac{1}{4}$ пр.; 18) 16 д.—4 четв =1 пр.; 19) 102 д.—$25^{1}/_{2}$ четв.=$6^{3}/_{8}$ пр.; 20) 72 д.—18 четв.=$4^{1}/_{2}$ пр.; 21) 12 д.—3 четв.=$^{3}/_{4}$ пр.; 22) 28 д.—7 четв.= $1^{3}/_{4}$ пр., 23) 6 д.—$1^{1}/_{2}$ четв.=$^{3}/_{8}$ пр. Если сложить вычисленные таким образом наделы, то получается $108^{3}/_{8}$ прута, а не 104 пр. (=$9^{1}/_{2}$ л.), согласно с общим итогом, как он был выше определен. Однако, нужно иметь в виду, что наделы, показанные под №№ 3, 18, 21—23, имеющие в совокупности площадь $4^{3}/_{8}$ пр., не вошли, очевидно, в общий итог, как наделы подсоседские, ибо один только из них доходил до $1^{3}/_{4}$ пр. (№ 22), а остальные были менее 1 пр., за исключением надела, показанного под № 18, равного 1 пр. Следовательно, можно считать вполне установленным фактом, что в селе Нижней Крупе запашка определялась мерою $9^{1}/_{2}$ ланов, и что вычисленные наделы крестьян были той меры, как выше показано.

В итоге по селу Иезве показано, что денежного оброка поступало за один срок 2 копы 12 гр. или 132 гр., ржи 22 меры или 88 четв., овса 11 мер или 44 четверти, чиншевых кур 33 и „плечного" $5^{1}/_{2}$ гр., т. е. все повинности выражены в числах кратных $5^{1}/_{2}$ (24, 16, 8, 6). Если на основании этого можно считать, что в селе было 5 платежных единиц или ланов, то с одного лана денежного оброка поступало 24 гроша, ржи 16 четвертей, овса 8 четвертей и чиншевых кур 3 шт. При поступлении с одного лана 24 гр., а с прута—2 гр., наделы крестьян исчисляются следующим образом, при исправлении ошибки описи в показаниях под №№ 2 и 3, которая обнаруживается по сравнению с текстом под № 9, и ошибки в показании под № 14: 1) 8 гр. —4 пр.; 2) 4 гр.—2 пр.; 3) 4 гр.—2 пр.; 4) 10 гр.—5 пр.; 5) 14 гр.—7 пр.; 6) 8 гр.—4 пр.; 7) 16 гр.—8 пр.; 8) 8 гр.—4 пр.; 9) 4 гр.—2 пр.; 10) 6 гр.—3 пр.; 11) 10 гр.—5 пр.; 12) 16 гр.—8 пр.; 13) 12 гр.—6 пр.; 14) 12 гр. - 6 пр. При сложении всех площадей вычисленных наделов получается 66 пр. или $5^{1}/_{2}$ ланов.

Сколько же считалось югеров в составе тех ланов, которые были устроены в селах Роките, Верхней Крупе, Нижней Крупе и Иезве? Так как счет на югеры не применялся в этих селах, то для решения вопроса как будто не имеется никаких данных или указаний. Однако, сопоставление добытых данных о делении этих ланов со свидетельством начала XV века о составе лана, записанным в книгах Земского Суда, приводит к положительному решению и этого трудного вопроса.

В вышеуказанных селах, как было доказано, пруг или вирга делился на восьмушки и шестнадцатые доли. Значит, в лане считалось 192 шестнадцатых вирги или 192 „малых прута". По записи Стефана в Земских книгах, „лан содержит 3 копы, 12 провасцев", а «югер или стрих содержит 3 провасца»[1]), т. е. другими словами в лане было 192

---

[1]) Иречек, Codex juris Bohemici, t. II, p. 2, p. 44: Sententiae a judicio terrae Bohemiae atae Primo Stephani, 1400-1403.

провасца или 64 югера Это совпадение в цифровых отношениях наводит на мысль, что в записи Земского Суда провасцами названы те доли лана, которые в селе Крупе Нижней назывались „малыми прутами“, а следовательно в градищенских селах лан, если его выразить в числе югеров, заключал в своем составе 64. Тогда получается следующая скала поземельных единиц: лан равняется 12 прутам=192 малым прутам или провасцам=64 югерам. Любопытно при этом отметить, что шестнадцатая доля лана равнялась 12 малым прутам или 4 югерам, а при счете на борозды, 64 бороздам, т. е. в лане было столько югеров, сколько в шестнадцатой части лана борозд, и что на один прут приходилось 16 „малых прутов“, а на югер 16 борозд, т. е. в пруте было столько малых прутов, сколько в югере борозд. Эта повторяемость соотношений, выраженных цифрами: 64 и 16, любопытна сама по себе и свидетельствует о том, что при двух способах измерения, когда измеряли землю на вирги и малые пруты, и когда измеряли ее на югеры, исходили из одних и тех же числовых соотношений. Этот вывод важен потому, что обосновывает и оправдывает сопоставление свидетельства, сохраненного в записи Земского Суда, с данными о делениях лана, полученными при изучении описи.

Со времени основания монастыря в 1172 году и до конца XIV века, т. е. за время свыше 200 лет, в районе градищенских сел наблюдался процесс развития аграрного строя от форм дворищного или дворового землеустройства до форм чистого полеводства, как они выразились в лановой системе. Этот процесс протекал не везде с одинаковой силой. Кое-где сохранились следы дворового землеустройства, и в значительно большой степени удержались загоны, извечные славянские плуги или рала, возникшие в силу разложения первичной сложной семьи на отдельные хозяйственные единицы. Эта загонная форма землеустройства сохранилась на севере Градищенского района, в сравнительной отдаленности от монастыря. В ближайшем же соседстве с монастырем восторжествовала лановая система в двух разновидностях, из которых одну можно считать смягченной и другую—резко выраженной. Первая была в тех селах, где ланы делились на кварталы или четверти, а вторая в тех 4-х селах, где ланы делились на пруты. Первая разновидность в большей степени сближалась с загонной системой, вследствие чего составитель описи склонен был смешивать понятия—лан и загон. Эти ланы для краткости можно назвать чешскими, в отличие от ланов, устроенных в 4-х селах (Рокита, Крупа Верхняя, Крупа Нижняя и Иезва) по образцу ланов Брумовского и Полицкого районов. Последние ланы можно назвать для краткости немецкими, ибо они напоминают ланы города Белы, окрестности которого были заселены немцами [1]).

Как известно, введение лановой системы почти всегда сопровождалось взиманием закупного платежа (arra), и это дает основание думать, что в одних селах, где были введены ланы, ограничились, помимо лишения права бесплатного пользования пустошами, взиманием закупного платежа без какой либо переверстки или перемера запашки (смягченная форма ланового устройства, чешские ланы), а в других, сверх всего этого, произвели эту переверстку или перемер полей с целью упразднить чересполосицу и создать большие сплошные участки, находившиеся в одной меже или одном куске (так называемые немецкие ланы). Принимая во внимание, что только в немногих селах Градищенского района наблюдается подобная разновидность

[1]) Ясинский, Происх. и природа чешских позем. единиц, стр. 131—133.

лановой системы, есть основание думать, что эти села (Рокита, Крупа Верхняя, Крупа Нижняя и Иезва) возникли позднее всех других и вскоре были переустроены на началах лановой системы, как она практиковалась в Брумовском, Полицком и Бельском районах. Что это было так, за это говорит местонахождение этих сел: они были расположены в гористой местности, на западной окраине Градищенского района, вдали от речной долины.

В какой мере можно судить о благосостоянии крестьян по величине их наделов, показывает прилагаемая таблица, в которой села Градищенского района показаны в трех группах: в первой показаны 4 села, в коих запашка делилась на ланы и пруты (немецкие ланы), во второй 17 сел, в коих запашка делилась на ланы и кварталы (чешские ланы), и в третьей 7 сел, в коих запашка делилась на загоны и кварталы. В селах первой группы преобладают небольшие наделы: почти 54 проц. всех наделов составляют наделы, не достигающие меры ½ лана, а в третьей группе свыше 73 проц. составляют наделы мерою 1 лан и более, т. е. преобладают нормальные наделы. Что касается сел второй группы, то в них наделы мерою не выше ½ лана составляют 25 проц., а наделы мерою 1 лан и более—40 проц. Еще более показательны средние по всем трем группам. В селах первой группы 119 наделов с общею площадью 53,25 ланов, во второй группе 173 надела с площадью 117,75 ланов и в третьей—72 надела с площадью 65,75 ланов, откуда следует, что средний надел в первой группе 0,44 лана, во второй—0,68 лана и в третьей—0,91 лан, т. е. эти средние наделы по группам находятся приблизительно в отношении—4:6:8 или 1:1½:2. Таким образом, наделы в загонных селах в общем и среднем были в два раза большие, а в селах, где существовали чешские ланы, в 1½ раза большие, чем в селах первой группы, где лановая система сложилась по образцу немецкого землеустройства.

Может быть, слабым проникновением в Градищенский район строгих форм переустройства или локации по немецкому образцу объясняется тот факт, что Градищенский монастырь, не взирая на обширную площадь земли, принадлежавшую ему, не считался даже средним среди других чешских монастырей. Как видно из документа начала XV века, монастырь уплачивал 120 коп. королевской берны, тогда как 19 монастырей из общего числа 29 монастырей, перечисленных в упомянутом документе, уплачивали значительно большие суммы, иные 300 коп. и более: из 5000 коп., уплачиваемых монастырями, на долю Градищенского приходилось менее сороковой части[1]. Значит, по своему благосостоянию монастырь считался почти бедным.

Имея характер дополнительной работы или являясь своего рода приложением к той большой работе по истории хозяйственного и аграрного быта, которая подготовляется к печати,—этот этюд направлен был к выяснению развития аграрного строя на пути от старинных форм землеустройства к лановому. Если полученные итоги исследования являются менее значительными, чем то напряжение, которое потребовалось при их добывании, то все же, как думается, проложен путь для новых изысканий. Особенно было-бы желательно прежде всего переиздание описи Градищенского монастыря, если только рукопись не затеряна.

[1]) Челяковский, Codex jur. municip., p. 901 : Gradis CXX sexag.

ИМЕНА СЕЛ	Подсоседки	Малоземельные (менее $^1/_4$ л.)	Нормальные: Низш. разр. ($^1/_4$ до $^1/_2$ л.)	Нормальные: Ниже средн. ($^1/_2$ л. до $^3/_4$ л.)	Нормальные: Выше средн. ($^3/_4$ л. до 1 л.)	Нормальные: Высш. разр. (1 л.—$1^1/_2$ л.)	Многоземельные	Число наделов	Площадь надельной земли	Другие доход. статьи
I. Села, в коих запашка делилась на ланы и пруты (немецк. ланы)										
1. Рокита (р. 12—13)	—	9	7	14	6	1	1	38	ок.19	Корчма
2 Крупа Верхняя (14–16)	—	9	3	11	7	2	—	32	св.17	
3. Крупа Нижняя (р. 18).	—	13	14	4	2	2	--	35	$11^3/_4$	
4 Иезво (р. 19—20)	—	3	6	5	—	—	—	14	$5^1/_2$	
Итого	—	34	30	34	15	5	1	119	$53^1/_4$	Ср. 0,44
Процентное отношение	—	28.57	25,21	28,57	12,60	4,21	0,84	—	—	
II. Села, в коих запашка делилась на ланы и кварталы (чешск. ланы)										
1. Рыбничек (р. 2)	7	—	1	5	—	1	—	7	$3^3/_4$	Пивоварня
2. Гневущица (р. 2)	—	1	—	3	—	1	--	5	$2^1/_2$	Мельница
3. Кацов (р. 2)	—	1	1	1	—	1	—	4	$1^3/_4$	
4 Подолье (р. 2)	5	—	—	2	—	5	—	7	6	
5. Гошковица (р. 3)	1	1	3	3	—	5	3	15	$12^1/_2$	
6. Волшина (р. 16)	1	—	—	5	1	5	—	11	8	
7. Ивина (р. 7—8)	6	—	1	8	1	3	—	13	8	
8. Окны (р. 16—17)	5	—	—	8	2	6	—	16	$11^1/_2$	
9. Яблонец (р. 17—18)	—	—	—	3	1	9	—	13	$11^1/_4$	Корчма, мел.
10. Хлумек (р. 18)	1	—	—	2	—	4	—	6	5	
11. Буковина (р. 20—21)	15	—	—	—	1	14	3	18	св20	Мельница
12. Днебоги (р. 3)	2	2	11	1	—	1	—	15	$6^1/_2$	
13. Мужский (р. 4)	—	1	6	1	—	—	—	8	$2^1/_4$	
14 Добра Вода (р. 4)	—	1	1	5	—	1	—	8	св. 4	
15. Льготица (р. 4—5)	2	—	5	—	1	—	—	6	$2^1/_4$	Корчма
16. Преставки (р. 5—6)	2	—	7	1	1	1		10	$4^1/_2$	Мельница
17. Боровица (р. 6)	—	2	—	2	—	7	—	11	8	3 корчмы, 2 мельницы
Итого	47	9	36	50	8	64	6	173	$117^3/_4$	Ср. 0,68
Процентное отношение	–	5,2	20.81	28,9	4,62	37	3,47	—	—	
III. Села, в коих запашка делилась на загоны и кварталы										
1. Мукаров (р. 8—9)	--	—	—	5	—	10	—	15	$12^1/_2$	Корчма, мел.
2. Могельница (р. 9)	1	-	—	6	1	4	—	11	9	
3. Невекловица (р. 10)	3	—	—	—	--	11	—	11	$11^1/_2$	
4. Стражище (р. 10–11)	2	—	—	3	1	6	-	10	$8^1/_4$	
5. Козмица (р. 11)	—	—	—	—	—	6	-	6	$6^1/_4$	
6. Главица (р. 14)	—	—	2	—	1	3	1	7	$6^1/_4$	
7. Вапно (р. 13–14)	—	—	—	—	-	12	—	12	12	Корчма, мельница
Итого	6	—	2	14	3	52	1	72	$65^3/_4$	Ср. 0,91
Процентное отношение	--	—	2,78	19,44	4,17	72,22	1,39	—	—	

Н. М. Никольский.

Следы магической литературы в книге псалмов[1].

II

Вопрос о магических элементах в псалмах стал в настоящее время очередной проблемой критической библейской науки. Одновременно с автором настоящей работы вопрос был поставлен норвежским исследователем *Зигмундом Мовинкелем* (*Siegmund Mowinkel*); его работа[2]) не могла быть учтена при составлении первой статьи настоящего исследования, так как в то время связь с заграницей еще не была налажена; труд Мовинкеля сделался известным автору настоящей работы только полгода спустя после выхода в свет 4-5 кн. „Трудов Б. Г. У.“ Мовинкель ставит вопрос о книге псалмов в целом; он резко порывает с установившимся в протестантской науке взглядом, что псалмы являются выражением индивидуального религиозного чувства и лишь впоследствии были приспособлены для богослужебных нужд общины. По мнению Мовинкеля, все псалмы являются произведениями, предназначенными с самого начала для нужд культа, или возникшими в связи с культом (Kultgedichte); одни из них являются гимнами в честь праздников Иагве, другие—молитвами на разные случаи культа, третьи—оракулами, и т. д. В ряду молитвенных псалмов Мовинкель выделяет большую группу псалмов, содержащую жалобы на преследования и несчастья, причиняемые „делающими зло“—po'ale awen, и просьбы об избавлении от их козней; по мнению Мовинкеля, под этими po'ale awen надо разуметь колдунов, и все подобного рода псалмы являются культовыми заклинательными молитвами, сопровождавшимися, быть может, некоторыми обрядами[3]). К сожалению, основное положение Мовинкеля—толкование термина po'ale awen повсюду в смысле колдунов,—не оправдывается текстом, но бесспорно, что в некоторых случаях под po'ale awen действительно надо разуметь колдунов или бесов. Кроме того, Мовинкель останавливается на группе псалмов, содержащих проклятия; к сожалению, дав образцовый разбор понятия церковной формулы проклятия, он не анализирует достаточно подробно тех псалмов, которые, по его мнению, принадлежат к этой категории[4]). Работу Мовинкеля над псалмами-проклятиями продолжал *Hempel*[5]), но почти исключительно с точки зрения сравнительного исследования литературной формы этих псалмов. Работа Мовинкеля была принята различно, одними—как новое свежее

[1]) Ср. „Труды Б. Г. У.“, кн. 4-5, стр. 15-54, и отдельно.

[2]) Psalmenstudien, I—VI, 1921—1924 г.

[3]) В I томе Psalmenstudien.

[1]) В V томе Psalmenstudien.

[2]) Die israelitischen Anschauungen von Segen und Fluch im Lichte altorientalischen Parallelen, ZDMG, 1925, S. S. 20-110.

слово[1]), другими—отрицательно[2]); но, во всяком случае, несмотря на многие слабые стороны, труд Мовинкеля сдвигает проблему псалмов с той мертвой точки, на которой она до сих пор стояла, и в этом смысле его уже сейчас можно назвать „epochenmachende“. Для автора настоящей работы появление I и V томов Psalmenstudien послужило, конечно, самой побудительной причиной к продолжению исследования магических элементов псалмов. При правильности постановки вопроса—выделить из книги псалмов произведения, имеющие магический характер,—Мовинкель пошел неправильным путем толкования отдельного выражения. Этим путем задачу разрешить невозможно; она разрешается лишь подробным анализом тех псалмов, которые могут содержать в себе магические элементы, т. е. тем методом, который применен в основной части настоящей работы. Однако, пришлось пересмотреть весь привлеченный ранее материал и еще раз просмотреть снова всю книгу псалмов, чтобы найти еще образцы, которые могли быть упущены при первом исследовании. В процессе этой работы выяснилось, что задача должна быть точнее определена, как поиски следов *магических формул* в псалмах; таким образом, интересующий автора настоящей статьи материал отграничивается еще точнее от категории так наз. жалобных псалмов[3]). Что касается до новых образцов, то выяснилось, что к числу псалмов, разобранных в основной части, надо присоединить еще псалмы 141 и 59. Анализ этих псалмов здесь и дается; что касается дополнений и изменений, внесенных в основной текст работы, то с ними интересующиеся могут познакомиться в немецком издании работы, печатающемся в настоящее время[4]).

ПСАЛОМ 141.

1. Иагве, я взываю к тебе, внимай[5]) мне,
услышь голос мой, когда я взываю к тебе!
2. Да предстанет молитва моя жертвой курения пред
лицом твоим,
воздеяние рук моих—жертвой вечернею.
3. Поставь, Иагве, стражу для уст моих,
охрану[6]) у двери губ моих,
4. Не отдай сердце мое во власть злому слову,
чтобы могли сделать[7]) злодейски дело преступное
они, мужи, творящие беду,—
и чтобы не вкушать мне от пищи их.

---

[1]) Ср. рецензию Hempel'я в Orientalistische Litteraturzeitung, 1926, № VIII.

[2]) Напр Гункель в своем новом комментарии к псалмам.

[3]) Ср. „Труды Б. Г. У.“, кн. 4-5, стр. 53.

[4]) Выйдет в серии Beihefte zur Zeitschrift für die Alttestaméntliche Wissenschaft под заглавием Spuren magischer Formeln in den Psalmen.

[5]) Параллелизм членов требует. как у LXX—eisakuson me—haqschibha.

[6]) Параллелизм членов требует, вместо глагола, имя существительное, параллельное schamera—neçura; LXX сохранили след правильного чтения в выражении thyra perioches.

[7]) Ст. 4б толкуется обыкновенно в том смысле, что суб'ектом при infinit. hith'olel является автор псалма, а частица eth переводится в значении предлога „с“; смысл получается такой, что автор не хочет подпасть под власть греха и сделаться одним из многочисленных грешников. Однако, при таком толковании мало понятен ст. 4в; единственное возможное толкование, в смысле нежелания участвовать в пирах грешников, натянуто и плохо вяжется с требованиями параллелизма членов. Контекст ст. 4г с предыдущим и с последующим показывает, что речь идет исключительно о мерах защиты от врагов, нападающих на автора; исходя из этого, мы предполагаем, что суб'ектом при hith'olel являются враги автора—колдуны (см. об этом в тексте); это поясняется ближе в ст. 4в, где eth надо понимать в значении указательной частицы, как в Числ. 5, 10; Суд. 20, 44, 46, Иерем. 38, 23; Иезек. 35, 10; 43,7; Когелет 4,3. О толковании ст. 4в см. в тексте.

5. Пусть ударит меня праведный [1]) и пусть рассудит меня!
Масло на голову—да не отклонится голова моя!
Ибо еще и молитва моя против злых дел их.

6. Да низвергнутся во власть скал властители их [2]),
Да услышат они слова мои, ибо чаруют они.

7. Как пахарь раздробляет (комья) по земле,
Так кости их [3]) да будут рассеяны перед пастью Шеола!

8. Ибо к тебе, Иагве, господь мой, направлены глаза мои,
у тебя укрываюсь я, не обнажай душу мою.

9. Охрани меня от сети, что они расставили мне,
и от силков делающих зло;

10. Да падут в западню свою [4]) злодеи все до одного,
Пока я мимо не пройду.

Псалом толкуется то в смысле личной молитвы (Hupfeld, Bertholet), то в смысле национальной молитвы (Baethgen); при этом все комментаторы ссылаются на трудность понимания его текста, и ст. ст. 5—7 кажутся им безнадежно испорченными. Начало псалма послужило материалом для церковного гимна, нашедшего себе широкое применение в богослужении православной церкви, как в обычных службах [5]), так и в особом ритуале первых трех дней страстной недели [6]); таким образом, псалом принадлежит к числу чрезвычайно популярных и в особенности его начало, повидимому, не вызывает никаких сомнений. Однако, загадочные ст. 5-7, из которых каждый в отдельности как будто понятен, но связь которых с началом и взаимная связь друг с другом очень неясны, заставляют поставить вопрос о толковании псалма в целом и в особенности его начала.

Псалом ясно распадается на три части: ст. 1-4—молитва к Иагве об охране уст от „злого слова", распадающаяся на обращение (ст. 1-2) и просьбу (ст. 3-4); ст. 5-7—заклятие против врагов, причем смысл ст. 5 и его связь со ст. 6-7 не вполне ясны; и, наконец, ст. 8-10, где, в форме заключения, обычного для многих псалмов, повторяется просьба о защите от врагов, но в иной формулировке, чем в ст. 1-4. Оставляя пока в стороне вопрос о первой части, попробуем выяснить смысл темной второй части псалма, перед которой в недоумении останавливаются комментаторы. Ст. 6 и 7 для нас ясны после тех примеров, которые мы видели при разборе пс. 91 и 58 [7]); это—заклятие посредством слова (ст. 6б), слова волшебного, чарующего, (ki na'emu). Корень na'am, довольно редко встречающийся в Библии, по отношению к человеку обычно употребляется в простом значении „быть милым, любимым, возлюбленным". Уже здесь есть конечно, известный оттенок таинственности, поскольку прелесть возлюбленной или возлюбленного всегда имеет какую-то особенно притягательную силу, откуда происходит, напр., такой русский эпитет, как „чарующий", или

---

1) chesedh отсутствует в Syr. и лишнее по смыслу.

2) LXX передают krataios auton—moschlehem.

3) Чтение Масоры—„наши кости" явно испорчено; Syr. и некоторые рукописи LXX дают ta osta auton.

4) Вместо „западня его" предпочтительнее по Syr—„их западня".

5) Стихира „Господи, воззвах к тебе, услыши мя", поющаяся за вечерней и за обедней.

6) Покаянная молитва „Да исправится молитва моя", поющаяся с особенной торжественностью и коленопреклонением за литургией преждеосвященных даров в первые три дня страстной недели.

7) Ср. Труды Б. Г. У., кн. 4—5, стр. 29—30, 33—34.

выражение „чары любви“. Ясно, что как указанный русский эпитет, так и еврейское na‘am в постоянном словоупотреблении утратили тот специфический оттенок своего значения, который им был свойствен раньше. По отношению к корню na‘am следы его прежнего значения „быть чарующим“ сохранились в арабской лексике, где производные от этого же корня употребляются в значении „курительная смесь“ и „тихо петь“[1]). Но курительная смесь, курение — это специфический материал, употребление которого, как мы увидим ниже, тесно связано с мантикой, гаданиями, колдовством. Тихое пение, в отличие от громкого, имеет также особенный таинственный оттенок: факиры заговаривают змей тихим пением или тихой игрой на флейте, заклинания либо нашептываются, либо напеваются вполголоса. Отсюда вполне уясняется значение слов ki na‘emu, столь затруднявших переводчиков: враги должны услышать слова автора, т. е. подчиниться им, так как эти слова обладают чарующей, непреодолимой силой. Гибель, которая накликается заклинанием на голову врагов, описывается двояким образом: их господа должны быть низвергнуты во власть скал, а сами они должны бездыханными („кости их“) быть брошены перед пастью Шеола. Если второе вполне понятно, то первое возбуждает ряд недоумений. Если разуметь в ст. 6 и 7 под врагами обыкновенных людей, то мы никогда не выйдем из леса затруднений; но раз дело идет о заговоре, то ясно, что врагами могут быть только либо злые духи, либо колдуны[2]). Если считать что в ст. 7б разумеются колдуны, то в ст. 6а под их господами могут разуметься только злые духи. Что же значит выражение „да низвергнутся во власть скал“ по отношению к злым духам? Ответ на это мы можем получить, если привлечем на помощь единственный ритуал передачи во власть скал, именно ритуал великого дня очищения (jom kippurim) по трактату Мишны *Joma*. В VI гл. этого трактата сохранился любопытный традиционный ритуал, посредством которого козел отдавался Азазелю, ритуал, дополняющий краткое наставление Лев 16, 10[3]). В *Joma* VI, 6 мы читаем: „Что делал он (человек, приведший козла к обрыву в пропасть[4])? Он разделял красные полоски; одну часть привязывал к скалам, другую часть — между рогами его (козла). Затем сбрасывал он его навзничь, и он низвергался. Еще до середины горы он разбивался на куски“. Тут характерен, во-первых, ритуал посвящения скалам, чрез повязывание красных лоскутков от одного и того же куска материи на рога козла и на скалы. Самая передача во власть скал производится посредством низвержения козла, причем он разбивается о скалы вдребезги. Но, как известно, весь обряд великого дня очищения, и в особенности обряд прине-

---

[1]) Ср. ссылки у Gesenius-Buhl[15], S. 504. Любопытно отметить, что в позднейшей иудейской легенде сестра Тубал-Каина, настолько прелестная, что соблазняет ангелов, носит имя Наама; по другому варианту той-же легенды это имя носит жена демона Самдона, от которой пошли злые духи; имя ее записано в магических книгах; по третьему варианту Наама — дочь Адама от женского злого духа; она соблазнила своей красотой ангелов Азу и Азаэля. Ср. Bin Gorion, Die Sagen der Juden, von der Urzeit, SS. 322—323.

[2]) К тому же выводу, но путем своего метода, приходит Мовинкель, I,122.

[3]) Предположение Landesdorfer'a (Studien zum biblischen Versöhnungstag, S. 26), что ритуал Joma VI является позднейшим, ничем не доказано. Напротив, в трактатах Мишны о праздниках как раз сохранены многие архаические черты, напр. деревянный вертел для приготовления пасхального агнца, обряды махания лулабом и возлияния воды на празднике Кущей и др. С этой стороны данные Мишны заслуживают самого внимательного изучения.

[4]) Çoq толкуется Штраком (Joma, S. 38) и Meinhold'ом (Joma, S. 61) в смысле нарицательного имени. Fiebig, напротив, считает çoq собственным именем (Joma S. 22). Толкование Штрака предпочтительнее.

сения козла Азазелю, носит магический характер: посредством этих обрядов производится снятие нечистоты, т. е. нечистых духов с сынов Израиля, и возвращение ее к ее источнику—Азазелю и его злым духам пустыни. Вместе с козлом низвергается и нечистота, т. е. нечистые духи, ее производящие; таким образом, первоначальный смысл обряда, впоследствии потускневший, сводится к тому, что нечистые духи, гнездящиеся среди сынов Израиля, побуждаются перейти в козла, а вместе с козлом возвращаются к Азазелю, причем козел, конечно, при этом гибнет. Мы видим отсюда, что заклятие ст. 6а получает полное освещение из описанного обряда великого дня очищения; оно вращается в сфере тех же понятий и образов, которые взростили и обряд, описанный в *Joma*. Злые духи—господа колдунов, напавшие на человека,—силою заклятия должны выйти из него и „низвергнуться во власть скал"—вернуться к своему источнику и местопребыванию среди скал пустыни). Заклятие ст. 7 само по себе не представляет ничего неясного; но в свете обряда великого дня очищения оно получает связь с заклятием ст. 6а. Именно козел, несущий нечистоту, разбивается „на куски" (abhirim abhirim)—на отдельные члены, так что части его тела разлетаются в разные стороны от ударов о скалы. В ст. 7 речь идет о таком же насильственном, под ударами, разбивании и разбрасывании кусков тела (костей) врагов автора, как это ясно из сравнения в ст. 7а с комьями земли, которые отрываются от ее тела и разбрасываются в разные стороны под ударами плуга пахаря. Быть может, в ст. 7 подразумевается, что злые духи, насланные колдунами, должны вселиться в последних, и они, став „бесноватыми", должны в припадке безумия низвергнуться со скал во власть злых духов—в „пасть Шеола".

После этих раз'яснений ст. 6-7 становится понятным и ст. 5. Именно, в ст. 5 речь идет о трех приемах, употребляемых для изгнания духов из больного. Первый способ—посредством ударов—обычный способ, широко применяющийся у примитивных народов; колдун, врач или жрец, ударяя по телу больного или по больной части тела, заставляет злого духа выйти из больного. Второй прием—помазывание священным маслом; он чрезвычайно часто встречается в вавилонской магии; согласно Ис. 1, 6 в Израиле масло также употреблялось в качестве целительного средства, и, хотя Ис. 1 6, ничего не говорит о священном или магическом характере масла, такой характер должен сам собой подразумеваться; древняя медицина вырастает из магии, и ее средства считаются целительными не на основании их естественных свойств, но на основании их таинственной силы, которою они обладают от природы (как dudaim в Быт 30, 14 и сл., или как смоквы в II Цар. 20,7), или приобретают чрез посредство магических манипуляций (как масло или заговоренная вода). Третий прием—это молитва—спец. заклинательная молитва, те слова ст. 6б, которые обладают чарующей силой. Тут неясно только, кто этот „праведный" (çaddiq), который должен ударять больного, чтобы изгнать из него злых духов; по всей вероятности, это—жрец. Таким образом, ст. ст. 5-7 получают полное освещение: это отрывок ритуала изгнания из больного злых духов. Ст. 5а, 5б и 5в—формулы, произносящиеся больным, в то время, как жрец производит соответствующие действия: ударяет больного, мажет его голову маслом и произносит за него заклинание ст. 6-7.

[1]) Следует отметить, что в пс. 141, 6 и в Joma VI, 6 употреблено одно и то же обозначение скал—sela'. Оно означает по преимуществу отдельно стоящие скалы, отражающие всякий звук гулким эхо—для примитивного мышления верный признак того, что там живут духи, так как эти скалы „говорят".

Переходим теперь к ст. 1—4 псалма. Мы видели, что эти стихи расчленяются на две пары: ст. 1—2—обращение к Иагве—и ст. 3—4—просьба к Иагве об охране уст и сердца от злого слова. Остановимся прежде всего на ст. 3—4. Обычно молитвенное обращение в ст. 3—4 толкуется в моральном смысле: Иагве должен удержать уста говорящего от слов лжи, злобы и нечестия, а сердце его охранить от злых желаний и помыслов; именно эти стихи, толкуемые в таком смысле, приводятся в качестве доказательства позднего происхождения псалма, так как в них видят выражение утонченного, чисто морального взгляда на религию и божество. Однако, такое толкование не оправдывается буквальным смыслом выражений ст. 3—4 и кажется нам не чем иным, как одним из примеров перенесения моральных принципов современного протестантизма на израильско-иудейскую религию, выражением своего рода модернизации израильско-иудейского религиозного мировоззрения. В самом деле: стража, поставленная перед устами, и охрана, бодрствующая перед губами, как всякая стража и охрана, имеют своим назначением *не допускать* в пределы охраняемой области никаких враждебных элементов; нет никакого смысла в том, чтобы эта стража имела назначением *не выпускать* чего-то из охраняемой области. Не выпускают из тюрьмы; неужели злые, лживые, нечестивые мысли считаются чем-то в роде пленников, которые не должны выходить наружу в виде речей? Речь есть выражение мысли; но никакая стража уст не может обезвредить злую мысль тем, что заставит сохранить ее невыраженной в слове—мысль, ведь, всегда может без всяких слов проявиться в действии. Столь же мало оправдывается текстом и моральное толкование ст. 4. Правда, ст. 4 допускает толкование в этом смысле; но, опуская даже спорную часть ст. 4б, мы в ст. 4в наталкиваемся на непреодолимое затруднение, каким образом согласовать просьбу об охране сердца от злого слова с просьбой не дать вкушать каких то man'amim врагов. Это выражение служит камнем преткновения для комментаторов. Толковать его в буквальном смысле—есть сладости врагов, т. е. участвовать в их пирах,—нельзя, так как тогда теряется нарастание мысли в ст. 4: после того, как человек поддался влиянию злого слова и, согласно обычному толкованию ст. 4б, совершил вместе с преступниками злодеяния, участие в пирах с преступниками не имеет той остроты, какую оно имело бы в качестве подготовительной стадии к преступлениям, оно должно стоять раньше, а не позже злодеяний, примыкать к злому слову ст. 4а. Поэтому комментаторы (напр. Гупфельд и Бетген) толкуют man'amim в переносном смысле чувственных наслаждений вообще; но это толкование не имеет за собою об'ективных оснований и также противоречит требованию нарастания мысли, хотя и в меньшей степени, чем буквальный смысл man'amim. Приходится отказаться от обычного толкования ст. 4б-в и искать другого.

Правильное толкование ст. 3—4 возможно только тогда, когда мы признаем, что стража (ст. 3) охраняет уста от *вторжения извне* злых элементов. Мы находимся здесь на почве общераспространенного воззрения всякой народной религии, что дух, безразлично какой, входит в человека и выходит из него чрез различные отверстия его тела, преимущественно через рот или через нос. Это воззрение распространяется одинаково и на душу, и на доброго или злого духа; в конечном счете, с точки зрения анимистического миросозерцания, и душа человека, и всякого рода духи суть феномены одного и того же порядка. Примеров из быта современных малокультурных народов и из фольклора разных национальностей можно привести сколько угодно; мы

ограничимся лишь несколькими, лишь более ярко иллюстрирующими это воззрение. Африканский туземец не любит спать с открытым ртом, и если после такого случая заболевает, то об'ясняет это проникновением злого духа в его тело через открытый рот. Русский крестьянин, зевая, сейчас же крестит свой рот, чтобы в рот не влетел „окаяшка“,— т. е. злой дух; в параллель этому обычаю можно привести целый ряд примеров из русских народных сказок и песен, в которых душа изображается в виде пчелы, мотылька, птички, даже мыши, живущей у человека в горле и во время сна или при смерти вылетающей из тела через рот. Аналогична германская легенда о короле Гунтраме: в ней рассказывается, как душа короля во время его сна выползла из его рта в виде змеи и перед пробуждением вернулась тем же путем обратно в тело [1]). В греческой мантике господствовало представление, что дух Аполлона или другого божества входит в прорицателя через рот; но при этом, если верить Оригену, в пифию дух Аполлона входил не через рот, а через половое отверстие, так как пифия садилась над расщелиной, из которой поднимались одуряющие испарения [2]). Этим же воззрением надо, конечно, об'яснять и обычай персидских жрецов при совершении обрядов надевать повязку на рот, чтобы предохранить себя от нечистоты, т. е. от „злых духов“. [3]) В свете этих примеров, число которых можно было бы значительно увеличить, получают об'яснение из того же воззрения и некоторые библейские рассказы. Иагве вдунул в человека дыхание жизни через нос (Быт. 2,7)— это не требует комментариев. Но когда мы читаем, что Елисей, воскрешая мальчика, ложится на него лицом к лицу и прикладывает свой рот ко рту мальчика, то об'яснение этой манипуляции может быть только одно—из представления, что дух целителя из его рта входит в тело исцеляемого через рот последнего (II Цар. 4,34). Когда после этого мальчик чихает и затем пробуждается (4,35), то в основе здесь лежит представление, что злой дух, причинивший болезнь и смерть, изгоняется обратно через нос, совершенно так же, как, согласно рассказу Иосифа (Antiquit. VIII 2,5), в I веке колдун Элеазар, следуя предписаниям Соломона, заставлял духа выходить из больного через нос. Иудейская легенда, утверждая, что от сотворения мира до Иакова ни один человек не мог остаться живым после чихания, и что от этого бедствия людей спас своей молитвой только Иаков [4]), отражает все то же самое воззрение, что вместе с чиханием из тела может выйти душа [5]). После этих примеров еврейских и нееврейских, смысл ст. 3 становится совершенно ясным: это—молитва к Иагве об охране уст от вторжения чрез них злых духов. При этом выражения „стража“ и „охрана“ надо понимать буквально: молящийся желал бы, чтобы перед его устами Иагве поставил своих mal'akim—добрых духов (ср. пс. 91,11), которые не должны допускать к устам злых духов. И в том же смысле—охраны козней от злых сил должно понимать и ст. 4. Под сердцем разумеется душа не в моральном, а в чисто физиологическом смысле—жизнь здоровье, существование, против которых направляется действие злого слова—т. е. заговора; точнейшим образом это подтвер-

[1]) Ср. Тэйлор. Первобытная культура, русск. перев. т. II, стр. 22.

[2]) Ср. Hopfner, Griechisch-ägypt. Offenbarungszauber B. II, S 133. Интересно, что в арабской легенде ведьмы вдувают в мужчину злых духов чрез половой член—ср. Wellhausen, Reste arabischer Heidentums, 1887 S. S. 140—141.

[2]) Ср. Lehmann Bertholet Lehrbuch der Religionsgeschichte, II, S. 256.

[3]) Ср. Blau, Das altjudische Zauberwesen S. S 163—164.

[4]) Иудейское пожелание при чихании „доброй жизни“ (ср. Blau, l. c.) совершенно аналогично русскому „будь здоров“; в основе русского пожелания лежат, конечно, те-же воззения.d

ждается в ст. 4б-в, где суб'ектом являются po'ale awen — колдуны; они действуют не только посредством заговора, но и посредством своих man'amim. Это чрезвычайно редкое слово, затрудняющее комментаторов, происходит от корня na'am, уже встретившегося нам в ст. 6. Значение корня na'am помогает нам уяснить также и значение man'amim; под этим термином разумеется такая пища, которая имеет свойство делать человека добычею духов. Но этим общим признаком мы еще не исчерпываем всего содержания термина man'amim. Идет ли здесь речь о специально приготовленном снадобье, волшебном зелье, или о заговоренной пище, или, вообще, о пище po'ale awen, которая уже сама по себе нечиста, и вместе с которой в человека могут войти злые духи? Разрешить это вопрос при современном состоянии текста чрезвычайно трудно. Параллелизм членов требовал бы наряду с заговорами ст. 4а заговоренной пищи или специального зелья; но так как в ст. 6 нет строгого соблюдения параллелизма членов, и так как, вообще, этот стих по форме совершенно неправилен, то возможно толкование man'amim в смысле пищи po'ale awen, которая может быть опасна сама по себе. Тут мы опять встречаемся со спекуляциями по вопросу, каким образом злые духи могут проникнуть в человека. Как мы видели, обычное об'яснение — через рот; но такой способ проникновения может разнообразиться. При неосторожности человека или при его бессознательном состоянии (во время сна) злой дух проникает без всяких ухищрений, так сказать, в чистом виде; но его можно проглотить также вместе с пищей и питьем. Эта опасность является тогда, когда человек ест и пьет вместе с грешниками, т. е. с людьми, находящимися во власти злых духов; по вавилонским представлениям, если есть хлеб и пить воду грешников или после грешника, то можно подвергнуться заклятию [1]; по той же причине русские старообрядцы XVII—XVIII веков не имели общения с никонианами в пище и питье, так как считали никониан служителями сатаны и злых духов [2]). Из того же представления развиваются запрещения есть и пить из нечистых сосудов, так как всегда есть опасность проглотить вместе с пищей и питьем злых духов. Это представление лежит в основе постановлений о нечистых сосудах Числ. 19, 14—15 и Лев. 11, 30—34; в первом случае об'являются нечистыми открытые сосуды, находившиеся в шатре при чьей-либо смерти, во втором случае — сосуды, имевшие соприкосновение с нечистым мертвым животным. И тут и там в основе одна и та же идея: смерть причиняется злыми духами, и там, где она имеет место, скопляются злые духи, которые, по свойственному им коварству, могут укрыться в любом открытом сосуде [3]). Аналогичные постановления о нечистых сосудах встречаются в вавилонских заклинаниях [4]) и в русской старообрядческой легенде. Последняя особенно характе́рна, и ее стоит привести. Протопоп Аввакум в своей автобиографии рассказывает, как он исцелил у одной боярыни ослепших кур: отслужил молебен, окропил кур святой водой, и, сверх

[1]) Schurpu III, 122—124 (по изд. Zimmern, Beiträge u. s. w.).

[2]) Ср. предписания об очищении сосудов, приобретенных у язычников, в Aboda Zara, 5,12.

[3]) В Мишне постановления о нечистых сосудах развиваются, конечно, чисто казуистическим способом; но и в этой казуистике есть любопытный момент. Именно, могут стать нечистыми только такие сосуды, которые полы внутри или имеют края или углубления; сосуды плоские, без краев, не могут стать нечистыми (Kelim, 2, 7; 11, 1), т. е могут стать нечистыми только такие сосуды, которые могут быть вместилищем чего-либо — в том числе и злых духов. Представление об опасности, грозящей от злых духов во время еды, сквозит также в Aboth, 3, 3: есть без чтения Торы нельзя, так как каждый стол без этого полон блевотины, и еда в этом случае аналогична жертве мертвым.

[4]) Ср. Schurpu, III, 20.

того, сделал им для воды новое корытце, которое тоже окропил святой водой. Эта подробность самая важная, ибо она показывает, каков был, так сказать, „диагноз“ Аввакума: куры проглотили бесов вместе с пищей из нечистого корыта, и, чтобы вырвать зло с корнем, нужно было не только выгнать бесов святой водой, но и предохранить кур на будущее посредством предоставления им чистого сосуда. Но, как всегда в анимистических представлениях, мы находим и обратное воззрение: пища праведного, или одержимого добрым духом человека, чиста и целительна. Слюна жреца-заклинателя, по вавилонским представлениям, действует очистительным образом [1]); патриарх Никон имел при себе юродивого Киприана и с‘едал после него все об‘едки [2]). Отсюда понятно, что с точки зрения первобытного анимизма, есть вместе с грешниками или после грешников—значит подвергать себя величайшей опасности от злых духов. В этом смысле можно понимать и конец ст. 4. Если даже здесь идет речь не о заговоренной пище и не о специально приготовленном зелье, но просто о пище со стола po‘aJe awen, то смысл термина man‘amim от этого не меняется. Пища грешников всегда носит в себе тлетворное, магическое начало, всегда может быть столь же опасной, как и заговор, или как мимоходом сказанное „злое слово.“ Таким образом, ст. 3–4 являются молитвой об ограждении от злых духов, колдунов, их „злых слов“ и от всякой нечистоты, которая с ними связана. Это—талисманическая молитва.

Остается введение к этой молитве, ст. 1-2. Тут характерен ст. 2, в котором выражается пожелание, чтобы молитва была как курительная жертва, и воздеяние рук—как жертва вечерняя. Прежде всего отметим, что как воздеяние рук является неот‘емлемой частью молитвы, так и вечерняя жертва, в силу закона параллелизма членов, должна в данной связи иметь какое-то родство с курительной жертвой. Это формальное соображение находит подтверждение в практике древнеизраильского культа. Как известно, вечерняя жертва называется в допленную эпоху mincha (I Цар. 18, 23, 36); в жреческом кодексе имеются два предписания, в силу которых вечерняя mincha должна соединяться с qetoreth, именно, общее предписание Лев. 2, 1, о том, что в состав mincha должен входит фимиам, и специальное предписание Исх. 30, 7-8, о том, что вечером и утром ежедневно должна приноситься жертва курения (qetoreth samim). Как правильно указывал еще Вельгаузен[3]), первоначально ежедневная жертва была только вечерняя—день на Востоке начинается с вечера—и ее удвоение есть результат позднейшего развития. Но столь же несомненно, что, вопреки мнению Вельгаузена[4]), курительная жертва существовала уже в допленную эпоху; жреческий кодекс не вводит здесь ничего нового, но лишь кодифицирует традиционные обычаи. Существование курительной жертвы в царскую эпоху доказывается не только рядом указаний пророков, в особенности Иезекииля[5]); все эти указания, конечно, имеют ту слабую сторону, что их всегда при желании можно отвести ссылками на редакционную обработку. Но когда они находят себе подтверждение в археологических данных, тогда совокупность тех и других становится уже неопровержимым аргументом: знаменитые сосуды из эпохи

---

[1]) Jastrow, Die Religion Babyloniens und Assyriens, B. I, S. 355.

[2]) Ср. мою статью „Народная религия и церковь в XIV-XVI в.“ в „Русской истории с древнейших времен“ М. Н. Покровского, 1 изд. т. II, стр. 15.

[3]) Prolegomena, 5. Aufl. S. 76, Anm.

[4]) Ibid, S. 64; ср. также возражения Dussaud, Les origines cananéennes du sacrifice israélite, p. p. 129 et suiv.

[5]) Иезек. 6, 13; 8, 10-11, ср. также 1 Цар. 3. 3; Иерем. 6, 20; прочие указания во II Цар. мы опускаем; так как они относятся к числу девтерономистических вставок.

VII—VIII веков найденные в Мегиддо и Таанахе, имели применение для курения фимиама, первый несомненно, второй с очень большой степенью вероятности. Но если курительная жертва существовала в доплененную эпоху, то она уже тогда согласно Исх. 30, 7-8, должна была соединяться с mincha. Таким образом, эта рекогносцировка в общую историю израильского культа уже дает известную связь между qetoreth и mincha ʻerebh в пс. 141,2. Однако, на этом мы еще не можем остановиться. Можно установить связь между курительной жертвой и mincha также и по отношению к магическим ритуалам. Еще Вельгаузен заметил, что курительная жертва отличается от всех остальных своими особенными свойствами: она обладает особенной святостью, но в то же время и особенно опасна; совершенная ненадлежащим образом или непризванными лицами, она причиняет виновникам гибель; напротив, совершенная ritu и правомочным на то лицом, она является особенно спасительной и чудодейственной[1]). В параллель этому напрашивается сравнение с вавилонскими и синкретическими магическими ритуалами. В вавилонских жертвенных ритуалах курительная жертва обладает также двояким значением. С одной стороны, она является специфической жертвой для умилостивления и привлечения божества: после потопа Ут-Напиштим для умилостивления богов приносит курительную жертву из тростника, кедра и мирты, и на эту жертву боги слетаются, как мухи, привлеченные ее приятным благоуханием[2]). Та же жертва, почти в том же составе (иногда мирта заменяется кипарисом и добавляется мука) постоянно фигурирует в ритуале жрецов baru—гадателей—для привлечения божества—и в ритуале жрецов aschipu—заклинателей—для отогнания злых духов[3]); особенно следует отметить классический пример—на знаменитой двухсторонней таблетке, изображающей больного, окружающих его злых духов и целителей и служившей в качестве амулета против лихорадки, около больного фигурирует сосуд с курительной жертвой[4]). В синкретической магии начала нашей эры для подчинения духов воле заклинателя и для их привлечения употребляется т. наз. epithyma, курительная жертва; состав ее, конечно, другой, очень сложный, но действие ее считается принудительным—это epithyma anankastikon[5]). Из этих примеров мы видим, что в различных религиях курительной жертве одинаково придается специфическое значение средства, привлекающего божество и отгоняющего злых духов. Она магическая жертва par excellence; и этот ее характер, конечно, об'ясняется ее происхождением. Как показывает состав этой жертвы в Вавилонии, она, собственно говоря, не есть благовонная курительная жертва, но просто курительная жертва: сжигаются не благовонные специи, а куски пахучего дерева. Отсюда ясно, что в основе ее значения лежит вера в очистительную силу огня: огонь—двуликая стихия, и разрушительная и спасительная, и во всех примитивных религиях играет первостепенную роль. В вавилонской магии бог огня—специфический враг бесов; он первым призывается на помощь против них[6]). Зажигание огня—священный акт; дым, идущий от огня,—дыхание бога огня, которого не переносят демоны; введение пахучих древесных пород для сожигания и прибавле-

1) Prolegomena, S. 64, ср. Лев., 10,1—5; Числ. 16.
2) Ср Эпос о Гильгамеше, табл XI, строки 156-162
3) Ср. Zimmern, Beiträge, S. S. 93-94; Jastrow I, S. S. 385; II, S. 200 и др.; Meissner, Babylonien und Assyrien, II, S. 235.
4) Jastrow, Bildermappe, Abb. 100.
5) Hopfner, op. cit S. 209 ff; 243-246 и др.
6) Jastrow, I, S. 296 ff.

ние благовонных специй уже позднейшее добавление. В этом отношении чрезвычайно интересны три священные огня индусов, из которых один, южный, имел специальное свойство отгонять бесов; в древнейшую эпоху эти огни зажигались без прибавления благовонных специй, которые были введены лишь позднее[1]). После этих примеров становится более понятной и израильская курительная жертва, а также тот характер особой святости и таинственности, который ей придавался. В израильской традиции мы можем найти также ясные следы ее значения, как средства, умилостивляющего богов и парализующего враждебные намерения духов против человека. Как известно, в древне-израильских представлениях об Иагве важное место занимает поверье, что человек, встретившийся с Иагве или увидавший Иагве, непременно умрет[2]). Это представление, как вскользь замечает Procksch[3]), очень архаическое и ведет свое начало еще из той эпохи, когда под Иагве разумелся грозный, злой дух, жаждущий крови и смерти, набрасывающийся при встрече на людей[4]). Одно из средств умилостивления Иагве—кровь; но рядом с кровью такое же значение придавалось курению фимиама. Об этом свидетельствует обрядность великого дня очищения: чтобы предохранить себя от смерти в месте пребывания Иагве, у ковчега, Аарон при входе в святое святых должен принести курительную жертву, при строгом соблюдении особого ритуала[5]).

Далее, mincha 'erebh, фигурирующая в ст. 2 рядом с qetoreth, имела также применение в магических обрядах. В известном обряде испытания неверной жены (Числ., 5, 11-28) муж, приводящий подозреваемую жену к жрецу, обязан прежде всего принести mincha, состоящую исключительно из ячменя, без масла и фимиама; эта особенность тут же (ст. 15) заботливо об'ясняется: „ибо это жертва ревности[6]), жертва, восстанавливающая память о грехе", т. е. жертва, выводящая грех наружу из забвения, жертва, вскрывающая грех, жертва откровения (minhath zikkaron mazkereth 'awon). Характерно, что в ней отсутствует фимиам; параллельно этому следует отметить, что также и в составе вавилонского магического ритуала рядом с обязательной курительной жертвой фигурирует всегда еще и растительная жертва, в то время, как кровавая жертва встречается лишь у виде исключения[7]). Таким образом, параллелизм выражений в ст. 2 получает полное уяснение с точки зрения магического ритуала; в первоначальной формуле mincha имела, конечно, самостоятельное значение наравне с qetoreth, и лишь прибавление 'erebh, сделанное, очевидно, редакторской рукой, затемнило первоначальный смысл сближением этих двух родов жертв применительно к ежедневному, храмовому, но не магическому, культу. Вместе с тем становится вполне ясным, что в ст. 1-2 курительная жертва и растительная жертва имеют значение наиболее действительных средств как для привлечения на свою сторону божества, так и для отогнания злых духов. Вероятно, в первоначальном ритуале, лежащем в основе ст. 1-4, одновременно с молитвой приносились qetoreth и mincha; в те-

1) Ср. Bertholet-Lehmann, Lehrbuch der Religionsgeschichte, I, 90

2) Ср. Быт. 32, 31; Исх. 3, 6; Суд. 6, 22; 13, 22-23; 1 Цар 19, 13; Ис. 6, 5.

3) Die Genesis 1924, S. 145.

4) Ср. Быт. 32, 25-26; Исх. 4, 24. Очень правильная характеристика у Hölscher, Geschichte der israelitischen und jüdischen Religion, SS. 85-88.

5) Лев, 16, 1-4, 11-14; в трактате Мишны Joma ритуал курительной жертвы описан во всех подробностях (4, 3–5, 1)

6) Minchath qenaoth вряд ли является редакционной прибавкой, как думают некоторые (ср. Baentsch, Numeri SS. 473-474); скорее это—специальное наименование жертвы а дальнейшее—пояснение ее магического характера.

7) Zimmern, op. cit., S S. 94-95

перешнем виде мы имеем дело только с магической формулой, превращающей молитву и воздеяние рук в жертвы—совершенно такое же явление. как, напр., в египетской религии, где сплошь и рядом в культе мертвых фактические жертвы заменялись магическими словесными формулами с перечислением требующихся жертв. Ст. 1-2 в соединении со ст. 3-4 составляют цельную оригинальную формулу магического характера: это не заклинание в собственном смысле слова, но заклинательная молитва, цель которой обязать божество исполнить выраженные в молитве желания. Заклинательная молитва отличается от простой молитвы тем, что она не только выражает просьбу, но подкрепляет ее средствами магического характера; такими здесь являются специфические курительная и растительная жертва, которые должны обеспечить обязательное исполнение молитвы.

Обращаемся теперь к заключению псалма, ст. 8—10. Тут мы встречаем уже знакомые черты: молящийся укрывается у Иагве (пс. 91. 1), просит охранить от сети и силков po'ale awen—ср. пс. 91, 3, („сеть ловящего"),—и заканчивает пожеланием, чтобы в западню, расставленную для него, попали сами же злодеи (rescha'im). Если откинуть вступительное ki в ст. 8, прибавленное для установления хотя бы видимой связи с предшествующим, то перед нами окажется другая заклинательная молитва. Колдуны (po'ale awen и rescha'im), расставили западни и сети, т. е. произвели свои магические манипуляции во вред молящемуся; он заклинает, чтобы их колдовство обратилось против них самих. Это—чрезвычайно распространенный в магии прием: посредством заговора обратить все злые чары на голову чародея; мы с ним встречались при разборе пс. 7, где остановились на нем подробнее [1]).

Таким образом, рассмотренные нами три части псалма 141 имеют между собою родство в том отношении, что в каждой из них идет так или иначе речь о борьбе со злыми духами и колдунами и их наваждениями. Но каждая из них имеет свои специальные черты и свое специальное назначение. Начало—заклинательная молитва против вселения злых духов через рот; конец—такая же молитва против заговоров и других магических манипуляций; середина—заклинание, изгоняющее злых духов из больного, с сохранившимися следами магического ритуала. В целом пс. 141 представляет из себя отрывок из какого-то сборника церковных магических формул; редакционная работа с чисто литературной стороны выражена очень слабо—только посредством ki в ст. 8: но за то гораздо яснее следы переработки официально-церковного характера. В средней части в этом отношении характерно çaddiq в ст. 8; первая и последняя части относятся, быть может, целиком к церковному творчеству. Эпоха происхождения псалма, как в целом, так и его отдельных частей,—поздняя царская эпоха. На это указывают ст. 7, где перед нами сравнение из земледельческого быта, ст. 2, где фактические жертвы заменены словесными указаниями, заключение ст. 8—10, повторяющее мотивы, постоянно встречающиеся в псалмах; наконец, имеет известное значение и место псалма в конце книги псалмов. Возможно также, что самая кристаллизация в одно целое трех формул, стоявших рядом в каком-то сборнике, произошла уже в послепленную эпоху.

---

1) См. „Труды БГУ", кн. 4—5, стр. 52.

Псалом 59.

2. Спаси меня от врагов моих, боже мой,
от восстающих на меня отдели оградой меня [1])!

3. Спаси меня от делающих зло
и от людей крови помоги мне!

4. Ибо вот подстерегают они душу мою,
нападают на меня свирепые!

5. Нет преступления моего, ни греха моего, Иагве [2]),
без вины моей бегут они и поднимаются (на меня)—
восстань навстречу мне и воззри!

6. Ты, Иагве, бог воинств, бог Израиля,
пробудись, чтобы посетить всех дерзких [3]),
не пощади никого из коварно делающих зло!

7. Они возвращаются вечером, воют, как псы,
и окружают город.

8. Вот они изливают [4]) (духа) устами своими,
мечи на губах их,—
ибо кто слышит?

9. Но ты, Иагве, смейся над ними,
насмейся над всеми дерзкими [5])!

10. Сила моя, [6]) у тебя я охрану нашел,
ибо бог,—высокая стена моя!

11. Бог мой [7])!—милость его да придет ко мне,
бог да явит мне (спасение) пред врагами моими!

12. Боже[8]), убей их, чтобы не забыли они имени твоего[9]),
приведи в трепет их силою твоею и низвергни их!

13. Воздай им[10]), господи, за грех уст их, за слово губ их,
да будут пойманы они в дерзком высокомерии их,
за проклятья и ложь, что говорят они.
14. Уничтожь (их) в гневе, уничтожь, и не будет их,—

чтобы знали они, что бог властвует во Израиле до концов земли.

---

1) schaghabh в Niph. „быть высоким, крутым, недосягаемым", по отношению в стене или скале; отсюда в Pi'el получается значение—„делать недосягаемым, недоступным"—при помощи стены или ограды.

2) Ст. 4 б переставлен в начало 5 ст., как требует смысл.

3) В тексте gojim—язычников; но совершенно правильна кон'юнктура Мовинкеля geim. (Duhm 'izzim, как в ст. 4). Ср. Psalmenstudien, I, SS. 71—72, 80.

4) Ср. Притч., I. 23.

5) Ср. примеч 3 к ст. 6.

6) Согласно LXX (to kratos mu) и ст. 18 надо читать 'uzzi.

7) Согласно LXX (ho theos mu) надо читать elohaj.

8) Текст, несомненно, испорчен, так как al (не) нарушает параллелизм членов и общий смысл как этого стиха, так и всего псалма (ср. ст. 14, где враги должны быть уничтожены); было, вероятно, el (ср. обращения в пс. 10, 12; 16, 1; 17, 6).

9) Вторая половина стиха также испорчена и затрудняла переводчиков. Лучше всего исправление по некоторым рукописям LXX: onomatos su—schemeka; ср. в пользу этого исправления также магический текст из Гадрумета у Deissmann, Bibelstudien, S. 27.

10) Обычно и вполне правильно два последних слова из ст. 12 переставляются в начало ст. 13; при этом maginnenu надо исправить magnemo.

15. Возвращаются они вечером, воют, как псы, и окружают город.
16. Они шатаются, чтобы (найти что) сожрать,
и если не находят, то не уходят всю ночь[1]).

17. А я воспою силу твою,
и восхвалю утром милость твою,
ибо ты был скалой мне и прибежищем во время
нужды моей.

18. Сила моя, тебя воспою я,
ибо бог—высокая стена моя,
бог мой[2])—милость моя!

Псалом толкуется согласно почти всеми комментаторами в качестве жалобного псалма, но с исторической основой. Эту историческую основу искали в самых разнообразных эпохах, начиная от эпохи борьбы с Ассирией и кончая персидской и поздней маккавейской эпохой; в самое последнее время Гункель предложил совершенно новый исторический подход, высказав предположение, что псалом происходит, вероятно, из диаспоры и отражает тревогу автора-иудея в ожидании погрома[3]). Историческое толкование базируется, конечно, на ст. 7, 15, 6, как будто намекающих на осаду города язычниками (gojim— как в неисправленном тексте). Однако, против исторического истолкования напрашиваются очень серьезные возражения. Враги, которых так боится автор псалма, появляются только вечером; их цель—не осада и взятие города, не избиение правоверных, но поиски добычи, пищи (ст. 16). Эти и только эти черты конкретны; все прочие черты, которыми автор псалма характеризует врагов, носят совершенно общий, шаблонный характер. Но эти конкретные черты совсем не вяжутся с представлениями о войске, осаждающем город, или о погромщиках, собирающихся избить иудеев и разграбить их дома. Наконец, если бы действительно речь шла о внешних опасностях или о приготовлениях к погрому, то псалом не мог бы носить индивидуального характера. Тогда дело шло бы о настроении коллектива, и, как напр., в пс. 137, несомненно, историческом, фигулировало бы не „я", но „мы".

Совершенно очевидно, что толкование псалма должно итти по иному пути и исходить из точного смысла его выражений. Псалом— индивидуальный; автор его с ужасом ожидает козней каких-то ночных врагов, призывает на помощь Иагве; при этом речь идет не о какой-либо из ряда выходящей ночи, но о постоянном явлении: враги возвращаются каждый вечер. Ключ к правильному истолкованию псалма дается разрешением вопроса о сущности врагов автора псалма.

Не касаясь пока ст. 6, в котором мы вместе с Мовинкелем считаем необходимым сделать кон'ектуру, остановимся на некоторых чертах этих врагов. Они, конечно, ‘izzim, свирепые; но их время - ночь, а их оружие, судя по ст. 8, очень своеобразно. Они *изливают* что-то устами своими; параллель в Притч. 1, 23, где также встречается это чрезвычайно редкое выражение, содержит и об‘ект - ruach—духа; этот же об‘ект надо подразумевать и здесь. Мы имеем здесь дело с тем же представлением, которое лежит в основе переносного значения глагола nataph, означающего в форме. Hiph. „заставлять течь" „исто-

[1]) Как показывает „утром" в ст 17, нет никакой надобности исправлять wajjalinu— дело идет именно о всей ночи.
[2]) По LXX (ho theos mu).
[3]) Die Psalmen, S. 253.

чать", а отсюда „пророчествовать". Еще в 1888 г. Hoffmann об'яснял происхождение этого значения от слюны, которая текла изо рта языческих пророков, когда они пророчествовали в припадке эпилепсии [1]). В настоящее время это об'яснение можно не только подтвердить, но и шире обосновать, исходя из мировоззрения первобытного человека. Душу или духа он ищет в различных выделениях человеческого организма, не только в крови, которая считается вместилищем жизни и духа par excellence, но также и в слюне, поте, моче, даже в испражнениях[2]). При этом слюна фигурирует чаще всего, вероятно, потому, что ее выделение усиливается в моменты нервного возбуждения и при различных болезненных процессах и явлениях—а все подобные моменты первобытный человек склонен приписывать действию духов. Отсюда развивается представление об особенной силе слюны: она может быть чрезвычайно опасной, так как чрез нее колдун, вообще злой человек, или даже просто больной может наслать болезнь на другого[3]), но она может быть и благодетельна, так как через нее целитель может передать другому целительную силу своего духа[4]). Отсюда, когда у человека бьет слюна, он, с точки зрения первобытного человека, охвачен, даже переполнен духом, и дух выходит вместе со слюной. В псалме 59, конечно, имеется в виду не пророческое истекание слюной, но колдовское оплевывание. Это оплевывание дальше, в том же ст. 8, приравнивается к „мечам". Меч—орудие смерти; смысл выражения заключается в том, что из уст врага невидимо выходит разящий на смерть меч. Это выражение родственно, но не тождественно с выражениями пс. 57, 5; 64, 4 и 52. 4, где говорится о заострении языка подобно мечу: в пс. 59, 8 дело может только итти о губительной силе слова, заклятия. Параллелизм членов подразумевает здесь под мечем того же духа, который изливается вместе со слюной; параллельное выражение, вполне поясняющее образ пс. 59, 8, мы находим в известном месте Ис. 11, 4: Мессия будет убивать нечестивых „духом уст своих"[5])—т. е. Мессия, который будет вместилищем самых разнообразных духов, будет обладать и духом смерти. Таким образом, выражения 59, 8а и 8б синонимичны; но раз их значение таково, то не может быть никакого сомнения в том, что врагами, от которых стремится спасти себя автор в первой половине пс. 59, являются колдуны. К ним, конечно, вполне могут быть применены уже известные нам эпитеты, фигурирующие в ст. 3: poa'le awen и ansche damim (люди крови).

Но в той же первой половине псалма встречается и такое выражение, которое с первого взгляда как будто не совсем вяжется с нашим истолкованием. Враги собираются за городом, по вечерам, воют, как псы (ст. 7); они ищут пищи, добычи, и шатаются всю ночь, если их поиски безуспешны (ст. 15—16). Если это описание имеет в виду человеческих врагов, то оно может подразумевать только бандитов или бездомных люмпенпролетариев; к колдунам оно применимо быть

1) Ср. Versuche zu Amos. Z A T W, 1888, S. 119.

2) Ср. Bertholet-Lehmann, op. cit., I, S. 146.

3) Ср. предписание Лев. 15, 8; нечистота, конечно, проистекает от присутствия в слюне нечистого духа. По вавилонским представлениям крайне опасна слюна колдуна или колдуньи; ср. Jastrow. I, S. 371.

4) Ср. исцеления Иисуса при помощи слюны Марк, 7. 33 и целый ряд параллелей из раввинистической литературы, у Strack-Billerbeck, Kommentar zum Neuen Testament aus Talmud und Midrasch, B. II., SS. 15—17. О лечении слюной у первобытных народов ср. Bertholet-Lehmann, op. cit. I, S. 157. О целительной силе слюны вавилонского жреца заклинателя ср. Jastrow, I, S. 355.

5) Это представление перешло и в эсхатологию, причем „дух уст" превратился прямо в „меч уст". Ср. Откров. Иоанна, 19, 15.

не может. Комментаторы, не задумывавшиеся над конкретным смыслом образов псалма и понимавшие их в виде простых сравнений, ссылаются, как напр. Гункель[1]), на то, что и в древней Вавилонии и на современном Востоке масса бездомных собак бродит по улицам и площадям городов, питаясь отбросами и падалью. Это явление характерно и для Палестины[2]), так что при об'яснении псалма можно было бы не ссылаться на Константинополь; но основной грех указанной ссылки заключается в том, что она не об'ясняет самой главной характерной черты пс. 59,7 и 15–16. Ведь псалом подчеркивает, что враги собираются не в городе, а *за городом*, окружают его[3]); при этом они, в отличие от восточных собак, слоняющихся по городским улицам и площадям круглые сутки, появляются только вечером. Остается единственная черта сходства: „воют, как псы“ – ибо искать пищу может и всякое другое животное. Очевидно, что дело здесь обстоит не так просто, как его представляли себе прежние комментаторы. Простая ссылка на собачьи обычаи на Востоке ничего не об'ясняет, так как мысль автора псалма гораздо сложнее. Именно, надо раз'яснить два вопроса: какие враги могут специально характеризоваться такими чертами, как появление за городом вечером, в поисках добычи, причем этой добычей может стать и автор псалма, и почему они „воют, как псы?“

При разборе пс. 58, мы уже видели, что в заклинательной литературе колдуны и злые духи часто чередуются и даже смешиваются друг с другом. Возникает вопрос, не имеем ли мы дело и в пс. 59 с подобным же явлением, и не разумеются ли под ночными врагами злые духи. Ночь – обычное время их деятельности; в это время они выходят из мест своего обитания и стараются проникнуть в жилище человека. Отсюда—распространенный повсюду, не только на Востоке, но и в средневековой Европе, и у малокультурных народов современности, обычай снабжать городские ворота разного рода изображениями и текстами, преграждающими дорогу злым духам. Огромные изображения крылатых духов-хранителей в Ассиро-Вавилонии и икона с лампадой над воротами древне-русского города—с религиозно-исторической точки зрения явления одного и того же порядка. Особенно ярко стремление оградить города от нашествия злых духов сказывается в вавилонских верованиях и обычаях: достаточно вспомнить хотя бы известный текст из Maqlu (V, 132-135), обращенный к злым духам:

Тигр и Евфрат не смеете вы переходить,
К водоемам и каналам не смеете вы приближаться,
Стены и ограды не смеете вы переходить,
Чрез ворота и входы не смеете вы вступать!

Это и подобные ему заклинания подкреплялись, как сказано, постановкой изображений добрых и злых духов у ворот или на воротах. Из текста, опубликованного Мейсснером[4]), видно, что в Вавилонии в числе таких изображений фигурировали разноцветные гипсовые изображения собак, всего обычно десять; каждая собака имела свое особое название, показывающее ее свойства; из этих названий видно,

---

1) Die Psalmen, S. 253.

2) Cp Buhl, Geographie des alten Palastina, S. S. 60—61. Baedeker, Palästina und Syrien, S. LII.

3) Гункель, правда, в гармонии со своей ссылкой переводит jisobhebhu – durchstreifen; но этот перевод вряд ли соответствует обычному смыслу глагола sabhabh.

4) Apotropäishe Hunde. OLZ, 1922, № 5, Sp 201—202.

что одни собаки были изображениями злых духов, другие—добрых[1]). Другие тексты подтверждают это; чаще всего собаки упоминаются в свите Тиамат и Лабарту[2]). или колдуний[3]), но богиня-целительница Гула также имеет в своей свите собаку[4]). В быту преобладала боязнь собак, как вместилищ злых духов: вавилоняне особенно боялись, если моча собаки попадет на человека[5]), очевидно, под влиянием представления, что дух может выходить из человека и животного с разными выделениями, в частности нечистый дух—с нечистыми выделениями. Рядом с этими вавилонскими представлениями и обычаями яснее становятся некоторые израильские представления и обычаи. Собака представлялась презренным и нечистым животным: принесение собаки в жертву так же отвратительно для Иагве, как и принесение в жертву свиньи (Ис. 66, 3), сравнение человека с собакой — самое унизительное и самое оскорбительное (II Сам. 3, 8; 9, 8; 16, 7-9; II Цар. 8, 13 и др.). Несомненно, что такое отношение к собаке проистекало из верования о близости этого животного к злым духам, и именно в том смысле, что злые духи охотнее всего вселяются в собак. В пс. 22, который давно уже толковался, как молитва об исцелении от болезни[6]), враги, обступившие автора псалма и поразившие его смертельной болезнью, дважды (ст. 17 и 21) называются псами; особенно характерно обращение ст. 21а: „избавь от меча душу мою, от власти пса мою единственную[7])“. Но самое решительное доказательство в пользу нашего предположения мы находим в Мишне. В трактате *Chullin* 4, 2, предписывается: если у первородящего животного роды трудные, то надо отсекать части выходящего приплода и бросать собакам. Смысл обычая совершенно ясен: так как трудные роды об‘ясняются, как и всякая болезнь, действием злых духов, то им приносится искупительная жертва на будущее, чтобы предохранить впредь матку и обеспечить приплод — своего рода параллель к библейской жертве первенцев, имеющая с последней несомненную и органическую связь[8]).

Из этих сопоставлений нам ясно, что сравнение „воют, как псы“, взято не случайно. Ночью, когда раздается за городом вой бездомных собак и шакалов, суеверный израильтянин не знает, кто это, животное, или злые духи; если это злые духи, то они приходят в образе собак и воют их голосом. От них надо предохранить себя во время ночи. Каким образом? При помощи магической формулы ст. 10 и 18. Формула ст. 10 и 18 не может считаться рефреном: рефрены, вообще, в этом псалме являются результатом вторичной обработки, так как рефрен ст. 15 стоит явно не на месте, и естественным заключением псал-

---

[1]) Особенно пара серых собах: одна „приносящая добро“, другая — „приносящая зло“. Другие наименования не везде ясны.

[2]) Meissner, Magische Hunde в ZDMG, 1919, B. 73, S. S. 201-202.

[3]) Ср. Maqlu, V, 46 и сл.

[4]) Meissner, ZDMG, S. S. 177-178.

[5]) Jbid, S. S. 180-181: также в тексте. Ebeling'a. Babylonische Beschwörung gegen Belastigung durch Hunde. MVAG, 1916, B. 21 S. S. 17-21.

[6]) В новейшее время толкование пс. 22, как молитвы об исцелении от болезни, насланной злыми духами, обстоятельно поддерживает Мовинкель, I, S. 73-75.

[7]) Быки и тельцы Башана в ст. 13, вероятно, имеют также демоническое значение, поскольку телец был вообще символом божества (ср. выше, в разборе пс. 141 о первоначальной грозной природе Иагве). В вавилонских магических ритуалах фигурки быков фигурируют в качестве апотропеев наряду с фигурками других животных (ср. Meissner, ZDMG, S. S. 181-182).

[8]) В синкретической магической литературе собака играет важную роль по связи с Гекатой: по образцу Эрешкигаль, Геката, изображается с собачьей головой, лает, как собака, и сопровождающая ее свита духов также воет и лает по-собачьи. ср. Hopfner, op. cit., I. S. S. 112-113.

ма является ст. 17. Вместе с тем формула ст. 10 и 18 очень близка к магической формуле пс. 91. Как мы видели, формула пс. 91 в первоначальном виде основывалась исключительно на веру в силу имени божества[1]); то же самое мы видим и в пс. 59, 12, где под орудием уничтожения врагов подразумевается имя божества. По характеру выражений формулы пс. 59 и 91 тесно схожи: таинственная сила придается двойным эпитетам machsi umeçudhathi в пс. 91 и 'uzzi umischgabbi в пс. 59. В формуле пс. 59 особенно характерно выражение mischgab. Этот корень появляется уже в самом начале псалма, где автор просит отделить его оградой от врагов; произнося формулу 'uzzi umischgabbi, автор воздвигает между собою эту ограду, как бы в виде высокой крепостной стены[2]). Характерны также некоторые другие выражения в стихах, в которых описывается действие Иагве против врагов автора псалма. Прежде всего здесь нужно отметить выражение geim. В тексте стоит gojim, но это выражение так не вяжется со смыслом псалма, что еще далекий от всяких магических толкований Duhm предлагал здесь замену 'izzim; Мовинкель предлагает geim и путем совершенно правильного сопоставления с Иов., 40, 11 сл., доказывает, что под geim разумеются демоны[3]); gojim принадлежит руке редактора, пытавшегося придать этому псалму националистический характер. Далее, демоны должны быть возвращены туда, откуда они вышли—должны быть низвергнуты (ст. 12 horidhemo) в Шеол. Глагол jaradh—технический термин для обозначения нисхождения, специально для нисхождения в Шеол.

Остается вопрос о литературной композиции и истории псалма. После того, как мы выяснили его характер, ясно, что пс. 59 является в основе заклинанием или, вернее, заклинательной молитвой против навождения ночных демонов. Это заклинание читается на ночь, перед сном; утром ему соответствует утренняя благодарственная молитва (ст. 17), подобная, напр. пс. 3, 6-7:

Я лег и спал,
Я пробудился, ибо Иагве помог мне.
Я не боюсь мириадов воинств,
Которые кругом выстраиваются против меня.

Композиция псалма 59 такова: он начинается молитвенным обращением к Иагве, в котором описываются враги-колдуны и бесы (ст. 1-9); затем следует заклинательная формула ст. 10, долженствующая обеспечить действие молитвы и вмешательство божества; она развивается в заклинательных обращениях ст. 11-14, принадлежащих автору псалма; псалом заканчивался ст. 17, где дается обычное обещание благодарить божество за помощь. Ст. 15, 16 и 18 принадлежат другой руке, пытавшейся обработать псалом по образцу строфических псалмов посредством введения рефрена; однако, эта попытка оказалась неудачной, так как ст. 15-16 стоят совершенно не на месте, а ст. 18, искажая формулу ст. 10, является ненужным повторением ст. 17. Псалом нужно рассматривать, как продукт официальной магической литературы; подобно пс. 3 и 4, и этот псалом является не народным, а церковным произведением, и лишь формула ст. 10, столь родственная формуле пс. 91, вероятно, заимствована из народных заклинаний.

---

[1]) Ср. „Труды Б. Г. У.", кн. 4-5, стр. 30.
[2]) Ср. словоупотребление Ис. 25, 12, Иерем. 48, 1 также пс. 18, 3 (II Сам. 22, 3).
[3]) Psalmenstudien I, S. S. 71-72.

И. Д. Сосис.

К истории анти-еврейского движения в царской России[1]).

VI.

В погромном движении 1881-1882 г. г. балтский погром занимает особое место. Необходимо поэтому остановиться на нем несколько подробнее.

В указанное время Балта, Подольской губ., представляла собой небольшой город, в стороне от железной дороги, без всякой фабричной промышленности, с еврейским населением, занимавшимся различными отраслями торговли и ремесла. Русское население (большей частью, старообрядцы из внутренних губ.), незначительное в сравнении с общим числом жителей-евреев, сосредоточивалось на одной из окраин города. Острая торговая конкуренция существовала в самой же еврейской среде, пересыщенной торговыми элементами, и только в редких случаях—между евреями и русскими. Тем не менее, балтские богачи-евреи, занимавшие центральную часть города (евреи-ремесленники и бедняки жили, большей частью, на окраинах, очень грязных и неблагоустроенных) были известны всем и возбуждали зависть и недоброжелательство, особенно со стороны чиновней знати, всегда относившейся с большим презрением и враждой к опекаемому ею еврейскому населению.

Балтские события 29-31-го марта 1882 г. рисуются следующим образом. Около середины марта балтский полицийместер призвал к себе именитых евреев города и передал им о полученных им анонимных письмах, в которых предупреждалось о предстоящих анти-еврейских беспорядках. „Старайтесь оберегаться“, рекомендовал полицийместер евреям. 21-го марта он снова пригласил тех же лиц и повторил им, что положение опасно, но обещал принять меры. В первый день беспорядков, начавшихся при полном бездействии полиции, дело ограничилось небольшими размерами, ибо громилы опасались распространить свои действия на главные районы города, сплошь населенные евреями. Но на другой день балтским уездным исправником вытребованы были в Балту крестьяне окрестных деревень (по об‘яснению исправника, для усмирения беспорядков), которые немедленно присоединились к бушующей толпе, бывшей в первый день незначительной, и погром принял огромные размеры. В то время, как одни разрушали, другие забирали и увозили еврейское имущество, темные суб‘екты (часто с уголовным прошлым, как потом выяснилось на суде) совершали жестокие насилия над евреями и изнасилования еврейских женщин и девушек. Только с приездом губернатора, на третий день погрома, он был прекращен принятыми мерами.

[1]) См. „Труды Белор. Государ. Университета“, № 6-7, 1925 г.

Были, как и в других местах, сочувствующие зрители разгрома, но были и христиане, укрывавшие евреев. „Действительно защищали евреев,—пишет очевидец,—врачи, духовенство, особенно протоиерей и несколько человек интеллигентных. Остальная аристократия смотрела со злорадством на эту картину и молчала. Толпа ругала духовенство и кричала, что оно подкуплено евреями". Выступления духовенства с речами осуждения по адресу громил имели иногда место и в период весенних беспорядков 1881 г., но они редко имели успех. В Балте существовал еще другой способ ограждения от разгрома: помощник пристава получал за охранение домов и имущества по 25, 30, 40 и 75 р., за что давал по одному городовому и несколько солдат на охрану. Вообще, взятка, бывшая неизменным бытовым явлением в сношениях евреев с администрацией, сыграла свою роль и при предупреждении беспорядков, и при их усмирении. Были в Балте и случаи самозащиты, но они обычно кончались вмешательством полиции и арестом оборонявшихся [1]).

Представители балтской еврейской общины, приехавшие сейчас после погрома в Петербург жаловаться, определенно называли (в своих официальных обращениях) лиц, содействовавших погрому: предводителя дворянства, воинского начальника, городского голову, полицеймейстера, уездного исправника и др. Балтские ходатаи в Петербурге прекрасно знали, какую серьезную ответственность берут они на себя, выставляя такие тяжелые обвинения против начальственных лиц. Последние всячески предупреждали их на этот счет. Тем не менее, представители балтской еврейской общины не сочли возможным молчать [2]).

Спустя несколько месяцев (в начале августа 1882 г.) в Балту прибыл генерал-губернатор юго-западного края Дрентель и произнес перед представившейся ему еврейской депутацией следующую речь, в свое время обратившую на себя всеобщее внимание: „Вы, г. г. евреи, понесли великое горе,—сказал генерал,—вас обесчестили и разорили. Правда, это для вас крайне обидно, но вы сами своими поступками вооружаете население против себя. Кто это еврейская депутация, ездившая в Петербург?.. Вы клеветники! Вы оклеветали начальников и представителей города в подстрекательстве бушевавшей толпе против евреев и в других противозаконных проступках! Это совершенная ложь! Вы можете жаловаться, что вас не любят; но как же вас любить, когда вы, кроме денег, никого больше не любите". Дальше генерал-губернатор говорил, что евреи сами знают, что нигде им так хорошо не живется, как в России,—что они мстят христианам, выставляя ложных свидетелей для изобличения утайки награбленных вещей,—что евреи ложно толкуют новый циркуляр о недопущении погромов, полагая, что он касается специально евреев, а не беспорядков вообще, и т. д. „А вы, г. раввин, продолжал генерал, вы приезжали ко мне, по уполномочию еврейского общества, с ходатайством о помиловании лиц, осужденных военным судом к смертной казни за беспорядки. Лица эти помилованы, но не думайте, что это сделано по просьбе евреев,— я уверен в лицемерии вашем. Итак, г. г., повторяю: забудьте все прошлое, соединяйтесь друг с другом, будьте истинными русскими гражданами, и тогда дело пойдет рука об руку. О сказанном мною прошу передать всем, не присутствовавшим здесь" [3]).

[1]) Архив Евр. Истор. О-ва, Кол. „Погромных дел" №№ 10, 12, 15.
[2]) Там же, а также „Нед. Хр. Восхода" 1881 г. №№ 15-18.
[3]) „Нед. Хр. Восхода" 1881 г. № 34.

Сенсация, произведенная этой речью, еще больше усилилась в силу того обстоятельства, что она произнесена была уже после отставки гр. Игнатьева, когда, как мы увидим ниже, по отношению к погромам принят был новый курс.

Нам необходимо еще вернуться к балтскому погрому, чтобы несколько осветить наиболее важный момент его—вызов крестьян (в числе трехсот человек) окрестных деревень в Балту на второй день беспорядков. Исправник отдавший это распоряжение, об'явил его, как уже упомянуто было, стремлением подавить беспорядки пополнением полицейских сил, бывших, по его мнению, недостаточными. Факт, однако, тот, что все прибывшие крестьяне поняли это распоряжение в смысле выступления против евреев. Установлено было на суде, что со стороны призванных в Балту крестьян не было ни одного случая защиты евреев. Наоборот, крестьяне открыто говорили, что они прибыли „для усмирения евреев". Уже на третий день погрома в Балту пришло все село Казацкое, расположенное вблизи города, чтобы забирать еврейское имущество. Шли,—по словам очевидца (балтского мирового судьи), — сгорбленные старухи, беременные женщины, девки, дети, старики и парни,—все спешили с пустыми мешками в город. Но прибывшими войсками они уже не были допущены в Балту и должны были вернуться домой. Они, говорит тот же очевидец, не выражали ни озлобления против евреев, ни стыда за стремление воспользоваться чужим имуществом, но они признавали себя как бы обиженными: вчера сами звали, а сегодня не пускают" [1]).

На суде по делам о погроме в Балте и ее окрестных селах (вернувшись из Балты, крестьяне разгромили и своих односельчан-евреев и еврейскую колонию Абазовку) вопрос о призыве крестьян также разбирался неоднократно. Между прочим, по делу о погроме в с. Корытном (вблизи Балты) дал ценное показание один из свидетелей, старик—крестьянин из того же села. Отвечая на вопрос, каким образом подсудимые попали раньше в Балту (оттуда они на обратном пути произвели погром в с. Корытном), свидетель сказал:—„Их туда погнали на оборону".—Вопрос: „Кто же это распорядился?"—Ответ: „Староста и десятский. Велели, чтобы шли оборонять церковь".—Вопрос: „Почему же оборонять церковь. Что же случилось? "Ответ: „Так прямо и сказали: „Идите оборонять церковь",—они и пошли".—Вопрос: И много их пошло"—Ответ: „Кажется, по 35 человек из каждого села. Целую ночь бегали".—Вопрос: „Вы сами это слышали?"—Ответ: „Как же, и моих хлопцев приходили гнать, да их не было дома, так и не погнали" [2]). —

Одновременно с балтским погромом кое-где вспыхнули мелкие погромные попытки, но они были быстро ликвидированы мерами администрации. Заслуживает внимания лишь судебное дело о 28 крестьянах, обвинявшихся в разграблении еврейского имущества в с. Карповичах, Новозыбковского уезда, 31-го марта 1882 г. Разгрому подвергалось, прежде всего, питейное заведение местного землевладельца—еврея Каганова, причем забрано 30 ведер водки. Потом разгром распространился и на соседних евреев того же села. По словам одного из свидетелей, во время нападения на кабак некоторые крестьяне кричали по адресу еврея-землевладельца: „Логоды (прежний хозяин имений, не еврей) нас душил, и вы душите! А мы свои права знаем, знаем министерские и царские указы, знаем, как и в людях делалось"

[1]) Там же № 16.
[2]) Журнал „Восход" 1882 г. кн. 11-12, судебн. хроника, стр. 21.

и т. д. Однако, когда толпа напала на усадьбу еврея, прибывшей полицией приняты были меры и отдано было распоряжение об аресте шести крестьян. Тогда рассеявшаяся было толпа снова собралась с женщинами и детьми и стала просить помощника исправника не арестовать намеченных крестьян, так как „общество все виновато". Крестьянам предложено было начальством письменно изложить причины погрома. В тот же день представлено было прошение с целым рядом требований по адресу помещика—еврея. Наиболее важные из них следующие: свободная (без вознаграждения) ловля рыбы в реке помещика, собирание ягод в его лесу, пастьба скота на его земле, небольшая плата за пользование различными угодиями и т. п. В конце прошения прибавлено, что относительно беспорядков и лиц, принимавших в них участие, им, крестьянам, „ничего не известно" и что „впредь никаких беспорядков не будет".

Прокурор суда, разбирая эти требования крестьян, указал, что они „очень опасны", и что „если мало-мальски потворствовать таким взглядам на право собственности, то последствия от этого могут быть весьма серьезные"[1]).

VII.

После балтского погрома наступает резкий перелом в анти-еврейском движении. Крайнее возмущение общественного мнения за-границей, особенно в Англии, понижение русских ценностей, затруднения в деле заключения внешнего займа, и, наконец, ходатайства целого ряда крупных промышленных фирм в Москве и некоторых биржевых комитетов с указанием на тяжелые последствия погромов для русской промышленности, тесно связанной с разгромленным районом,—все это повлияло и на петербургские правящие сферы [2]).

Гр. Игнатьев, вступивший на пост министра внутренних дел в самом разгаре весенних беспорядков 1881 г. и державшийся по отношению к ним определенной „дипломатии" (как выражались после его ухода в русской печати),—получает отставку. И лишь после этого новым министром внутренних дел, гр. Толстым разослан был циркуляр (9 июня 1882 г.) губернаторам о принятии энергичных мер против анти-еврейских беспорядков. Циркуляр этот, прежде всего, извещает губернскую администрацию о постановлении комитета министров от 3-го мая 1882 года, которое было опубликовано в виде следующего сенатского указа от 10 мая 1882 года (т. е. после года с лишком, как начались погромы): „По поводу возникших беспорядков, сопровождавшихся насилием против еврейского населения, Высочайше повелено: известить во всеобщее сведение, что Правительство твердо решилось неуклонно преследовать всякие насилия над личностью и имуществом евреев, как находящихся под охраной общих для всего населения законов наравне с другими подданными его Величества". В виде развития этого постановления, упомянутый циркуляр возлагает на ответственность губернаторов „своевременное принятие предупредительных мер для отвращения поводов к подобным беспорядкам и для устранения беспорядков в самом начале, если бы они возникли", и предупреждает, что „за всякое в сем отношении небрежение администрации или полицейских властей... виновные будут подлежать устранению от

[1]) Там же кн. 9—1, стр. 64—73.

[2]) Херсонский вице-губернатор констатирует, как следствия погромов: приостановку всяких коммерческих дел, полное отсутствие кредита и т. д. То же самое подтверждается и другими свидетелями погромов из враждебного евреям лагеря. См. „Материалы по истории антиевр. погромов в России", т. II стр. 326, 486—487.

должностей". Кроме того, циркуляр грозит и немедленным привлечением виновных к законной ответственности и указывает, между прочим, что „самое проявление беспорядков не может не быть отнесено, до известной степени, к вине местных властей, на прямой обязанности которых лежит охранение общественной безопасности и спокойствия" [1]).

Одновременно с этим произошли некоторые перемены в составе местной администрации (уволены были подольский губернатор, балтский полицийместер и др.). Посланы были также ревизоры в разгромленные места [2]).

Министр юстиции, с своей стороны, послал судебным учреждениям пространную инструкцию о применении различных статей уст. о наказ. к различным категориям подсудимых по погромным делам [3]). В 1881 г. судебная практика в городах отличалась в этом отношении мягкими приговорами; в деревнях же часто применялась розга: это практиковалось и в Киевской, и в Екатеринославской губерниях. Отмечая, что в большинстве случаев крестьяне, после внушения администрации, выражали полное раскаяние, гр. Кутайсов указывает (в неоднократно цитированном нами донесении его о беспорядках в Екатеринославской губ.), что в некоторых селениях крестьяне оставались в уверенности на счет „законности совершенного ими". „В подобных селениях, говорит он, губернатор распорядился поставить войска на несколько дней на экзекуцию"... Впрочем, гр. Кутайсов уверяет, что дальнейшего применения эта расправа не получила [4]). После балтского погрома судебные приговоры стали весьма суровыми.

Резко изменившееся отношение суда к анти-еврейскому движению становится особенно ясным, если сравнить процесс о киевском погроме в военно-окружном суде (в мае 1881 г.) с делом о балтском погроме, которое разбиралось в экстренную сессию окружного суда (летом 1882 г.) В Киевском процессе прокурор Стрельников употребил всю свою энергию, чтобы доказать—и при допросе свидетелей, и в своей обвинительной речи,—что единственная причина анти-еврейского движения это эксплоатация евреями русского населения. Когда во время допроса свидетелей один из них (еврей) вскользь указал на существование „черты оседлости", обусловливающей бедственное положение еврейского населения, прокурор бросил знаменитую фразу: „Если для евреев закрыта восточная граница, то ведь для них открыта западная граница; почему же они ею не пользуются?" (Эти же самые слова гр. Игнатьев неоднократно повторял представлявшимся ему еврейским депутациям [5]). Прокурор Стрельников только конец своей речи посвятил пред'явлению обвинения по адресу подсудимых—громил.

Совершенно иную картину представлял собой балтский процесс.

Тут прокурор счел нужным указать присяжным заседателям на важное значение приведенного выше сенатского указа о недопустимости анти-еврейских беспорядков: „Оно свидетельствует о тех мерах, которые принимает правительство против этого зла... Кто после этого станет сомневаться в тех неот'емлемых правах евреев, как право на жизнь, на имущество, сберегаемое ими в течение многих лет, и кто им в этом смеет отказать? Я не думаю, чтобы нашелся кто нибудь, кто мог бы серьезно полагать, что подобные случаи могут оставаться безнаказанными, что подобные случаи не имеют важного значения для

---

[1]) „Хр. Восхода" 1882 г. № № 20 и 24.
[2]) Там же № 26, стр. 706,
[3]) „Рус. Еврей" № 33, стр. 1270.
[4]) Архив Евр. Истор. О-ва, назв. кол. № 39.
[5]) „Рассвет", 1881, № 21, стр. 812, № 4, стр. 125.

государства и что на них можно смотреть сквозь пальцы. Мне кажется, что евреи имеют полное основание ждать и от суда признания тех прав, которые признаются за всеми гражданами. Они люди, и раз они называются ими, они должны пользоваться общечеловеческими правами, присущими всем другим гражданам. Я глубоко уверен, что вы, милостивые государи, представители народа, своим приговором докажете, что евреи такие же люди, как мы все остальные, и тем еще раз рассеете нелепую басню, укоренившуюся в толпе простого народа" [1]).

Укоренившаяся в массе уверенность в допустимости и законности анти-еврейских погромов основывалась на вековом бесправии еврейского населения. „Расправа с евреями,—говорит гр. Кутайсов, касаясь елисаветградского погрома,—не имела даже, в глазах народа, преступного характера: у него давно выработалось убеждение в том, что еврей не может пользоваться теми правами личности, какими пользуются все граждане [2]).

Решительно выступив, после балтского погрома, против политики попустительства в отношении анти-еврейских беспорядков, правительство, однако, в то же время начало проводить новую систему дальнейших ограничений евреев: вместе с об'явлением приведенного выше постановления комитета министров о недопустимости погромов против евреев опубликованы были „временные правила" 1882 г. А параллельно с проведением в жизнь этого законодательного акта все больше усиливалась административная практика в деле выселения евреев из запретных местностей, где они жили по праву давности.

VIII.

Картина анти-еврейского движения в 1881-1882 г.г. была бы неполной, если не остановиться на деятельности губернских комиссий по еврейскому вопросу, учрежденных в черте евр. оседлости гр. Игнатьевым в разгаре погромов и с определенной целью—выяснить, какие стороны экономической деятельности евреев имеют вредное влияние на быт коренного населения [3]). Заседания комиссий, куда входили представители различных сословий, главным образом, по назначению администрации (только городские думы выбирали своих делегатов), происходили под председательством губернаторов и под их непосредственным руководством. Результаты работ комиссий, представленные в министерство внутренних дел, содержат в себе ряд пожеланий о необходимости дальнейших ограничений прав евреев в различных областях жизни. В торговой области комиссии предлагали запрещение евреям питейной торговли, ограничение их права покупать предметы первой необходимости у крестьян для перепродажи, дабы продукты продавались непосредственно потребителям по более дешевым ценам.

Весьма характерным для анти-еврейского движения того времени являются следующие требования мещан—христиан г. Переяслава, выраженные ими в официальной записке: 1) Евреи—гласные земства и городской думы, члены разных других общественных учреждений и комиссий, должны немедленно оставить эти должности. 2) Евреи обязаны быть умерены в проявлении своего роскошного образа жизни. 3) Они должны удалить от себя русскую прислугу. 4) Немедленное

[1]) „Хр. Восхода" 1882 г. № 32.
[2]) „Проект общей записки" Паленской комиссии, стр. 62.
[3]) См. Труды губ. комиссий по евр. вопросу, официальное изд. СПБ 1884 г.

выселение всех иногородних евреев, не имеющих постоянной оседлости в Переяславе. 5) Немедленное закрытие всех кабаков, кроме одного. 6) Евреи обязаны внушить своим собратиям, что „обзывать мещан г. Переяслава пьяницами, сволочью, халамидниками и, вообще, издеваться над ними своими наглыми выходками они не имеют права, и что мещане им этого более не позволяют". 7) Не закупать на базаре продуктов первой необходимости для перепродажи. 8) Не примешивать в водку табаку и пр. 9) Уважать нашу религию на столько, чтобы не торговать по воскресным дням до 12 ч., а на Рождество и светлое воскресенье по 3 дня, а также не производить никаких работ в наши праздники. 10) Воспретить евреям на расстоянии 30 верст вокруг Переяслава производить покупку хлеба. 11) Воспретить евреям покупать хлеб на корне и арендовать землю. 12) Не отдавать евреям на откуп ярмарочную и базарную площадь, а предоставлять ее русским [1]).

В других комиссиях также указывалось что „евреи являются опасными конкурентами во всех родах торговой и промышленной деятельности" (жалобы херсонской и екатеринославской комиссий), что евреи, „захватив торговлю и промышленность в городах и местечках, стеснили этим свободу торговли христианского, как городского, так и сельского населения" (волынская, подольская и бессарабская комиссии) и т. п. Большие или меньшие ограничения проектируются и в отношении права жительства и торговли в деревнях, покупки и аренды земли (предлагается, между прочим, земельные участки еврейских колонистов отдать безземельным крестьянам) и права на образование в средних и высших учебных заведениях. В сфере местного самоуправления большинство комиссий предлагает дальнейшие ограничения прав евреев при выборах городских гласных (по старому городовому положению евреи еще пользовались избирательным правом, выбирая со своей стороны $^1/_3$ общего числа гласных) и при определении кворума думских заседаний. Последнее ограничение мотивируется следующим образом: „Если большая часть гласных городских дум относится равнодушно к городскому хозяйству и бывают нередко случаи несостоявшихся собраний за неприбытием узаконенного числа гласных, то подобного упрека нельзя отнести к гласным—евреям; но и здесь, как и везде, они строго охраняют лишь интересы своего племени" (мотивировка екатеринославской комиссии; так же аргументировали могилевская, волынская, полтавская, херсонская, подольская комиссии).

Некоторые комиссии предлагают уравнять деревенских евреев с крестьянами „как в подчинении сельскому и волостному начальству и суду, так и в участии в мирских повинностях" (екатеринославская комиссия). Виленская комиссия выражается на этот счет еще более определенно: „Евреи-мещане, избавленные теперь от телесного наказания, по приписке к волостям *могут быть присуждены к таковым* волостным судом" (курсив подлинника [2]).

Вместе с заключениями губернских комиссий представлены были в министерство внутренних дел и отдельные записки высших администраторов, которые обнаружили тут особенную последовательность. Например, одесский генерал-губернатор в посланной им записке предла-

[1]) „Материалы для истории анти—еврейских погромов в России", т. II, изд. 1923 г., стр. 326—327. См. также стр. 131, 333, 336 348, 359 361, 428—429, 500.

[2]) „Проект общей записки" стр. 192-249. — Необходимо заметить, что сельские евреи старались оставаться в своем мещанском обществе, предпочитая городскую администрацию сельской и общий суд—волостному.

гает: „выселить евреев на отдаленные окраины, обязать их заниматься исключительно земледелием и сельскими промыслами, а также воспретить им вести торговлю чем бы то ни было, кроме произведений собственного труда[1]).

В вопросе о праве жительства евреев большинство губернских комиссий высказалось за отмену черты еврейской оседлости с сохранением ограничений относительно деревень. Главными мотивами отмены „черты" выставлялись соображения о крайней скученности и конкуренции еврейского населения в „черте" (район деятельности губернских комиссий). Кроме общих вопросов, комиссии проектировали и изменения во внутренне-общинной жизни евреев (отмена коробочного сбора, упразднение „хедеров", ограничение разговорно-еврейского языка и пр.).

Труды губернских комиссий и послужили базисом для создания упомянутых выше временных правил 1882 г. об ограничениях в праве жительства вне городов и местечек черты оседлости, в аренде земли, торговле и проч. Мнение же комиссий о необходимости разредить „черту" допущением евреев в города внутренних губерний оставлено было без последствий.

Необходимо, однако, отметить, что когда еврейский вопрос обсуждался—в рассматриваемый нами период—на местах, не только на заседаниях губернских комиссий, но в городских думах и на земских собраниях, раздавались временами и мнения, шедшие в разрез с приведенными выше взглядами. Так, когда в елисаветградской городской думе обсуждался после погрома еврейский вопрос и один из гласных выступил с резкой антисемитской речью, нашелся другой гласный, который, возражая на эту речь, сказал между прочим: „В русском обществе часто приходится слышать мнения, указывающие на необходимость отнятия у евреев права на производство питейной торговли. Еврейская же интеллигенция не только не отстаивает равноправия в этом отношении, но выражает готовность оказать полную поддержку предложению, устраняющему евреев от одного из самых уязвимых видов деятельности... Но чего общество достигло бы этой мерой, если-бы питейно-трактирная реформа ограничилась одним исключением евреев. Сняло бы грязь с евреев и перенесло бы всецело на христиан. Но едва-ли оно подняло бы такой привилегией нравственный уровень русского народа. Известно ведь, что и теперь чуть-ли не половину кабаков всякого наименования содержат русские люди, нисколько не уступающие евреям в эксплоатации человеческих слабостей"... Исходя из этих соображений, гласный этот предложил ходатайствовать о полном уничтожении распивочной торговли и об ограничении числа кабаков и трактиров. Предложение это, наряду с антиеврейскими проектами, передано были елисаветградской городской думой в комиссию по еврейскому вопросу[2]).

На херсонском губернском земском собрании, на котором подведены были (в 1881 г.) итоги погромов в Херсонской губ., также выступали, наряду с юдофобами и их принциальные противники. Один из них, доказывая, что эксплоатация - черта торговцев, вообще, а не одних лишь евреев, что необходимо вооружить крестьянина знанием для борьбы со всякой эксплоатацией,—спрашивал: „О чем же мы жалеем? Чего мы хотим? Неужели мы жалеем о том, что не русский русского эксплоатирует?"... Он—против репрессий по отношению к евреям, ибо репрессивные меры—палка о двух концах, которая „мо-

[1]) Там же стр. 212.
[2]) „Рассвет". 1881 г., № 29, стр. 1141.

жет ударить и нас". „Наконец, наше крестьянское население, видя репрессивные меры против евреев, примет это за знак одобрения весенних беспорядков". Другой гласный также указал на необходимость уничтожения общих условий кабацкой эксплоатации, на недопустимость репрессий против евреев, являющихся гражданами России и т. д. [1])."

В том же 1881 г. некоторые уездные земские собрания Черниговской губ. также обсуждали еврейский вопрос. Губернское земское собрание передало заключения уездных собраний в избранную комиссию, которая составила особый доклад, в котором предлагается принять меры против анти-еврейских беспорядков. При этом констатируется, что еврейская эксплоатация является частным проявлением эксплоатации вообще, что не замечается особой вражды между евреями и русскими. „Движение против евреев—говорится дальше в этом докладе,—вызвано общими страданиями народа и если оно обрушилось на их голову, то только потому, что оно было направлено давними историческими отзвуками, а где—и кастовой обособленностью". Дальше подчеркивается необходимость принятия „широких и систематически—сочетанных мер, направленных к поднятию экономического и умственного состояния нуждающихся классов" и к устранению „недовольства народа". Такими мерами должны быть, по заключению доклада: облегчение выкупных платежей, податного бремени, организация переселения, открытие новых школ и т. п. [2]).

Однако, подобные голоса оставались одинокими и не имели влияния на решения губернских комиссий, которые тщательно обходили общие нужды при обсуждении еврейского вопроса. Только в деле борьбы с ростовщичеством, вместе с проектами, направленными против евреев (между прочим, волынская комиссия проектировала запретить евреям ссужать деньгами—*крестьян и несовершеннолетних*),—ряд комиссий высказался в пользу учреждения ссудо-сберегательных товариществ и организации мелкого кредита [3]).

После балтского погрома и перемены политики правительства по отношению к анти-еврейским беспорядкам, начинается кое-где и на местах проявление более активного отношения к вопросу о борьбе с погромами. В Елисаветградской городской думе поставлен был вопрос о предупреждении анти-еврейских беспорядков. В Таврической губ. крестьяне одного села составили круговую поруку о неприкосновенности еврейского имущества. В Александрии (Херсонской губ.) городская дума пожертвовала некоторую сумму в пользу пострадавших евреев и постановила ходатайствовать о возложении на всех гласных обязанность соблюдать за порядком,—об ответственности зрителей разгрома, о закрытии кабаков по воскресным и праздничным дням и т. п. Подобные же решения приняты были в некоторых других местах [4]). Но вместе с этим, под влиянием усилившихся административных выселений евреев, в целом ряде деревень началось составление приговоров о выселении евреев, издавно там живших.

IX.

Связь анти-еврейских погромов с общими условиями народного недовольства до сих пор очень мало исследована. Необходимо поэтому подробнее остановиться на тех материалах, которые проливают свет на этот вопрос.

---

[1]) Там же № 48, стр. 1898.
[2]) „Рассвет" 1882 г. № 2, стр. 52—54.
[3]) „Проект общей записки, стр. 222, 241—243.
[4]) „Хр. Восхода" № 24, стр. 65, № 25, 678, № 29, 799—798 и сл.

В секретной записке Киевского губернатора приводятся донесения местных властей о жалобах крестьян на недостаток земли. „Притом же, говорится там, из донесений некоторых исправников видно—Киевского, что во время грабежа евреев между христианами слышен был разговор о том, что жиды только начало и что затем будут делить землю, так как земли мало; Чигиринского—что в с. Верещаки приезжал неизвестный человек, который, торгуя у крестьян водкой в корчме, говорил им о сделанном будто-бы распоряжении резать жидов и панов и отбирать землю; Таращанского—что между крестьянами распространяются самые неуловимые слухи о том, что после избиения евреев последует избиение помещиков и богатых людей, и Звенигородского—что между крестьянами ходят толки о скором наделе помещичьими землями“ [1]) и т. д.

В донесении Екатеринославского губернатора мы, между прочим, читаем: „Слухи о происходивших в Александровском уезде беспорядках разнеслись по всей Екатеринославской губ. и начали еще более поддерживать опасное брожение в умах простого народа, доходившие до того, что в народе стали все более и более утверждаться толки о том, что на уничтоженяе еврейского имущества последовало приказание начальства и что за евреями начнут бить панов с целью завладеть их землей“ [2]).

Однако, представители царского правительства (например, гр. Кутайсов) могли утешаться констатированием того факта, что на деле крестьяне не трогали помещиков и их имущества, что революционная пропаганда в этом направлении была настолько слаба, что никакого успеха не имела [3]).

В других донесениях местных властей указывается на общие причины недовольства в городе, что было использовано для погромной агитации.

Например, Ростовский полицийместер доносит, между прочим, „Положение рабочего люда в настоящее время крайне тяжело, вследствие продолжительного отсутствия заработка и дороговизны предметов насущной необходимости. При этих условиях толпа, естественно, является готовой почвой для всевозможных уличных беспорядков, с целью разгрома и грабежа, и легко может быть подстрекнута агитаторами, мотивирующими движение под влиянием несчастного события 1-го марта, к совершению преступлений“ [4]). Для борьбы с этой опасностью Ростовский полицийместер обращался к городскому голове с предложением об организации общественных работ для безработных [5]).

Любопытна в этом отношении еще следующая прокламация, распространенная в Харькове, непосредственно после погромов на Украине [6]).

„Ко всем добрым людям“ [7]).

Тяжело стало жить на Руси, осерчал народ, взбунтовался и стал бить жидов. Разорили в Киеве, в Одессе, в Киевской, Екатеринославской губ. Принялись за жидов потому, что в тех местах уж больно разоряют жиды православных: жид и перекупщик и процентщик и кабатчик, хоть, правду сказать, другой православный еще злее жида.

[1]) „Материалы“, т. II, стр. 290.
[2]) Там же, стр. 445.
[3]) Стр. 445—448.
[4]) Стр. 452.
[5]) Стр. 463.
[6]) Стр. 297—298
[7]) Приводим прокламацию целиком, изменяя только старую орфографию.

Только не в том беда. Если-б не бедовал мужик, начальство не выколачивало податей, не заставляли бы не во время продавать хлеб, ничего не поделал бы жид - перекупщик. Кто идет к жиду процентщику занимать деньги? Гонит нужда—неволя, а идет бедняга, которому некуда деться. А в кабаки разве с радости—довольства идет мужик? Да и кто разводит эти кабаки, как не сам царь, который собирает с вина 250 миллионов акциза-подати, с горя народного. Всему виной царь и начальство! Обделил царь мужиков землей, много пустил по миру и вовсе без земли. Говорят, что покойный царь освободил мужиков от крепости. Так-ли это? Да разве обделанный мужик, снимающий у помещика землю, не крепостной ему? Захочет помещик—и в бараний рог согнет. Разве это по правде? Одному человеку оставит тысячи десятин в одни руки,—человеку, который только то и делает, что аренду собирает, а тысячи мужиков, потом обливаясь за работой, с голоду пухнут. Потянулся голодный, холодный люд в города, переполнились фабрики, заводы рабочим людом, стало и в городах плохо жить, сейчас же перился (?) хозяин—заводчик: он и обсчитывает, он и штрафует, плату дает, что ни на есть малую, потому много гуляющего народу, ненужны станут рабочие, он их гоняет с фабрики, завода, как последнюю собаку. Плохо стало жить и мастеровому человеку; бывало, сколько хозяйствовало мастеровых, а теперь все пошли большие мастерские, да магазины, и работает мастеровой не в свою пользу, а на хозяина. Велика матушка Россия, а тесно живется бедному народу. Расплодилось кулаков да мироедов меж голодным народом, словно грибов после дождя. А ко всем бедам прибавилась еще дороговизна, потому кулаки скупают хлеб, перепродают, а купцы увозят за-границу. Умные люди советывали положить запрет, поди выкуси, царь и ухом не ведет: ему что! То то и есть. Вся беда в законах да в начальстве. Разве законы в защиту бедному издаются, разве мужик может слово сказать перед начальством—полицией? Слышит разве царь стон и плач народный, когда и добраться до него нет возможности, да и хочет ли он того, когда теперь указом царским запрещено являться к царю ходакам мирским? Через силу можно только заставить царя выслушать про мирские нужды, про тяготу народную. Вот в Киевской губ. мужики разорили экономию князя Горчакова. Хоть не любо, будет знать царь, что нет больше терпения у народа, будет знать Горчаков, как разорять народ арендами. Трепещут кулаки и мироеды! Будет народ молчать, да спину гнуть - ничего не выйдет, а примется за начальство, полицию, кулаков да мироедов,- задаст им страху и себе волю, да землю добудет".

Прокламация эта не подписана, но она, несомненно, составлена революционером или революционной организацией. Но такое воззвание, стремившееся использовать погромное движение для распространения рев. лозунгов, было тогда очень редким явлением. Подобная же прокламация, составленная, как известно, некоторыми членами Исполнительного Комитета Народной Воли в конце августа 1881 года, не получила распространения, так как признано было недопустимым связывать погромные действия толпы с революционными призывами. В общем же местные революционные организации оставались тогда в стороне от разыгравшихся событий [1]).

Один из официальных документов, констатируя, что погром в Нежине не сопровождался (как и в других местах) никакой револю-

[1]) См. Тун., Ист. рев. движения в России. 260—262, „Литература Народной Воли" Женева 1905 г., т. II стр. 386, 423. См. также Die Juden-Pogromen in Russland, Jud. Verlag, Köln 1910, B. I 46—66.

ционной агитацией, непосредственно связанной с этим событием, указывает следующее: „Социально-революционные деятели, конечно, работали для своих целей и здесь, рассылая на имя разных лиц, живущих в гор. Нежине, свои обычные прокламации от „Исполнительного Комитета Народной Воли“, от „Южно-русского рабочего союза“, но все эти прокламации не имеют никакого отношения к противо-еврейским беспорядкам“[1].

В другом официальном отношении (Черниговского губернатора), наоборот, погромы (в Конотопе и Киеве) ставятся в тесную зависимость от революционной пропаганды. „Еще в марте месяце, читаем мы там, между прочим, в г. Конотопе и на вокзале расклеены были к рабочим прокламации, которыми рабочий люд призывался к дружному и активному отпору, к достижению себе разных прав и льгот; а до этого прокламации того же смысла были обращены к арсенальным и железнодорожным рабочим в г. Киеве“. Эти революционные призывы,—по мнению черниговского губернатора,—и повлияли на погромные события в Киеве, а потом—и в Конотопе. „Дальнейшие воззвания к народу социально-революционной партии, отобранные в типографии 28 апреля в Киеве, прямо указывают на беспорядки по избиению евреев, приготовляя вместе с тем адептов к мысли о других же избиениях“. Наконец в связи с той же революционной пропагандой ставится и тот факт, что все об‘явления черниговского губернатора были ночью сорваны. Тем не менее, и этот официальный источник, в конце концов, констатирует, „что нельзя найти следов агитации во всех отдельных проявлениях противоеврейского движения“, что влияние тут было косвенное: „Анархистам не было никакой надобности следить за всеми фазисами предпринятого дела, за самим распространением огня; они довольствовались тем, что убеждались в существовании горючих материалов, подготовляя их и пустили ту незаметную искру, которая зажгла обширное для них пробное пожарище“[2]).

Этот вывод является, однако, совершенно произвольным. Погромы и не нуждались в косвенной, подпольной агитации, ибо юдофобская пропаганда велась совершенно открыто в течение ряда лет на страницах „Нового времени“, „Новороссийского Телеграфа“ и др. Погромные же агитаторы выходили из рядов официальных „охранителей порядка“—полиции и жандармерии. Сваливание вины на революционеров могло иметь лишь одну цель—отвести глаза от действительных виновников.

* * *

Погромы начала 80 годов и целая система дальнейших ограничений, проводившихся потом в течение 30 лет слишком, самым роковым образом отразились на всей еврейской жизни. Уже после первых погромов началось паническое бегство евреев за границу, главным образом, в Америку. Представители петербургского еврейства и передовой части еврейской интеллигенции отрицательно отнеслись к массовой эмиграции, надеясь на улучшение правового положения евреев в России. Приверженцы же эмиграции разделились на два лагеря—на сторонников Америки и палестинцев“[3]).

Однако, народная масса, от которой интеллигенция стояла очень далеко, плохо прислушивалась к литературным спорам того времени и продолжала эмигрировать в Америку (главным образом, в Нью-Иорк)

[1]) „Материалы по истории анти-еврейских погромов“, т. II, стр. 355.
[2]) Стр. 363—364.
[3]) Подробно об этом в моем очерке „Период кризиса“ („Евр. Старина“ 1916 г.).

без всякой организации и руководства (Лишь на местах в течение продолжительного времени, толпы эмигрантов, пережив все мытарства эмигрантской жизни, начали организовываться в рабочие союзы и различного рода культурные организации, которые в настоящее время играют значительную роль в общеамериканской жизни).

Погромы и реакция 80-х и 90-х годов вызвали перелом в идеологических течениях еврейской интеллигенции [1]). Прежняя восторженная вера в силу прогресса, всемогущество знаний и благотворность сближения или даже „слияния" евреев с окружающим их населением—уступила место разочарованию и безверию, на почве которых развилось палестинофильство, которое впрочем очень быстро захирело, уступив место (в конце 90-х годов) сионизму. Но под покровом тяжелой реакции 80-х и 90-х годов начинает созревать новая сила в еврействе—рабочее движение. Для борьбы с этой силой контр-революция выдвинула в самом начале текущего столетия старое историческое средство—погромы. Но это составляет уже самостоятельную страницу в истории антиеврейского движения в царской России.

---

[1]) Подробно об этом в моем очерке, упомянутом выше.

В. И. Пичета.

III. Крестьянское движение в Белоруссии в 1905 году.

Крестьянские движения 1905 года широкой волной распространились по всей Белоруссии, хотя острота последних была далеко неодинакова по отдельным белорусским губерниям. Уже в январе месяце 1905 года в некоторых волостях Двинского уезда были совершены массовые порубки леса. Эти действия крестьян прокурорский надзор об'яснял тем тяжелым положением, в каком находилось крестьянство Витебской губернии, в результате ряда неурожайных годов, уменьшения доходности от отхожих промыслов, отсутствия надельного леса и дороговизны покупного леса. Недостаток хлеба, а также отсутствие леса заставили крестьянское население воспользоваться лесами помещиков, у которых, по словам населения, много, а у них ничего нет. Прокурорский надзор был склонен об'яснять движения крестьян и распространением антиправительственных воззваний, из которых крестьяне усвоили мысль, что лес помещика можно рубить, и что это не позволяет только лишь младшее начальство. Это убеждение содействовало распространению массовых лесных порубок [1]).

Прокурорский надзор в общем правильно определил причину аграрных волнений в Витебской губернии. Действительно, растущее малоземелье, продовольственная нужда, отсутствие отхожих промыслов, как результат экономического кризиса, охватившего промышленность в связи с Японской войной, дороговизна топлива и полная невозможность его раздобыть, так как многие помещики продавали лес на сруб крупным предпринимателям, были мощным двигателем, возбуждавшим к волнениям сельское население. Впрочем, крестьянское население первоначально надеялось добиться справедливости от правительственной власти, от царя. Вера в то, что царь может помочь народу в его нуждах, в начале 1905 года еще не исчезла из сознания широких масс сельского населения. Эти крестьянские настроения получили резкое выявление в адресе Пылдзенской волости, Люцинского повета, поданном Николаю II, на основании указа 18 февраля 1905 года, разрешавшего общественным организациям и учреждениям, а также частным лицам делать свои представления о необходимых преобразованиях и заявлять о своих нуждах и потребностях. Крестьяне Пылдзенской волости находились в очень тяжелом положении. Вследствие малоземелья, они страшно обеднели, а помещики, распахав сервитутные угодья, завели на них свое хозяйство, чем поставили волостное население в невыносимо тяжелое положение. Обо всем этом жаловались крестьяне в своей петиции государю. Волость, подавшая петицию, не только жаловалась на свое положение, но полагала целесообразным произвести ряд необходимых реформ. Так в петиции указывалось на безграмотность среди населения и необходимость откры-

тия школ, так как в настоящее время не все крестьянские дети могут посещать таковую. Население выражало недовольство царской школой и указывало на необходимость открытия ремесленных школ, которые могли бы научить крестьянских детей какому-нибудь ремеслу, что могло бы в дальнейшем облегчить их положение. Крестьяне указывали на свое тяжелое финансовое положение и на неравномерное распределение натуральных и денежных повинностей между крестьянами и другими классами, в особенности если принять во внимание наличие недвижимого имущества. Крестьяне были недовольны тем, что им приходилось платить не только мирские сборы для удовлетворения сельских потребностей, но также и тем, что они были обязаны выбирать и содержать сотских и давать постой для проезжавших чиновников. От всего этого другие общественные группы были освобождены. Кроме того, крестьянам приходилось отправлять подорожную повинность, тогда как другие группы населения этого не делали, хотя по дорогам ездили. Кроме того, на поправку мостов дается на местах такой плохой лес, что приходится поправлять мосты ежегодно. Крестьяне заявляли об отягощении своего положения в связи с введением упрощенного земства [2]). Равным образом, и крестьяне Селищенской волости, Городокского повета, просили государя выслушать их бедных и темных людей и обратить внимание на их „тяжелое" положение, на отсутствие земли, на высокие арендные цены. Крестьяне указывали, что они дорого платят за надельную землю, уплачивают большие налоги, что на них тяжело ложатся мирские и церковные сборы, что на их деньги содержатся разные учреждения, от которых им пользы нет никакой, но которыми пользуются те лица которые ничего не платят Крестьяне указывали на необходимость открытия школ, уравнения всех перед законом, права выбирать своих избранников, путем прямой, равной, тайной подачи голосов, а также закрытие винной монополии. Разумеется, это прошение не было составлено самими крестьянами, но его содержание по существу разделялось всем населением волости и вполне отвечало его настроениям [3]).

Пока эти челобития рассматривались в Петербурге, сельское население, доведенное до отчаяния, начало проявлять активно свое недовольство. С февраля месяца начинаются активные выступления крестьян. Во многих местах происходят массовые порубки лес[а]. На этой почве происходят столкновения с землевладельцами, которые сопровождались сплошь и рядом разгромом помещичьих усадеб. Так в имении Тизенгольда, Сивергоф, был задержан крестьянин Двинского уезда, Ужвалдской волости, Островский вместе с малолетним сыном и тремя подводами. Крестьяне 17 февраля двинулись к имению Тизенгольда и пытались освободить арестованного. Это движение сопровождалось как разгромом усадьбы, так и расхищением движимого имущества владельца [4]). Разгром усадьбы Тизенгольда положил начало разгрому соседних усадеб. Так, было разгромлено имение Биржи, принадлежавшее помещице Шредерс, а также имение Васильева „Александрово", владелец которого, в ожидании нашествия, выехал из усадьбы. В усадьбе Александрово, согласно показаниям рабочего К. Богданова, собралось 50 щедринских крестьян, староверов, которые ходили по имению, ломали заборы, били собак, а затем, забравшись в хлев и взломав замок от амбара, брали и резали кур и гусей и выносили из амбара рожь, пшеницу, ячмень, мясные консервы. 19 февраля вся усадьба была занята крестьянами Даугденской волости, приехавшими сюда со своими подводами. Началось полное разгромление всего находившегося в усадьбе имения. Вместе с этим, не-

сколько пострадал и арендатор Адам Блажевич, часть имущества которого была уничтожена [5]). Таким же образом получился разгром имения Мариамполь, принадлежавшего наследникам барона Искуль-фон-Гильденбрандт, и Асташева, принадлежавшего наследникам Фитингофа-Шель, окончательный разгром которых был остановлен вследствие прибытия военной силы. В том же феврале было разгромлено имение „Дубняги, Петражицкого и имение Конюшевского „Магнусово". Кроме того, происходили порубки в соседних имениях: „Амбельмуйжа", гр. П. Плятера-Зиберга, „Комбуль и Людвиамполь", г. Михаила Броэль-Плятера, Боровка, гр. Евгения Броэль-Плятера и др. [6]). Обычно, когда местная администрация получала соответствующие донесения о начавшихся беспорядках, производились обыски в деревнях. Захваченное имущество отбиралось, а виновные были арестованы и привлекались к ответственности за грабеж. Что касается землевладельцев, то они обращались обычно к губернаторской власти с просьбой о защите, указывая на свое тяжелое имущественное положение и прося о выдаче ссуд. Так А. Васильев, владелец „Александрово", сообщая губернатору письмом от 14 и 22 марта 1905 года о разгроме своего имения, указывал на тяжелое положение деревни. Им подчеркивалось, что судебная власть, производящая следствие, сталкивается на местах с противодействием крестьянской массы.

Участвующие в грабеже не сознаются в нем и не выдают участников, угрожая насилием тем лицам, которые выступят свидетелями против них. Эти угрозы, по словам Васильева, заставляют население молчать. Васильев предполагает, что порядок можно держать только с помощью солдат. С уходом солдат не только наше имущество, но и сама жизнь будет находиться в опасности. Помещик Васильев был убежден в том, что крестьяне немедленно возобновят свои действия в еще большей степени. Васильев передает убеждение крестьян, что солдаты „не всегда будут", а как только они уйдут, то с помещиками будет покончено, и земля будет отобрана. Васильев констатирует крайне „нахальное и дерзкое поведение крестьян", которые рубят лес, несмотря на запрещение властей. Васильев отмечает, что начало крестьянских беспорядков сопровождалось выстрелами. Поэтому он считает необходимым, во избежание насилий, отобрать у всех крестьян оружие. Для восстановления хозяйства необходимо дать правительственную ссуду, а взыскивать убытки путем судебных решений будет нецелесообразно и крайне трудно. Разгром усадьбы выразился в увозе из имения всего хлеба из амбара, хозяйских принадлежностей, одежды, всей домашней обстановки. Только остался целым скот, и только потому, что помещик, предвидя опасность, разогнал его по соседним застенкам [7]). Таким образом, помещик Васильев, констатируя беспокойное положение в деревне, считает необходимым бороться с ним исключительно с помощью репрессивных мер. Впрочем, не все помещики так думали. Так, группа помещиков: М. Резуни, А. Н. Стефанов, М. М. Бониславский сообщали губернатору, что, живя много времени среди крестьян, они хорошо знают нужды последних. По их словам, полное отсутствие заработка вследствие войны, леса, топлива, семян, недостатка пропитания создает брожение умов. По мнению помещиков, когда станет жить трудно и не будет чем, то крестьяне пойдут искать счастья, искать там, где его можно найти. Положение в деревнях становится небезопасным. Кроме того, поднявшаяся агитация не может не содействовать развитию страстей. Авторы письма констатируют, что местная власть не особенно беспокоится, а между тем примеры полтавских беспорядков, при наличии лучших климати-

ческих условий, могут показать, что будет. Беспорядки могут принять широкое распространение и охватить все население. Авторы письма указывали на необходимость притти на помощь крестьянству. Для этого, по их мнению, было необходимо заблаговременно вникнуть в нужды крестьян, приготовить для них хлеб и семена к яровым посевам, успокоить крестьян уверением в заботах об их нуждах [8]). Призванный в качестве свидетеля настоятель Аулейского католического костела, ксендз Иоанн Куликовский, отметил бедность крестьянского населения. По его словам—ближайшие четыре последних года были неурожайными и чувствовался большой недостаток в хлебе, которого уже не хватало к февралю. Деревня жила за счет отхожих промыслов, главным образом, земляными работами. Под влиянием русско-японской войны эти заработки значительно сократились [9])

Товарищ прокурора Судебной Палаты Камышинский был также убежден в том, что волнения среди крестьян не перестанут. Полученные же им агентурные сведения сообщали, что, как только войска уйдут, то начнется рубка леса и грабежи в имениях. Камышинский указывает губернатору на отсутствие дров и хлеба у крестьян Ужвалдской и Даугденской волости. Они вынуждены с осени 1904 года покупать себе хлеб и поддерживать свое существование только заработками от отхожих промыслов. Камышинский констатировал сокращение земельного надела вследствие роста населения, а также отсутствие спроса на рабочие руки. По мнению Камышинского, необходима немедлённая выдача хлеба [10]). Несмотря на столь авторитетное замечание, как самих помещиков, так и прокурорского надзора, администрация занималась только арестами и защитой интересов помещиков и не принимала никаких мер к прекращению той нужды, которая царила среди крестьянского населения Двинского уезда. Впрочем, отдельные помещики для собственного спасения решили пойти на встречу крестьянам. Они продали им лес по дешевым ценам, и эти уступки со стороны крупных землевладельцев в известной степени спасли помещичье имение от разгрома.

О тяжелом положении крестьян Даугденской волости сообщал также губернатору Витебский полициймейстер Браун, на основании донесения пристава 1-го стана Двинского уезда [11]).

С наступлением весенних работ волна аграрных волнений несколько затихла. Но во время летних работ начались новые волнения. Помещик Реут, владелец имения Каменец, нанял для работ 15 семейств крестьян из Варшавской губернии. Местные крестьяне были этим весьма недовольны, так как лишились единственного заработка, и поэтому стали выражать свое враждебное отношение [12]) к пришедшим крестьянам. По сообщению пристава, крестьяне собираются осенью, когда возвратится молодежь из отхожих промыслов, прогнать их из имения Каменец [12]).

Тяжелое положение сельско-хозяйственных рабочих вызвало кое-где прекращение работ. Так, по донесению пристава 4-го стана Двинского уезда, в имение Бушгоф, принадлежащем Г. Ю. фон-Бреверн, его рабочие были отправлены в ночь с 26 на 27-ое июня на луга для покоса сена. Появившаяся толпа неизвестных людей потребовала прекращения работ под угрозой не начинать работ, иначе они будут убиты организаторами забастовки. Рабочие были вынуждены прервать свою работу, пред'явив требование предоставления им права пастьбы их скота на экономических землях. Два же рабочих пред'явили требование повысить заработную плату до 100 рублей в год. Крестьяне не причинили никакого убытка и насилия, но сообщили, что они же-

лают прибавки, которая везде выдается, и что дальше назначенного срока они не останутся. Разумеется, помещик пред'явленные крестьянами требования об'яснял подстрекательством со стороны [13]).

Настроение крестьян в соседнем Режицком уезде было весьма повышенное. По донесению двинского исправника, толпа крестьян ходила по усадьбам и, под угрозой разорения последних, принуждала владельцев к каким то льготным условиям в пользу крестьян. Эти слухи сильно взволновали повсюду крестьянское население, которое было готово присоединиться к толпе, как только последняя появится [14]). В декабре 1905 г. возникли значительные беспорядки в Ликсинской волости Двинского уезда. Они были вызваны тем, что владелец имения Ваболь, гр. Г. Плятер-Зибер сначала запродал крестьянам лес или обещал продать его, а потом отказался от своего обещания и отдал его в руки еврея, который в течение 10 лет, как показало следствие, покупал у владельца землю [15]).

Аграрные волнения на территории Витебской губернии распространились также и по другим уездам. Так в Витебском уезде начались волнения 22 февраля 1905 года, когда группа крестьян деревни Стайнишки Изабелинской волости заявили сначала земскому начальнику, что у них нет совершенно топлива, и просили ходатайствовать перед управлением государственных имуществ о его выдаче, „не признает ли последнее возможным организовать продажу дров из соседней дачи“. Пристав полагал, что подобные мероприятия, в случае их осуществления, оказались весьма целесообразными, так как крестьяне деревни Стайнишки и соседних волостей весьма нуждаются в топливе. Дров же поблизости нет и купить их не представляется возможным. Земский начальник считал, что, если не будет организована продажа леса по дешевым ценам, то настроение крестьян, в особенности крестьян, прилегающих к Балтийской даче, отнюдь нельзя будет назвать спокойным [16]). Разумеется, эти предостережения Витебского земского начальника не имели никакого значения. В Витебском уезде также распространялись лесные порубки, хотя в отдельных случаях следствие обнаруживало, что заявления помещиков о порубке крестьянами леса оказывались голословными. Так земский начальник 2-го участка Витебского уезда сообщал, что заявление владелицы имения Дыманово, г-жи Заранск, о порубке леса крестьянами Селютской волости оказалось голословным [17]). И в Витебском уезде происходили отдельные разгромы помещичьих усадеб. Так крестьяне Бабиничской волости деревни Шумовщина в конце июля напали скопом на отчужденную от имения помещиком Врублевским землю при деревне Шумовщине, прогнали приказчика имения и рабочих, убиравших сено, одного рабочего избили, а сено, в количестве 30 возов, было увезено. Правда, земля впоследствии была отобрана, но крестьяне не пожелали подчиняться. Через несколько дней уездный исправник дополнительно сообщал, что крестьяне забрали с собой и рожь, которая принадлежала Врублевскому. Впоследствии дело было прекращено, так как поверенный помещика Врублевского предпочел вступить в соглашение с крестьянами и сдал крестьянам землю в аренду [18]). Иногда крестьяне выносили приговор о принудительной продаже им земли или сдаче в аренду по указанной цене. Так, Витебский исправник сообщил губернатору о ноябрьском приговоре крестьян Глазоличского сельского общества, полученном владелицей имения Янович, с предложением продать или сдать в аренду оборубы по 50 рублей за десятину или по 1 р. 30 к. годовой аренды. Исправник отметил, что крестьяне разговаривали с помещиком весьма дерзко [19]). Осенью 1905

года в отдельных селах крестьяне отказывались от переизбирания собственных десятских и других должностных лиц, что, по мнению земского начальника, происходило под влиянием агитаторов. Так поступило Глазовичское общество в своем приговоре от 10 ноября. То же общество на крестьянском сходе дало торжественное обещание не прибегать к насильственным мерам и не слушать агитаторов [20]). Ноябрь- декабрь месяцы были временем нового возбуждения населения. Так 23 ноября владелец имении Язвино К. Ф. Соколовский заявил, что крестьяне деревни Чисти и других деревень Жеребьинской волости потребовали от него отпуска леса для дров. В случае отказа, грозили поджогом [21]). Крестьяне деревни Улановичи, Ольхово, Бервин, Усмурково и др., а также арендаторы фермы явились к помещику Коссо, владельцу имения Подберезье, и пред'явили следующие требования: выдать дрова с половины, уменьшить плату за пастьбу скота до 50 коп., уменьшить арендную плату за ферму, увеличить годовую и поденную плату рабочим. В случае, если эти требования не будут удовлетворены, крестьяне грозили снять всех с работы, не допустить кормить скота даже самому управляющему [22]). Заведывающий имением Шнити, Храповичской волости, Е. Ф. Барценовский, сообщил 26 ноября губернатору, что крестьяне деревни Шнити, Пеюри и др. деревень, в количестве 100 человек, напали на имение с целью грабежа и разгрома, выгнали арендатора, угрожали его разграбить, а постройки сжечь, если сам арендатор не выселится в течение недели. По мнению крестьян, земля принадлежит им, а не помещику, с которым они расправятся по собственному усмотрению [23]). Купец Вайнберг, рубивший лес в имении Хотиничи, Мишковской волости, сообщил, что 28 крестьян соседних деревень не допустили рубить мелкого леса и выгнали из леса его рабочих [24]). В имени Лососино, принадлежащем помещице Покровской, крестьяне деревни Копти и других деревень Селютской волости вырубили 1000 деревьев. Дворянка Е. А. Гесс-де-Кальве, владелица Селют, сообщила, что крестьяне деревни Портков, подстрекаемые агитаторами, начали рубить леса и вывозить заготовленные дрова. Управляющий и лесник спаслись бегством. Сами крестьяне держали себя несколько возбужденно. В имении Емельянове, после ухода казаков, крестьяне стали требовать от помещицы Богданович дров, угрожая в противном случае снять рабочих и произвести самовольную порубку [25]).

Аграрные волнения захватили и Городокский уезд. Они начались в средине марта, когда крестьяне деревни Бывалино Мышневичской волости потребовали выселения арендатора фольварка Острово, принадлежащего владельцу имения Николаево, А. Ф Розень. Крестьяне угрожали выселить арендатора насильно, указывая, что фольварк принадлежит им, и что барон Розен владеет им незаконно. Следствие показало, что крестьяне действительно заявили, что они намереваются выселить арендатора, так как фольварк является их собственностью [26]). По сообщению Городокского исправника, крестьяне Дубокрайской волости деревни Волчьи-Горы и Некунец 5 июля захватили участок земли— Хабни, в количестве 10 десятин, принадлежащий крестьянам деревень Будницы и сняли сенокос. Дубокрайская волость прогнала старшину, приехавшего для выяснения убытков и нанесла ему оскорбление словами. Дознание обнаруживало, что при наделении крестьян землей б. владелицей Лехово на все Леховское общество было отдано 2753 десятины. Ввиду недоброкачественности надельной земли, каждый крестьянин пользовался тем, как он хотел и где хотел. Так продолжалось дело до 1875 года, когда крестьяне постановили на сходе для

устранения спора все земли разделить на участки и составить для каждого участка план, для чего был приглашен землемер Петров. По его проекту, участок Хабни был передан деревне Будницы Дубокрайской волости. Возникшие недоразумения разбирались в разных судебных инстанциях, так как оказались-б неразобранными окончательно до августа месяца 1905 года, когда крестьяне самовольно решили отнять у своих соседей тот участок земли, который, по их мнению, принадлежит им [27]).

Волна аграрного движения охватила и Люцинский уезд. Разгар движений падает на время после опубликования манифеста 17 октября. Люцинский исправник в отношении 7 ноября сообщал, что крестьяне, после обнародования высочайшего манифеста 17 октября, понятого крестьянами в желательном для них смысле, а именно: полной свободы действий среди населения уезда, стали обнаруживать полное игнорирование закона и авторитета властей, выразившееся в повсеместном по уезду отрицательном отношении к отправлению казенных и общественных повинностей, так и к исполнению повинностей натуральных. Люцинский исправник отмечает наличие агитации со стороны неблагонадежных людей, появившихся после амнистии, а также и административно высланных лиц. Благодаря этой агитации и непрерывному общению агитаторов с населением, среди крестьян создалось весьма враждебное отношение к землевладельцам. Среди крестьян стало распространяться убеждение о необходимости разгрома землевладельческих усадеб. Под влиянием страха, вызванного сильно циркулирующими в уезде слухами о предстоящих разгромах, несколько владельцев выехали в город. Исправник отмечает начавшееся движение в волостях: Пильденской и Эверсмуйжской [28]). Несколько позже земский начальник 3-го участка сообщил Люцинскому исправнику, что группа крестьян, появившаяся в деревне вследствие административной высылки, собирает вокруг себя крестьян, формируя из них особую шайку наиболее буйных крестьян Эверсмуйжской волости, и подбивает их начать разграбление и поджоги помещичьих имений, убеждая их в том, что теперь власти настолько бессильны, что всякие насилия и грабежи пройдут безнаказанно [29]). 8-го ноября несколько крестьян Эверсмуйжской волости, явившись в село Эверсмуйжу и прибыв в волостное правление, потребовали от волостного писаря изложить под их диктовку и представить земскому начальнику несколько отдельных пунктов, относящихся к улучшению их быта. Крестьяне требовали, чтобы власти обязали землевладельцев в течение 7 дней, чтобы: 1) дрова продавались крестьянам из имений по таковой цене: березовые 3 рубля за сажень, ольховые 2 р. и смешанные 1 р. 50 к., 2) привлечь к платежу мирских сборов и содержанию волостного правления землевладельцев, 3) за обучение в школе деревенских детей, не принадлежавших к крестьянскому сословию, взимать плату, 4) закрыть винную лавку, 5) заменить учителя, 6) рассрочить уплату повинностей до более благоприятных условий, 7) ходатайствовать перед правительством о выдаче нуждающимся крестьянам в качестве ссуды ржи на продовольствие [30]). Недовольное настроение крестьян выразилось также и в разгроме еврейских лавок. По сообщению Люцинского исправника от 15 ноября вечером крестьяне села Ляудер, Истугской вол., разгромили две еврейских лавки [31]).

Аграрные волнения захватили и Дриссенский уезд. Они начались с конца февраля 1905 г., когда крестьяне деревни Староселка, 2-й, Бельской волости, напали на лесную сторожку фольварка Богуславка, принадлежащую графу Забелло. Причиной нападения было жестокое

обращение с крестьянами со стороны двух горцев. Крестьяне были возбуждены и озлоблены после того, как они были ранены в борьбе, когда пытались задержать двух горцев. По словам земского начальника, крестьяне просили о выселении указанных черкесов. Земский начальник подчеркивает, что крестьяне не причинили никакого насилия ни местным стражникам, ни другим служащим [32]). В Дриссенском уезде происходили также и лесные порубки, далеко не всегда замеченные и отмеченные администрацией. Так, владелец имения Заболотье, Спасовский сообщил, что крестьяне деревни Заболотье самовольно в его имении рубят лес. Разумеется, помещик просил о прекращении рубки его леса. По его словам, в порубке принимало участие 28 лиц и было вырублено 208 деревьев [33]). 9 марта в 10 часов вечера крестьяне из деревень Вишнево и Лосино, Баноньской волости, Полоцкого уезда, явились в количестве 40 на подводах в село Воронеч, принадлежащее помещику Лисовскому и вырубили 31 дерево[34]). 19 марта крестьяне деревни Бориль, Бобыничской волости, произвели порубку в дачах имения помещика Забелло. Как оказалось, ими было вырублено около 50 деревьев. Земский исправник хотел произвести обыск, но крестьяне говорили ему: „Мы не допустим вас делать обыск, так как нет такого закона, чтобы делать обыски". Лучше уходите, если вам жизнь не надоела, а то ляжете трупом[35]). Недостаток леса заставлял крестьян обращаться к помещику с требованием такового. Так, крестьяне Ульской волости, деревень: Дворники и Шагурино явились в имение помещика Хвостова и потребовали от управляющего выдать им бесплатно дрова по примеру соседних владельцев: Ляхова и Асвея, а также бесплатно отпускать крестьянам необходимое количество леса, и при этом угрожали самовольной рубкой [36]). Поводом к выражению недовольства крестьянами деревни: Загурки, Чельнышки, Бобино, Стародубуси, Гончарово и Потешно, Бешенковичской волости, служило то, что граф Бутенев-Хрептович продал лесопромышленнику Пайкину лес. Крестьяне заявили, что, несмотря ни на какие препятствия, они не позволят рубить лес и будут рубить его сами [37]). Владелец имения Окольники, Городивичской волости,—Домбровский заявил, что крестьяне деревни Завотье самовольно прогнали лесную стражу и рабочих, присланных для рубки леса. Они заявили, что у них не хватает леса и больше никому рубить не позволят. Земский начальник вызвал их в суд, но они отказались притти, заявив, что судиться не будут Крестьяне Губинской волости, составили приговор о закрытии картонной, фабрики в имении Губино, Каменской волости, под тем предлогом что фабрика отнимает массу леса, которого у них нет [37]). Крестьяне Бешенкович, Бешенковичской волости, заявили графу Бутеневу, что они будут платить за дрова не больше, как три рубля за сажень березовых, 2 рубля—ольховых и 1 руб. 50 коп. смешанных. Крестьяне деревни Бабино, Поповщина и Гаврилино остановили рубку леса, произведенную владельцем имения, предложив рабочим удалиться. Крестьяне села Будники заявили помещику Пржшесецкому, что они будут рубить лес, так как помещик отказал им в дровах. Впрочем, к рубке леса они еще не приступали [38]). Крестьяне деревни Зябковской—25 ноября явились к помещику, в имение Княжицы, в количестве 70—100 человек с требованием об отпуске крестьянам леса, и разогнали рабочих помещика [39]). Крестьяне деревни Чурняево, в количестве 40, явились в имение Балимы и попросили владельца дать им рдов, так как у них нет средств и что в случае отказа будут рубить лес [40]. Крестьяне нескольких деревень Лиснянского общества, Юховичской волости, усиленно производили порубку леса в имении Лисна[41]).

Под влиянием лесных порубок отдельные помещики были вынуждены пойти навстречу желаниям крестьян. Так граф Хребтович-Бутенев и другие помещики понизили цену на дрова [42]), а помещица М. Поника Бетиславова поспешила выдать крестьянам дрова и тем сохранила свой лес от порубки [43]). В Дриссенском уезде аграрные волнения выражались по преимуществу в лесных порубках, что об'ясняется той нуждой в лесе, которую испытывало все крестьянство Витебской губернии. Кроме лесных порубок на территории Дриссенского уезда недовольство крестьян проявлялось и в других формах. Так, 7 мая управляющий имения Бочейково, принадлежащего помещику Цехановецкому, Л. Непалтовский заявил, что около полугодия, когда гнали скот, он ударил по голове своего пастуха и причинил ему рану. Рабочие имения Бочейково, возмутясь его поступком, прекратили полевые работы, но, спустя несколько часов, работы возобновились снова. В $11\frac{1}{2}$ часов вечера вспыхнул пожар, который уничтожил старый сеновал и скотный двор [45]). Под влиянием незначительной заработной платы крестьяне и евреи местечка Уллы, в числе 80 человек, сплавлявшие лес по реке Ульянке в гор. Ригу, заявили 30 мая о своем отказе от работы, пока не будет повышена заработная плата. Подрядчик пошел на уступки и тогда рабочие приступили к работе [46]). Недовольство крестьян своим положением выражалось и в уничтожении крестьянами помещичьего имущества. Так, крестьяне Гутовской волости сожгли 22 ноября мукомольную мельницу и сарай в имении графа Плятера. Никакие уговоры на крестьян не подействовали. Пожар мельницы крестьяне приветствовали криками: „ура" [47]).

Для прекращения волнений губернская власть высылала военные команды. Кое где они встречали противодействие со стороны сельского населения. Так, крестьяне Спасовской волости встретили весьма враждебно высланную военную команду и отказались выдать зачинщиков. Когда крестьяне были арестованы, то оставшиеся на свободе пытались отбить арестованных [48]). Под влиянием общего движения, крестьяне Воронечской волости отказались от выборов сотских и десятских на 1906 год, считая, что и другие классы населения должны справлять эту повинность [49]). Также поступили и крестьяне Бешенковичской и Стрижевской волостей [50]).

Аграрное движение охватило и Полоцкий уезд. Крестьянская масса была оппозиционнее всего настроена после манифеста 17 октября. Отражением этого настроения может служить приговор сельского схода Александровской волости, Полоцкого уезда. 21 ноября на сходе присутствовало 226 домохозяев из общего числа 401. Сход постановил: 1. Просить о переделе и о нарезках земли, отобрав все церковные, казенные и частновладельческие земли. 2. Не платить выкупных и других казенных повинностей. 3. Ввести бесплатное обучение. 4. Не починять дорог на земле частных владельцев. 5. Сложить акциз с предметов первой необходимости. 6. Не содержать стаень при волостном правлении, и никому не давать бесплатных подвод. 7. Суды должны быть бесплатными. 8. Не назначать жалованья церковным сторожам. 9. Церковные сторожа должны содержаться на средства церкви. 10. Раскладывать мирские сборы по десятинам. 11. Уничтожить хлебные магазины, а самые здания продать. 12. Прекратить уплату продовольственного сбора. 13. Отпускать казенный лес, как для волостного правления, так и для Горбачевского училища. 14. Передать в пользование крестьян монастырские, казенные и частные озера с тем, чтобы в этих озерах не производить ловлю рыбы во время метания икры. 15. Взыскать недоимки за прежнее время и зачислить в мирские

сборы. В казну-же в уплату недоимок не вносить. 16. Оставшийся озимый хлеб в Александровском хлебном магазине в количестве 60 пуд раздать всему обществу. 17. Письменные принадлежности для Горбачевского училища должны даваться родителями [51]). Составленный приговор был представлен земскому начальнику, а все подписавшие были привлечены к ответственности, как составители антиправительственного приговора.

Движение в Невельском уезде началось с весны 1905 г. Невельский исправник в отношении от 11 марта констатировал возбужденное настроение сельского населения под влиянием пропаганды социал-демократов и других революционных партий Недовольство населения, по мнению исправника, было вызвано следующими обстоятельствами 1. Крестьяне думали, что согласно манифесту 11 августа 1904 года, будут прощены все недоимки. Крестьяне, убедившись в том, что недоимки прощены не все, открыто выражали свое неудовольствие. Кроме того, недовольство вызывалось и тем, что уничтожение недоимок по отдельным волостям производилось неравномерно. Крестьяне никаким раз'яснениям не верят. 2. Крестьяне недовольны сбором мирских денег. Необходимо раз'яснить, на какие нужды идут мирские сборы. 3. Пособия выдаются не всем солдаткам. На этой почве возникают различные слухи. В тех крестьянских дворах, в которых имеется собственный хлеб, родственники лишают солдаток хлеба, и голодом заставляют последних ходить и хлопотать о пособии. Лес выдается неправильно, и лесные дачи находятся на далеком расстоянии. 4. Крестьянский лес вырублен, и население испытывает крайнюю нужду в топливе. Помимо этого, отдельные помещики, как Лебедевы, Буйницкий, Лесневский совершенно прекратили продажу крестьянам леса. а другие повысили цены. Ввиду отдаленности казенных дач, крестьяне не могут воспользоваться казенным лесом, который, обычно, при продаже переходит в руки скупщика Наконец, евреи широко воспользовались правом селиться в сельских местностях. Они распространяют различные толки и письменные воззвания. Отмечая неспокойное состояние населения, земский исправник требовал немедленного перевода писарей из Сокольницкой и Еменецкой волостей, Кроме того, земский исправник об'явил о том, что всякий имеет возможность заявить о своих нуждах и пожеланиях и, что по всем вопросам крестьяне получают раз'яснения. Последняя мера вызвала со стороны губернатора ироническое замечание, сделанное на полях доклада: „Каков исправник“ [52]). В Невельском уезде аграрное движение вылилось в форму лесных порубок. В этом отношении наиболее характерно движение крестьян в Мартеинской волости. Крестьяне деревень Высоцкое, Косенки и Веретейки, явившись в имение Горки, принадлежащее б. Фитингоф, насильственно запретили рубить лес, а также и вывоз проданного леса. Основанием такого требования со стороны крестьян было убеждение, что помещица владеет лесом незаконно. Кроме того, у них самих леса нет, и они сидят в холодных хатах [53]).

Аграрное движение в Велижском уезде стало особенно развиваться, начиная с октября месяца. Уже в конце октября Велижский исправник сообщил губернатору о тревожном настроении населения отдельных сел и о намерении последнего выступить с активными действиями против помещиков. 4 ноября началось сильное брожение среди крестьян Узковской волости. Крестьяне предполагали разгромить имение Рындино, куда крестьяне 11 деревень Узковской волости, в количестве 200, явились и предложили владельцу Кавецкому следующие требования: 1. Все обрезы земли должны быть переданы безвоз-

мездно крестьянам на том основании, что крестьяне уплачивали ежегодно за обрезы аренду, и в настоящее время они считают землю выкупленной. 2. Пастбища для скота должны быть свободны по всему имению. 3. Свободный отпуск леса и дров по определенной цене. 4. Экономия имения Рындина не имеет права продавать посторонним лицам ни леса, ни дров 5 Все арендаторы должны быть удалены со своих земель, и земельные площади фольварков поступают под лес. 6. Экономии не имеют права иметь лесных сторожей. 7. Экономии оставляются для соответствующего пользования всех тех обработанных земель, которыми владелец в настоящее время пользуется, но при одном условии, что владелец не имеет права сдавать в аренду. Администрация сочла необходимым послать роту солдат, которая внесла невольное успокоение [54]).

В Ильинской волости упорно циркулировали слухи о сложении всех повинностей в силу манифеста 17 октября. В силу этого в среде населения существовало убеждение о том, что не следует платить повинностей. 31 октября крестьяне Барбаровского общества собрались в Ильинское волостное правление и отказались от заключения контракта с лесопромышленником на возку леса, ввиду того, что волостное правление требовало от лесопромышленников деньги в уплату повинностей за крестьян. Крестьяне соглашались брать от купца деньги, но только полностью на руки, а не через волостное правление. Крестьяне настаивали на этом, говоря, что повинности все прощены. Исправник об'яснял распространение таких слухов среди крестьян влиянием еврейской молодежи и некоторых крестьян [55]).

В начале ноября крестьяне Чепельской волости, в особенности, Погорельского, Болотного и Петровского обществ, явились в имение Погорелое с просьбою отсрочить платеж долга в 60 рублей и поговорить относительно предоставления бесплатного топлива. Владелец имения Назимов отказал крестьянам в их просьбе, но, с своей стороны, предложил им воспользоваться буреломом, валежником и расчисткой луговых площадей, заросших довольно крупным чернолесьем. Крестьяне с этим согласились и разошлись, но спокойствие не установилось. Крестьяне отправились домой. По дороге к ним присоединились крестьяне деревень: Корзово, Лемеши, Жегалово, Федеевщина, которые заставили их снова отправиться в Погорелое для пред'явления соответствующих требований. По донесению пристава, в данном случае не все крестьяне были солидарны. Часть деревень этому не сочувствовала. 13 ноября снова явилась толпа крестьян из деревень: Смолевичи, Комарово, Кожино и др. и хотели запретить купцу Зильберту вывозить нарубленный им лес [56]). Тогда-же крестьяне деревни Большая Ржава, Чепелевской волости, в количестве 28, требовали отпуска дров. Экономия предлагала заняться расчисткою лугов. Крестьяне не соглашались и требовали на двор по одной сажени березовых дров. Крестьяне грозили, что приедут сами рубить лес [57]). С такой же угрозой приходили крестьяне деревни Долбежки [58]). 21 ноября явились крестьяне в имение Каспляны, принадлежавшее помещику Сандрыгайлу и пред'явили следующие требования: 1. Повысить плату вдвое и устранить рабочих со стороны. 2. Взимать плату за дрова в 10 раз меньше. 3. Продать все имение крестьянам не дороже 23 рублей за десятину. 4. Отпускать по определенной цене еловый лес. 5. Разрешить бесплатно охотиться и собирать грибы. 6. Уничтожить чересполосицу. 7. Отвести для пастьбы скота землю, по десятине на две корове, с уплатой 15 к. с головы. Помещик согласился отпускать дрова; предоставить собирать грибы, но отказался продать имение. По мнению исправника, на на-

строение крестьян оказала влияние агитация евреев [59]). Через несколько дней в имение Каспляны, в фольварке Конищево, в 7 часов вечера сгорел сарай, а в 10 ч. вечера навес с сеном около 900 пудов [60]). Чепелевская волость была охвачена попрежнему недовольством. Так, деревня Староселье рубила лес, а крестьяне деревень: Большое и Малого Залюбища, Старого и Нового, потребовали от арендаторов озер половину улова рыбы с Залюбищенских озер, так как последние принадлежат им. В противном случае они не дадут ловить рыбу. Исправник отметил весьма возбужденное настроение крестьян [61]). Наконец, в декабре месяце, крестьяне Чепелевской волости вынесли приговор, в котором требовали: 1) удаления фельдшера, 2) уничтожения волостного суда, 3) избрания 12 волостных судей сельским сходом для отправления судебных повинностей по третям года, 4) кроме того, волость постановила назначить старшине жалованье в 100 рублей, с обязательством пользоваться при переездах своими лошадьми, 5) не исправлять дорог ни экономических, ни церковных, не нанимать помещения для полицейских и десятских и не ходить на работу для них и прекратить содержание стаечных лошадей. Этот приговор Чепелевской волости логически вытекал из того возбужденного настроения, в каком находилась волость после октября месяца. Земский исправник представил этот приговор на усмотрение губернской администрации [62]).

Аграрные волнения широкой волной раскинулись по территории Витебской губернии. До октября месяца крестьянское недовольство выражалось в лесных порубках, в отказе от работы, сожжении помещичьего имущества, разгроме помещичьих усадеб, захвате сенокосов. Разгар волнений падает на конец осени и начало весны. Летом волнения прекратились и возобновились снова осенью. После октябрьского манифеста волнения становятся напряженнее, но большей частью они попрежнему выявляются в лесных порубках. Кроме того, отдельными волостными сходами выносились приговоры, в которых крестьянское население отказывалось от выбора и содержания сотских и десятских, считая, что оплата их содержания является обязанностью также и других сословий. В этом отношении нельзя не видеть влияния на крестьянские массы, в лице крестьянского союза и деятельности политических организаций [63]).

Аграрные волнения, охватившие значительную часть территории Витебской губернии, доставили губернаторской власти не мало беспокойств. Приходилось метаться из стороны в сторону, посылая войска для успокоения взволнованного крестьянства или для поддержания порядка. Войска не всегда хватало, что ставило часто губернаторскую власть в весьма затруднительное положение. Ведя борьбу с аграрным движением, губернаторской власти тем не менее приходилось более пристально всмотреться в происходившее аграрное движение и дать себе отчет в его причинах. Витебский губернатор Гершау-Флотов был вынужден уже 27 февраля 1905 г. дать отчет о крестьянских волнениях, а также и о настроениях крестьянства. Этот отчет составлялся на основании тех сведений, которые были собраны земскими начальниками, об'езжавшими свой уезд с целью основательного ознакомления как с современным состоянием крестьянства, так и отношением его к общественной жизни. Разумеется, губернатор должен был отметить, что аграрные беспорядки происходят под влиянием революционной пропаганды, но в то же самое время он не мог скрыть и тяжелого экономического положения сельского населения. Трехлетний недород подорвал экономическое благосостояние крестьян. Сократились заработки крестьян на стороне. Отсутствие леса ставит сельское население в очень тяже-

лое положение. Наконец, недоразумения на почве сервитутных отношений между крестьянами и помещиками, неразграниченность угодий, а главное, разница в национальсти и религии, явились источником смущения населения. Под влиянием этих условий деятельность агитаторов, указывавших на полные амбары у помещиков хлеба и стоящие, рядом с крестьянскими, помещичьи леса, приводила к массовому истреблению имущества у помещиков. Губернатор отмечает, что в тех местах, где помещики из чувства сострадания к нуждам крестьян или из страха угрозы пошли навстречу их нуждам и организовали льготную продажу леса, там агитация не имела успеха. Губернатор считает, что в настоящее время острая нужда в топливе прекратилась. Своевременная выдача семенной ссуды на посевы яровых полей успокоила население [64]). Так об'яснял губернатор причины аграрных волнений в апреле 1905 г. Действительно, весной аграрные волнения несколько затихли. Крестьяне были заняты производством полевых работ, по окончании которых, в особенности осенью 1905 г., аграрные волнения снова возобновились. В своем отчете за 1905 г. губернатор также отмечал наличие агитационной пропаганды, но также был вынужден отметить и тяжелое экономическое положение населения, как результат неурожая и преобладание трехполья в крестьянском хозяйстве. Губернатор должен был указать и на недостаток в топливе, которое крестьяне вынуждены покупать у помещиков. Последние-же предпочитают иметь дело с крупными лесопромышленниками. Вопрос о топливе настолько серьезен, что, по мнению губернатора, необходимо подумать о переходе на другое топливо. Наконец, губернатор отметил необходимость распространения на Витебскую губернию и Земского положения 1892 г., так как управление земским хозяйством от 1 июля 1903 года не пользуется доверием у сельского населения [65]).

7 января 1906 г. министр внутренних дел запросил циркулярно всех губернаторов о причинах сельских беспорядков. Губернатор в отношении от 9 января полагал, что главнейшей причиной возникновения и быстрого развития сельских беспорядков в Витебской губернии является, безусловно, „революционная пропаганда как со стороны пришлых агитаторов, по преимуществу евреев и рабочих с закрывшихся по разным причинам фабрик и заводов, так и со стороны местных деятелей примкнувших к разного наименования тайным организациям“. „В уездах: Двинском, Речицком и Люцинском местное население приступило к беспорядкам, сверх того еще и под непосредственным давлением мятежников—латышей Лифляндии и Курляндии [1]). Губернатор также указывает и на то, что с прибытием военной силы крестьяне быстро собирались на сходы, выбирали десятских на 1906 г., решали дела и вносили повинности. Благодаря-же малочисленности уездной полиции и обширности территории уездов, бороться с аграрным движением и отдельными его проявлениями, одновременно вспыхивавшими в разных местах, было крайне трудно. Поэтому, крестьяне временно оставались безнаказанными. Эта безнаказанность за беспорядки и бесчинства, в связи с пропагандой революционеров, вселяет в население уверенность в правоте распускаемых злоумышленниками слухов. Напирая на агитацию, как основу крестьянских волнений, губернатор признал, что крестьяне „острой нужды в земле, в общем, не испытывают, но зато очень стеснены впользовании топливом, как в виду недостаточности казенных лесов, так и вследствие высоких цен на дрова и лесной материал у помещиков. Частные лесовладельцы предпочитали иметь дело с крупными лесопромышленниками, которые уплачивали за лес наличные деньги, избегали продавать лес кресть-

янам, которые стремились получить топливо или в рассрочку или, чаще всего, за отработку [66]).

Таким образом, на протяжении одного года губернаторской власти пришлось три раза высказаться по поводу причин аграрных волнений. Если в февральской телеграмме и в отчете за 1905 г., губернатор, признавая наличие агитации и пропаганды, все-же обращал внимание на тяжелое материальное положение крестьян, то в донесении от 9 января 1906 г. на первом месте стоят агитация и пропаганда. Вопрос о малоземельи не играет никакой роли, хотя губернатор прекрасно был осведомлен о том, что крестьянский надел по сравнению с 1861 г. сократился почти вдвое. Впрочем, официальная позиция, занятая губернатором, конечно, не позволяла ему особенно много говорить о тяжелом положении крестьянской массы.

Аграрные волнения широко захватили и Минскую губернию. Минский губернатор Мусин-Пушкин в своем отношении министру внутренних дел, в ответ на циркуляр № 4 от 27 февраля 1905 г., констатировал, что в Минской губернии не обнаружено особенных тревожных волнений. Крестьянские недоразумения не выходят за пределы обычных споров крестьян и помещиков, на почве сервитутных отношений. Самовольные порубки леса несколько превышали обычную норму, так как крестьяне требовали отпуска леса из частновладельческих имений по удешевленному тарифу. Губернатор констатировал, что, несмотря на агитацию еврейства и других антиправительственных лиц, не было никаких политических выступлений и, что крестьяне относятся отрицательно к агитации. Впрочем, по словам губернатора, общие государственные беспорядки волнуют крестьян, и среди них распространяются слухи о передаче крестьянам помещичьих лесов и о праве безвозмездного выгона в казенные леса. Кроме того, в крестьянстве возникает неудовольствие на почве тех недоразумений, которые происходили в силу договоров крестьян с помещиками о праве пользования теми или другими угодьями. Губернатор отмечал, что в некоторых местах Пинского уезда имеется на лицо враждебное отношение крестьян к помещикам. Впрочем такие отношения являются единичными, а, вообще, отношения крестьян и помещиков довольно хорошие [67]). Оптимизм губернатора Мусин-Пушкина был далек от действительности. Крестьянство Минской губернии переживало ту же нужду в земле, в сервитутных угодьях, в лесе, также эксплоатировалось помещичьей властью, как и в других местах. Поэтому „добрые отношения“ крестьян и помещиков, о которых говорится в отношениях губернатора, должны были нарушиться. И Минская губерния была свидетелем весьма широкого распространения аргарного движения. Аграрные волнения начались в мае месяце в Новогрудском уезде, в местечке Мир, и в имении Щорсы. Крестьянская масса была враждебно настроена и обнаруживала желание разгромить помещичье имение. Вице-губернатору пришлось лично отправиться на места волнений в целях предотвращения открытого сопротивления местной администрации и охраны помещичьих имений от разгрома. Вице-губернатору пришлось вызвать кавалерийские и пехотные части и арестовать зачинщиков, в количестве 16 человек. Такие меры, по мнению губернатора Курлова, внесли успокоение, благодаря чему Курлов признавал положение в уезде удовлетворительным [68]). Впрочем, казаки, кавалерия и пехота не успокоили крестьян. В начале декабря снова начались аграрные волнения в Новогрудском уезде, Городеевской волости. Крестьяне в экономии Гартинга и в имении Заушье стали самовольно рубить лес. Такие же порубки частновладельческих лесов происходи-

ли в волостях: Городеевской, Сновской и Черниховской. Эти отдельные порубки, хотя и приняли значительные размеры, но не перешли в аграрное движение [69]). Губернаторский отчет констатирует распространение агитации среди крестьянства. 6 декабря в местечке Новая Мышь, во время ярмарки открыто пропагандировали двое лиц под охраной 20 человек солдат Барановичской железно-дорожной бригады, не позволявших арестовать агитаторов и стремившихся разгромить винную лавку [70]). Аграрные волнения в Речицком уезде начались в мае месяце в имениях: Ваньковичи, гр. Радицкой и Александра Хорвата. Аграрное движение выразилось в требовании увеличения заработной платы, в неисполнении взятых на себя обязанностей, в самовольной пастьбе скота, в запрещении с угрозами выходить на работу посторонним рабочим и, наконец, в имении Кутовница Хорвата—самовольной рубке леса. Застенковая шляхта рубила на том основании лес, что помещик Хорват неправильно владеет лесом пространством в 600 десятин, и что этот лес пожалован был когда то шляхте польскими королями. По мнению Курлова, наиболее серьезные беспорядки были в селе Стреличеве, крестьяне которого захватили сенокосное урочище Выбедь, принадлежавшее помещику Абрамову. На место беспорядков была выслана рота пехоты, но толпа крестьян не только оказала сопротивление полиции, но не послушала войск, при чем было нанесено оскорбление действием командиру роты и исправнику. В имении Юревичах крестьяне, под влиянием крестьян Павла и Якова Телеши, не допустили нанятых рабочих для посевов. Дальнейшее аграрное движение не получило широкого распространения, так как в гор. Речице был расположен взвод пехоты, вызванный из Гомеля [71]). В Борисовском уезде крестьянские беспорядки вспыхнули в имении Завишин помещика Фальковского. Крестьяне деревни Боброва отказались выполнить судебное решение местного земского начальника об отобрании скошенного ими сена, захваченного самовольно с помещичьего участка. Когда исправник отдал распоряжение рабочим экономии отобрать незаконно скошенное сено, то толпа погнала рабочих и, нанеся побои служащим помещика, увезла часть незаконно скошенного сена. Порядок был восстановлен войсками [72]). На почве общей агитации и, отчасти ввиду старых споров о владении землей, возникли беспорядки в имении Бестроска помещика Роткевича и в имении Селец. В имении Бестроска крестьяне производили самовольную запашку, рубили лес и пасли скот [73]). В августе месяце крестьяне оказали противодействие полиции при защите ею интересов помещицы Андриевской; крестьяне деревни Солоновой мешали производить рубку принадлежащего ей леса. В начале сентября крестьяне деревни Докшицы препятствовали устройству моста у мельницы, принадлежащей помещику Лаврову. Впрочем, волнение скоро прекратилось, так как было достигнуто соглашение. В имении Клавдии Роткевич при деревне Добруни крестьяне оказали сопротивление полиции при производстве взыскания по исполнительным листам, при чем пристав получил удар в грудь камнем и был ранен в голову полицейский урядник [74]). В декабре месяце аграрное движение в Борисовском уезде широко распространилось в районе Логойской волости и захватывало прилегающие местности По всему уезду происходила самовольная рубка помещичьего леса. С помощью полуэскадрона драгун приходилось останавливать и задерживать зачинщиков, передавая последних в руки судебной власти. Кроме того, в деревне Кроквы, Юрьевской волости, крестьянами была разломана мельница у помещика Игнатьева, в деревне Плисы, Смолевичской волости, была спущена

мельница Фон-Гельмерсена, в имении Ганевичах производилась сплошная рубка леса, в имении Заботевичах предполагалось разгромление винокуренного завода. Несмотря на прекращение лесных порубок под влиянием вмешательства военной силы, последние опять возобновились, как только военная сила уходила. Так в имении Радевичи графини Марии Тышкевич и в имении Свяды Иванова, крестьяне вновь произвели самовольную порубку леса. Здесь, собственно и начались аграрные беспорядки, которые были первоначально прекращены [75]). Аграрные движения в Минском уезде начались в имении Станьково, графини Марии Чапской, где несколько крестьян заявили владелице, что они не желают более признавать опеки и требуют отвода места для выпаса скота. В противном случае они поступят самовольно. Крестьяне выполнили свои угрозы, и все попытки непременного члена губернского присутствия раз'яснить крестьянам незаконность их действий не привели ни к чему. Крестьяне продолжали самовольно пасти скот. Присылка казаков внесла успокоение. Крестьяне Семеного Городка самовольно вырыли канаву в гребле, через которую спустили воду на мельнице помещика Хелковского. Канава была зарыта только благодаря вызову взвода казаков. В имении Чуйкевичах крестьяне деревни Заямнак напали на рабочих арендатора Сыркина и так их избили, что некоторых пришлось отправить в госпиталь. В имении Дзягильно помещицы Вощининой крестьяне стали пасти самовольно скот и захватили сенокос. Крестьяне были приведены в повиновение казаками [76]). И в других местностях Минского уезда возникали аграрные волнения, выражавшиеся в забастовках, захватах помещичьих земель и противодействии скопом со стороны местных крестьян наемным рабочим. Эти забастовки прекращались без вмешательства военной силы [77]). В начале декабря аграрные волнения начались в имении Борзино Раковской волости, где забастовали годичные рабочие. Арендатор должен был пойти на уступки. В селе Литвяны, Койдановской волости, крестьянами был остановлен лесопильный завод. Крестьяне деревни Лепевцев, Поморщина и других соседних деревень Ошмянского уезда, Виленской губернии, явились в имение Першаи, графа Эдуарда Тышкевича и потребовали разрешения рубить лес, в чем им было отказано. Тогда крестьяне заявили, что они сами приступят к самовольной рубке леса. Кроме того, крестьяне бросили палками в служащих, разломали крыльцо при квартире ловчего и грозили, что если их требования не будут удовлетворены, то они приступят к разгрому остальной усадьбы. Крестьяне деревни Ляховичи пред'явили требование к экономии имения Станьково, владелицы графини Чапской, с просьбой удовлетворить их убытки в сумме 2000 рублей за заливаемый водою сенокос. Они решили ждать до 11 декабря, а затем приступить к самоуправным действиям [78]). В Мозырском уезде аграрные волнения не получили широкого распространения. Весной был только один случай, когда приходилось вызвать войска в имение Олеское, владельца А. Ансельма, куда приехали выселенные 8 - 9 лет тому назад арендаторы, численностью около 40 человек, и расположились бивуаком на помещичьем дворе. Толпа прибывших увеличивалась стекавшимися из окрестных деревень арендаторами, а в ближайшем лесу сновали крестьяне, ожидавшие развязки дела. На арендаторов уговоры местной власти не оказали никакого влияния. Они заявили, что не уйдут, так как считают имение своей собственностью. Только вызванная полусотня атаманского полка заставила смириться арендаторов, из числа которых 8 было арестовано. Для охраны имения было оставлено 15 солдат [79]). Летом 1905 года в Мо-

зырском уезде, как и в Минском, Новогрудском и Речицком, не было волнений [80]). За то, с новой силой вспыхнули волнения в декабре месяце, в особенности в деревне Хорск, куда был послан взвод солдат [81]). Относительно спокойно было в Бобруйском уезде. Здесь войска не вызывались для подавления крестьянских беспорядков. Впрочем, в имениях Жемчужникова и Китаева крестьяне устроили забастовку и не допустили наемных рабочих для работ [82]). В августе месяце произошли аграрные волнения в имении Стужки, где лесной сторож убил крестьянина деревни Здудичи. Это убийство взволновало крестьян, которые в количестве 70 человек явились к владельцу с требованием обеспечить семью убитого и выдать им убийцу. Движение крестьян прекратилось в силу вызова солдат. В том же имении 19 сентября произошло недоразумение между крестьянами и управляющим имением при рытье картофеля. Крестьяне требовали повышения заработной платы [83]).

В декабре месяце были незначительные порубки в имении Яново Радуша, владельца Прушановского, прекращенные полицией [84]). Волнения в Игуменском уезде начались с имения Синча владельца Ратынского. Тут рабочие устроили забастовку под непосредственным влиянием политических агитаторов, в лице владельца имения Блонь, Бонч-Осмоловского и его служащих. Прибытие войск и арест 4-х главных агитаторов восстановил работы [85]). В сентябре месяце крестьяне деревень Гудовичи и Верхлисье произвели самовольную пастьбу скота на угодьях помещика Ельского. Когда последний хотел прогнать скот, то ему были нанесены побои [86]). Осенью были весьма распространены беспорядки по уезду. Особенно было значительно аграрное движение среди крестьян деревни Озеричино, Дудичской волости. Крестьяне явились в усадьбу имения Озеричино, выломали замки в сарае и произвели грабеж. Прибывшему на место приставу было оказано сопротивление. Высланная воинская команда прекратила движение. Кроме того, в декабре месяце были значительные аграрные волнения в деревнях Смолевичской волости, в деревне Моторово, Дукорской вол. и в имении Узляны. По мнению губернатора, только благодаря отсутствию войск нельзя было усмирить уездное аграрное движение [87]). Крестьянские движения в Слуцком уезде начались с мая месяца и вызвали широкое брожение среди крестьянского населения. Крестьяне проявляли постоянные попытки к захвату помещичьих угодий, устраивали забастовки и противодействовали скопом наемным рабочим. Беспорядки не были значительны по своим размерам, но губернатор признавал положение весьма натянутым. Губернатор отмечает волнения в Клецкой волости, в деревне Бучатине, в имении князя Радзивилла, при хуторе Орлек, в имении Коцельник дворянина Наркевича, в имении Кухчицы, Рымашевского, в местечке Копыле помещика Тышкевича, в деревне Жаулка, Поцейковской волости, в имении Кокоричи помещика Тышкевича, в деревне Горностаево владелицы Мебес, и в деревне Дубин, в имении бр. Шарковых. Кроме того, крестьяне деревни Гусаково захватили место вспашки земли в урочище Сукорды помещика Обуховича, причем толпою было оказано насилие над рабочими помещика. Прибывшему на место приставу категорически заявили, что они это место считают своим, и Сукорду не допустят к пашне [88]). Осенью и зимой были значительные аграрные беспорядки. Гнездом пропаганды являлись местечки: Копыль и Ляховичи, где мещане специально организовывали целые набеги с целью грабежа помещичьего леса. Увещания администрации не производили никакого впечатления. Кроме того, порубки производились в имении Шостах

Войниловича, близ местечка Копыля, в имении князей Радзивилл и в имении Даминских. Благодаря отсутствию войск движение разросталось и остановить его было не возможно. Самовольные рубки все увеличивались и распространялись. Крестьяне Сновской волости похитили готовые дрова из участков Гусаковской лесной дачи. Рабочие и батраки разгонялись. От всех владельцев имений получались сведения о готовящихся массовых порубках леса, о разгромах фольварок и усадеб, об агитации среди рабочих и крестьян—членов всех революционных обществ. Впрочем, губернатор считает многие из этих заявлений продиктованными преувеличенным страхом[89]). Наконец, в Пинском уезде возникали недоразумения на почве сервитутных отношений[90]). Впрочем, в декабре месяце положение весьма обострилось. Губернатор считает положение весьма напряженным, благодаря тому, что весьма развита сильная агитация из Гомеля, Могилевской губернии. Так, в местечке Лунинец произошла драка между евреями и рабочими шпалопробиточного завода. В остальных частях уезда стало проявляться усиленное брожение среди крестьян. Так, в деревне Ураглевичи, Тереханской волости, и в имении Поречье Сигизмунда Скирмунта были пред'явлены крестьянами всевозможные экономические требования. Равным образом, таковые были пред'явлены к помещику Свежинскому из-за земельных угодий. В деревне Подболотье помещика Бакуненко происходила рубка леса. Положение осложнялось тем, что нельзя было вывести войска из города Пинска, присутствие которых там было необходимо[91]). Картина аграрных движений в Минской губернии на основании данных губернатора Курлова почти аналогична движению в Витебской губернии. Наибольший под'ем волны движений падает на весну, осень и зиму 1905 г. Губернаторский отчет о волнениях не отмечает ни одного случая, когда бы крестьяне отказывались выбирать сотских и десятских под тем предлогом, что в отправлении административно-полицейских функций должны принимать участие и другие сословия. Конечно, не все обстояло благополучно и в Могилевской губернии, где еще в 1904 г. постоянно возникали крестьянские волнения. Впрочем, губернатор также стремился об'яснить последние революционным настроением еврейства. Отвечая на циркуляр министра внутренних дел от 27 февраля 1905 г., Могилевский губернатор должен был отметить наличие среди крестьян слухов о новом наделении землей. Губернатор как будто бы не придавал особенного значения последним, так как они продолжаются десятки лет и нового собой ничего не представляют. И тем не менее, губернатор должен был признать, что „крестьяне стали много смелее; нарушения прав чужой собственности бывают чаще, хотя у крестьян остается убеждение, что силою у помещиков земли отнять нельзя, но царь может это сделать так, как это было сделано в 1861 году, то-есть отдать ее крестьянам на выкуп". В Могилевской губернии сельское население нуждается, главным образом, в лесе и пастбищах, и в удовлетворении этих потребностей не останавливается ни перед чем. Губернатор отмечает, что последнее время были отдельные случаи захвата помещичьего леса при полном сознании его незаконности, в чем проявлялось в полном смысле слова, „своеволие и неподчинение требованиям властей". Крестьяне ждут земли и вполне убеждены, что так или иначе ее получат. Под влиянием действительной нужды в ней, недоброжелательно относятся к тем, у кого таковой много. Отмечая экономические пожелания крестьян, губернатор сообщал, что, хотя революционная пропаганда и сильно развилась, но своей цели она не достигает. По мнению губернатора, крестьяне считают разбра-

сываемые листки преступного содержания пустыми бреднями неблагонамеренных людей. Впрочем, губернатор находил нужным относиться к этой пропаганде с некоторой опаской, так как „революционная пропаганда, не действуя непосредственно на население, развивает и поддерживает в нем нервное настроение, которое выражается в ожидании каких-то перемен к лучшему, ибо так продолжаться не может". В общем, губернатор должен был признать „нервное, напряженное и ожидательное настроение в среде всех классов населения". По мнению губернатора, „нет оснований ожидать каких-либо крупных беспорядков на аграрной или национальной почве, но отдельные случаи насильственных захватов чужой собственности и проявления злобы к евреям несомненно будет время от времени происходить на пространстве всей губернии[92]). Однако, прогноз губернатора не оправдался. В своем отчете за 1905 г. он должен был признать, что аграрные волнения охватили всю губернию. Губернатор считал виновными в волнениях оторванных от земли крестьян, уволенных с заводов, социалистов-революционеров, еврейское население, „Бунд". Аграрные волнения на территории Могилевщины носили такой-же характер, как и в других губерниях[93]). Кажется, более всего были распространены аграрные волнения в Климовичском, Гомельском и Чериковском уездах. Прежде всего, аграрное волнение выражалось в отказе от работы, в организации сельско-хозяйственных забастовок. В этом отношении наиболее характерно было движение, начавшееся в июле в поместьи Королева, Телешевской волости, Гомельского уезда, где имелся стенно-прессовальный завод, на котором работали более 1,000 человек. Прибывшие агитаторы заставляли рабочих прекратить работы и требовали увеличения заработной платы до 1 р. 50 к. Организовать забастовку не удалось, но один из агитаторов нанес одному из урядников удар кистенем по голове и кинжалом рану[94]). 11 июля началась забастовка на гвоздильном заводе в имении Барань, Оршанского уезда. Рабочие прекратили работу, устроили общую забастовку и требовали от администрации завода улучшения их рабочего быта и надбавки к заработной плате. Впрочем, забастовка скоро прекратилась, так как директор завода пошел навстречу высказанным требованиям рабочих[95]). Центрами революционных организаций в Могилевской губернии были местечки, которые своим настроением, по мнению жандармской полиции, оказывали громадное влияние на настроение крестьянской массы. В местечках протесты рабочих также выражались в забастовках. Так, 20 февраля забастовали рабочие кафельных заводов местечка Копыся. Рабочие силой заставляли прекратить продолжавших работать рабочих[96]). В конце января в местечке Ветки, Гомельского уезда, где находился канатный завод, явились агитаторы, требовавшие прекращения работ. К толпе агитаторов присоединилась часть рабочих, которые с пением и криком „Долой самодержавие", „Долой войну", демонстративно направилась по улице; впрочем демонстрация не удалась, так как при виде местного пристава, демонстранты разбежались[97]). 9 апреля вновь вспыхнула забастовка на Копысских кафельных заводах. Рабочие потребовали: 1) повышения сдельной и поденной платы; 2) 8-ми часового рабочего дня и 3) чтобы хозяева не имели права принимать и расчитывать рабочих без согласия всех рабочих. Хозяева отказались. Поэтому была об'явлена забастовка всех рабочих, причем было постановлено не прекращать ее до тех пор, пока хозяева не согласятся на все требования[98]). 29 июня в мест. Толочине была устроена всеобщая забастовка. Все лавки были заперты. Хлеб и булки не пеклись и не продавались. Не продавалось

также и мясо. В 6 часов вечера толпа в 200 человек устроила вооруженную демонстрацию, состоящую в следующем: толпа медленно шла по улице, впереди ее шли евреи, с обнаженным холодным оружием, за ними шли с кистенями и нагайками, поднятыми кверху, в центре толпы несли больших размеров красный флаг с темными золотыми надписями. Толпа часто произносила слова „Долой самодержавие" [99]). 23 июня произошла забастовка в местечке Старом Толочине, Оршанского уезда, где прекратилась всякая торговля, мастерские, хлебопекарни и всякие другие работы. Только торговля вином под надзором полиции производилась без перерыва [100]). 9 июля происходили демонстрации в местечке Шклове, Могилевского уезда, и в городе Быхове [101]). 30 июля произошла забастовка на льно-прядильной фабрике в селе Высочанах, Оршанского уезда. Рабочие потребовали повышения заработной платы, уменьшения числа рабочих часов, устройства приемного покоя и русской бани и вежливого обращения с рабочими. Управляющий фабрикой, Мюнинг, с согласия находившегося за-границей владельца, об'явил о повышении заработной платы на 10 процентов, и обратился к рабочим с предложением продолжать работы до тех пор, пока не приедет сам владелец фабрики. Рабочие отказались, получили расчет, и фабрика перестала действовать [102]). Аграрные волнения, выражавшиеся в порубках леса и захвате помещичьего имущества, имели место во всей губернии [103]). С ноября месяца крестьянские движения несколько видоизменяют свой характер. В них заметно начинает преобладать политический элемент. Так, 17 ноября в селе Савино, Дубровенской волости, Горецкого уезда, собралось по 5 крестьян из двух волостей: Дубровенской волости и Холбянской. Сюда-же явилось 8 священников и земский начальник. В церкви был прочтен манифест 17 октября. Затем, под открытым небом происходило собрание, во имя которого, после речи земского начальника, народ кричал „Долой". Таким-же криком встречались речи и других должностных лиц. Фельдшер Дубровенской сельской лечебницы, Александр Котов выступил резко против правительства и духовенства. По его мнению, правительство тянет с крестьян гроши последние и отдает начальству растить брюхо. Нам не нужно того правительства и начальства, которое пьет нашу кровь. Нам нужно правительство, которое-бы управлялось народом и, чтобы начальство было бы поставлено народом. Затем, Котов советовал отнимать землю у помещиков и священников, говоря, что она куплена кровью наших дедов; призывал рубить леса и насильно брать хлеб с фольварка; не слушать начальства; призывал к борьбе с правительством, а также требовать увеличения заработной платы. Крестьяне одобрили речь криками „браво" и поднимали Котова на руках. 20 ноября тот-же Котов произнес речь в селе Савино, в церковно приходской школе. 24 ноября Котов явился в местечко Росасну, Горецкого уезда, около 12 час. дня, где на базарной площади поставил стол, с которого говорил собравшимся крестьянам речь, призывая к насилию над полицией и к неповиновению властям. Речи Котова произвели на крестьян сильное впечатление. Крестьяне стали устраивать в экономиях самовольные порубки леса. 18 ноября крестьяне деревни Устья около 70 человек согнали рабочих в имение Микольщина, князя Любомирского, арендуемого Иосифом Гзовским. Крестьяне требовали повышения платы до 1 рубля в день, а самому Гзовскому предложили удалиться из дома, говоря, что дом и земля в настоящее время переходят в их собственность. Впрочем, когда Гзовский пообещал уплатить вместо 20—25 - 30 по 40 коп., крестьяне не удалились. 19—20 ноября была

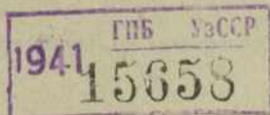
забастовка в имении Усьвятах Цикерта. Затем были забастовки в имениях: Холовье, Слебцах, Зарубках. В Слебцах был остановлен винокуренный завод. 22 ноября, около 2-х часов дня, крестьяне деревень: Батуровщины, Балевщины и Застенок, в числе 300-х человек, пришли в лес при хуторе владельца Владимира Андрианова, где рубил лес, купивший его еврей, Мовша Мирер. Крестьяне выставили рабочих, говоря, что лес их, а затем потребовали от Мирера 10 рублей, что он им дал. 21 ноября, около 5 часов вечера, к священнику Хоминской церкви пришло несколько крестьян деревни Корабык, Холбнянской волости и, еще 15 человек из других деревень и потребовали от священника манифест 1903 г, будто-бы спрятанный им, на основании которого крестьяне имеют право на помещичью землю и церковную. 21, 22, 25 ноября в местечке Лядах 2 приезжих оратора говорили речи собравшимся крестьянам и евреям и призывали к насилию и неповиновению властям и неплатежу налогов. 22 ноября толпа ходила по улицам с криками: „Долой самодержавие, долой царских собак". 24 ноября в деревне Коришкове, Баевской волости, какие то два ученика Горецких учебных заведений зашли в избу крестьянина Андрея Исакова и зазвали туда крестьян; подстрекали их к забастовкам и насилию над помещиками. Затем, эти ученики направились в деревню Демьяново. Таким образом, к концу 1905 г. волна аграрных движений значительно поднялась, и губернатор имел полное право констатировать, что вся губерния была охвачена аграрными волнениями[104]).

Гродненский губернатор, в своем отчете за 1904 год, признавая урожай удовлетворительным, указывал, что продовольственные нужды будут обеспечены и что не потребуется никакой правительственной помощи. Тем не менее, отдельные нужды были удовлетворены из местных запасов. И все же ему пришлось признать плохой урожай сена, недобор ржи, уменьшение урожая картофеля, а также рост недоимок, сокращение промышленности продукции, вызванное забастовками и агитацией. В 1904 году происходили аграрные движения, выходившие за пределы обычно местных столкновений крестьян с помещиками только в Пружанском и Кобринской уездах. Население деревень требовало дележа помещичьих земель, приостановки действий винокуренных заводов, самовольно рубило лес, снимало сельско-хозяйственных рабочих. Агитация широко охватила губернию и создавала весьма повышенное настроение[105]). В своем отношении от 16 марта губернатор Осоргин уведомлял министра внутренних дел о том, что „хотя крестьяне на сходах ведут везде себя спокойно, ни в чем не нарушают обычного хода своей жизни, не проявляют признаков неудовольствия, ни склонности к каким-либо волнениям, однако под влиянием сведений с театра войны, а также слухов о предстоящей мобилизации, среди крестьян заметно лишь повышенное нервное состояние, которое пока ни в чем не проявилось, несмотря на крупные рабочие беспорядки по отдельным пунктам губернии, а также на значительное крестьянское движение в соседней Седлецкой губ." Крестьяне оставались спокойными, несмотря на то, что подпольная деятельность отдельных смутьянов и злонамеренных людей, подбрасывавших прокламации, призывала народ от имени царя к движению против
щиков и отобранию у них земли. Тем не менее, губернатор б
нужден признать, что на совещаниях крестьян с земскими на
ками выяснилось, что крестьянам не чужда мысль о том, что
должна принадлежать тем, которые сами ее обрабатывают,
ду этого, а также недостатка земли, прироста населения, по
землевладение должно быть уничтожено и за счет его долж

произведен дополнительный надел их землею. Губернатор думает, что всякое крестьянское движение в пользу осуществления его нужд и пожеланий будет встречено крестьянами весьма сочувственно. Поводов к этому движению много. Они могут возникнуть на почве недоразумений из-за земли между крестьянами и помещиками, в особенности, когда „они, имея за собою в пользу помещика юридическую правоту с нравственной стороны, складываются в пользу крестьян и, таким образом, требуют удовлетворения с точки зрения общечеловеческой правды“. Поэтому, губернатор отдал распоряжение земским начальникам, чтобы они, путем личных и письменных сношений с помещиками, а в особых случаях, при посредстве предводителей дворянства, принимали на себя обязанность мирного доброжелательного посредничества между крестьянами и помещиками и оказывали на последних воздействие путем уступчивости в таких случаях, когда без особенного ущерба их собственным интересам можно поступиться в пользу крестьян, исходя из нравственной и добрососедской точки зрения Для того, чтобы недоразумения крестьян с помещиками не были поводом к длительным недоразумениям и не обострили отношений помещиков и крестьян, губернатор отдал приказ, чтобы эти недоразумения разбирались вне очереди, как можно скорее [106]). В своем отношении от 14 апреля, в ответ на циркуляр министра внутренних дел № 4, он должен был признать, что население очень встревожено, что по всей губернии разбрасываются прокламации и на польском и русском языках, призывающие к неуплате казенных и мирских сборов, к невыбору должностных лиц и к неуплате выкупных платежей. Бороться с агитацией довольно трудно. Губернатов счел нужным отметить тяжелое материальное положение крестьян: 1. Наличие малоземелья в результате удвоения или утроения населения. 2 Сокращение надела, так как размер такового остался таким-же, каким был в 1861 г. 3. Расчистка пастбищ. 4. Сокращение скотоводства. 5. Уменьшение удобрения полей. 6. Падение урожайности. Особенно было тяжело положение крестьян в Кобринском, Брестском и Волковыском уездах, где почва плохая и где хлеба хватае только до Рождества. Железные дороги убили извозный промысел. Семейные разделы ухудшили материальное положение крестьян. Между помещиками и крестьянами прекратились добрососедские отношения на почве нарушения сервитутных пастбищ и лесов, которые не предоставлены по выкупным актам крестьянам. В губерниях распространена агитация об отобрании земли. Крестьяне недовольны распределением повинностей между сословиями, отягощены мостовой повинностью, недовольны тем, что волостные сборы, идущие на содержание личного состава волостного правления, собираются с одних крестьян. Все эти факты, по мнению губернатора, поддерживают в сельском населении весьма возбужденное состояние и, при известных случаях, могут стать причиной аграрного движения. Аграрное движение в Гродненской губернии более всего было распространено: в Кобринском, Пружанском и, отчасти, Брестском уездах. Отмечая распространение агитации по всей губернии, губернатор отметил особенный под‘ем последней после манифеста 17 октября [107]).

Виленский губернатор должен был признать, что с об‘явлением войны усилилась деятельность социал-революционных партий. Губернатор не хочет признать, что причина возбужденного настроения крестьянства находится в общих условиях жизни сельского населения. Однако, он готов признась дробление крестьянских хозяйств, а вместе с тем и отсутствие у крестьян „уважения к святому праву соб-

ственности". Впрочем, губернатор готов допустить, что неправильные действия сборщиков податей могут быть причиной крестьянского неудовольствия. Необходимо вести борьбу с аграрным движением путем полицейских репрессий, и для этой цели необходимо усилить полицию. Крестьяне Виленской губ. самовольно рубили лес, угрожали помещикам, не желали платить налогов, как казенных, так и местных, отказывались от уплаты недоимок, захватывали самовольно пастбища и землю. Путем репрессий Виленскому губернатору удавалось успокоить взволнованное крестьянское население [108]). Таким образом, аграрные волнения в 1905 году широкой волной разлились по всей Белоруссии и захватили все крестьянское население. Тяжелые условия жизни, безвыходность положения, голод и нужда в топливе заставляли крестьян итти против помещика и не бояться ни казаков, ни пехоты, ни судебного расследования и понесения соответствующего наказания. Правительство, отчасти сознавая невыносимо тяжелое положение крестьянской массы, однако, стояло на стороне классовых интересов землевладельцев и, опираясь на организованную военную силу, старалось поддерживать неприкосновенность земельной собственности класса землевладельцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Канцелярия Витебского Губернатора. Стол Секретный, № 92 Дело Земского начальника по разграблению имения Сивергоф - стр. 16
2) Мелешко, Селянскій рух на Віцебшчыне ў 1905 (Полымя 1925, VII, стр. 107—108.
3) Полымя № 7, стр. 109.
4) Дело Зем. Начал. стр. 14.
5) Дело Двинского Уездного Врем. Ком. образов. по закону 10 апр. 1905, стр. 5.
6) Дело Зем. Нач. Дв. уезда стр. 14 об.
7) Дело Двинск. Уезд. Врем. Ком. л. 2—3.
8) Секретная переписка Вит. Губ., лл 35—36.
9) Дело Земского Начал., л. 15-й
10) Секретная переписка Вит. Губ., л., 121.
11) Секретная переписка Вит. Губ., л., 251.
12) Секретная переписка Вит. Губ. л. 625.
13) Секретная переписка Вит. Губ. лл. 627—628.
14) Ibid лл. 623--634.
15) Ibid, лл. 694—696.
16) Ibid лл. 165—166.
17) Канц. Вит. губернатора, дело о беспорядках по Витеб. уезду стр. № 742 л. 1.
18) Ibid лл. 43. 58.
19) Ibid лл. 198.
20) Ibid лл. 191. 204—207.
21) Ibid л. 224.
22) Ibid л. 220.
23) Ibid л. 282.
24) Ibid л. 234.
25) Ibid л. 236.
26) Дело о беспорядках в Городокском уезде, Кан.Вит. Губ., № 731.
27) Ibid, л. 37.
28) Кан. Вит. Губ. Дело о беспорядках по Люцинскому уезду № 1078, л. 1 и сл.
29) Ibid, л. 4.
30) Ibid, л. 8.
31) Ibid, л. 14.
32) Кан. Вит. Губ. Дело о беспорядках в Дриссенском уезде, № 728, л. 1.
33) Ibid, л. 4.
34) Ibid, л. 4.
35) Ibid, л. 38, 36 Ibid, л. 73.
36) Ibid, л. 74.
37) Ibid, л. 100.
38) Ibid, л. 101.
39) Кан. Вит. Губ. О лицах, состоящих под надзором полиции, № 679 л. 4
41) Ibid, л. 16—18.
42) Ibid, л. 30.
43) Дело о беспорядках в Дриссенском у. л. 107.
44) О лицах, сост. под надзором полиции, л. 16—17.
45) Дело о беспорядках в Дриссенском уезде, л. 56.
46) Ibid, л. 59.
47) Ibid, л. 76.
48) Ibid, л. 111.
49) Ibid, л. 116.
50) Ibid, л. 117.
51) Канц. Вит. Губер. Секретный стол, № 18. Отнош. уездного исправника.
52) Ibid. Донесение Невельского исправника.
53) Кан. Вит. Губ. № 597—689 л. 203.

54) Ibid. л 115.
55) Ibid, л 120.
56) Ibid, л 120.
57) Ibid. л 129.
58) Ibid, л 122.
59) Ibid, л 135.
60) Ibid, л 150.
61) Ibid, л 139—170.
62—63) Ibid, л 230.
64) Дело по циркуляру № 4 (Архив б. Внут. Дела). Донесение Витебского губернатора стр. 35—38.
65) Отчет Вит. Губ. за 1905 г. (Архив б. Мин. Внут. Дел).
66) П. Карпов. Крестьянское движение в революции 1905 г., в документах в Ленинград. 1925 г., стр. 159—160.
67) Дело по циркуляру № 4. Сообщение Минского Губернатора.
68) 1905 год у Белоруссии, Минск, 1925 г., стр. 75.
69) Ibid, стр. 89.
70) Ibid, стр. 89.
71) Ibid, стр. 75.
72) Ibid, стр. 76.
73) Ibid, стр. 76.
74) Ibid, стр. 81.
75) Ibid, стр. 88.
76) Ibid, стр. 76.
77) Ibid, стр. 76—77.
78) Ibid, стр. 87—88.
79) Ibid, стр. 77.
80) Ibid, стр. 81.
81) Ibid, стр. 96.
82) Ibid, стр. 77.
83) Ibid, стр. 81.
84) Ibid, стр. 89.
85) Ibid, стр. 77.
86) Ibid, стр. 81.
87) Ibid, стр. 89.
88) Ibid, стр. 77.
89) Ibid, стр. 91.
90) Ibid, стр. 78.
91) Ibid, стр. 89.
92) П. Карпов. Крестьянское движение в революции 1905, стр. 107.
93) Отчет губернатора за 1905 г. (Архив б. М. В. Д).
94) 1905 г. у Белоруссии, стр 213, № 20.
95) Ibid, стр. 217—218, № 25.
96) Ibid, стр. 208, № 8.
97) Ibid, стр. 249, № 10.
98) Ibid, стр. 211, № 13.
99) Ibid, стр. 211—212, № 15.
100) Ibid, стр. 213, № 19.
101) Ibid, стр. 217, № 28.
102) Ibid, стр. 221. № 31.
103) Ibid, стр. 230, № 29.
104) Ibid, стр. 236, № 55.
105) Отчет Грод. губ. за 1904 г. (Ар. б. М. В. Д.).
106) П. Карпов. Крестьянское движение, стр. 98—100.
107) Дело по циркуляру № 4, № 4а, стр. 75—78.
108) Отчет Виленского губернатора за 1904 г. (Ар. б. М. В. Д.).

Содержание предыдущих номеров „Трудов Б. Г. У."

№ 1.—От редакции.—**М. Б. Кроль.** Мышление и речь. — **В. Н. Ивановский.** Логика истории, как онтология единичного. — **С. Я. Вольфсон.** Диалектический материализм в творчестве Г. В. Плеханова. — **Г. С. Гурвич.** Право и нравственность, с точки зрения материалистического понимания истории.—**И. М. Соловьев.** Школа и задачи научной педагогики.—**В. Н. Перцев.** Социально-политическое мировоззрение Платона.—**Н. М. Никольский.** Феодальные отношения в древнем Израиле. — **М. Г. Сыркин.** Донателло и раннее Возрождение.—**А. Н. Вознесенский.** Метод изучения литературы. — **Н. В. Шаров.** Стихотворения Г. Гейне в переводах Ф. И. Тютчева. — **В. И. Пичета.** Волочная Устава королевы Боны и Устава о волоках. — **А. А. Савич.** Западно-русские униатские школы XVII—XVIII веков. Униатские школы для западно-русского юношества до Брестской церковной унии (1596 г.)—**Ф. Ф. Турук.** Летопись Белорусского Гос. Унив-та.—Хроника Бел. Гос. Унив-та.

№ 2—3. От редакции.—**В. В. Лепешкин.** О свертывания белка.—**М. П. Соколовский.** К вопросу об элиминации бактерий из брюшной полости — **В. Н. Ивановский.** Логика истории, как онтология единичного. — **В. Н. Перцев.** Социально-политическое мировоззрение Платона. — **Д. А. Жаринов.** Шляхетское представительство в конституционных проектах 1730 г.—**Н. В. Шаров.** Стихотворения Г. Гейне в переводах Ф. И. Тютчева—**М. Г. Сыркин.** Донателло и раннее Возрождение. — **А. А. Савич.** Западно-русские униатские школы XVII- XVIII веков.—**Н. М. Никольский.** Керубы по данным библии и восточной археологии.—**В. И. Пичета.** Наказ старостам и державцам и Волочная Устава—**В. Н. Ивановский.** Ассоциационизм у А. Бэня.—**Н. В. Шаров.** Николай Андреевич Янчук (некролог). — **С. Я. Вольфсон.** Маркс и Лассаль в переписке с Г. Гейне. — **И. Ю. Маркон.** Страна „Шабат" в „Хожении за три моря" Афанасия Никитина в 1466—1472 г. г. —**С. З. Каценбоген.** Белор. Госуд. Университет в 1921-22 акад. году (Итоги и перспективы).—Хроника Белор. Госуд. Университета.

№ 4—5.—От редакции.—**И. И. Замотин.** Некрасов-художник (1821—1921 г.) К истории демократизации русского слова.—**Н. М. Никольский.** Следы магической литературы в книге Псалмов.—**В. Н Ивановский.** Ассоциационизм у А. Бэна. — **В. Н. Перцев.** К вопросу об общинной собственности у древних германцев.—**В. И. Пичета.** Состав населения в господарских дворах и волостях западной Белоруссии в пореформенную эпоху.—**М. П. Соколовский.** К вопросу об элиминации бактерий из брюшной полости.—**М. Г. Сыркин.** Донателло и раннее Возрождение.—**Н. Н. Щекатихин.** Иллюстрации Дан. Ходовецкого к „Буре" Шекспира.—**Л. П. Розанов.** I. Действие крови, как пищевого материала на деятельность пепсиновых желез. II. Случай исследования спиномозговой жидкости при Encephalitis lethargica на присутствие глюкозидазы. — **Е. Е. Сиротин.** Интегрирование уравнения Riccati вида $y^0+y^2+\frac{a}{x}=0$.—**А. В. Федюшин.** К вопросу о фаунистическом исследовании Белоруссии.— **П. А. Мавродиади.** „Косое" деление у инфузорий.— **И. И. Замотин.** Накануне Островского.—**С. Я. Вольфсон.** Плеханов—народник.—**Е. И. Боричевский.** О природе эстетического суждения. — **И. Ю. Марков.** Город Янболи,— **С. Я. Вольфсон.** Г. М. Марков (некролог). **С. З. Каценбоген.** Белорусский Государственный Университет.—**Он же.** Спорные вопросы генеономии.—**Он же.** Сложная форма брака в Абиссинии.

ЦЕНА 1 р.

№ 6—7.—От редакции.—**С. З. Каценбоген.** Ленин о государстве.—**С. Я. Вольфсон.** К вопросу марксизма и государства.—**М. М. Піотуховіч.** Францішак Багушэвіч, як ідэолёг беларускага адраджэньня і як мастак.—**И. И. Замотин.** Вечно юное в поэзии Пушкина.—**Е. И. Боричевский.** „Памятник" Пушкина.—**А. Н. Вознесенский.** Классификация методов историко-литературной науки. **Вл. Н. Ивановский.** Пушкин в истории русской общественности.—**В. Воўк-Левановіч.** Гістарычнае вывучэньне беларускай мовы ў славянскай філёлёгіі.—**И. М. Соловьев.** Школоведение, как предмет науки.—**Н. М. Никольский.** Талмудическая традиция об Инсусе.—**В. Н. Перцев.** Историческая идеология Бисмарка.—**И. Д. Сосис.** К истории антиеврейского движения в царской России.—**С. З. Каценбоген.** Правовое положение евреев в Белоруссии накануне революции 1917 г.—**И. В. Герчиков.** К идее государства у Лассаля.—**В. Д. Дружчыц.** Палажэньне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасьля Люблінскай вуніі.—**Д. А. Жаринов.** Крестьянская диференциация перед падением крепостного права.—**М. О. Гредингер.** Проблема возложения обязанности загладить вред и отношение ее к обязательству возмещения причиненного вреда.—**И. Я. Герцык.** Теория ренты в связи с трудовой теорией стоимости.—**Б. И. Пичета.** Состав населения в господарских дворах Зап. Белоруссии в пореформенную эпоху.—**М. Б. Вайнгор.** Исследуйте еврейские диалекты! (на евр. яз.).

№ 8—9—10.—От редакции.—**А. В. Федюшин.** 1. Материалы к изучению орнитофауны Мурмана. 2. К биологии Tadorna rutila Pall.—**Н. А. Збитковский.** Материалы к флоре Белоруссии.—**Е. М. Зубкович.** К планктону водоемов Минского округа.—**А. П. Розанов.** 1. О действии тиреоидина на функции коры головного мозга. 2. О влиянии тиреоидина, церебрина и кордина на анаэробное дыхание дрожжей. 3. Новые данные по вопросу о влиянии тиреоидина на алкогольное брожение.—**А. П. Бестужев.** К вопросу о возбуждающем действии угольной кислоты.—**С. М. Рубашев.** Нервная система мочеполового аппарата у мужчин.—**М. П. Соколовский.** К вопросу об элиминации бактерий из брюшной полости.—**Е. А. Федорова.** К вопросу о формах бешенства у человека.—**В. А. Леонов.** Опыт образования и угашения простого условного рефлекса у рахитика.—**А. Е. Мангейм** и **Б. Н. Цыпкин.** Материалы к изучению хрящевой пластики.—**Н. А. Прилежаев.** Окисление лимонена гидроперекисью бензоила.—**Вл. Н. Ивановский.** Из лекций по методологии наук. Гл. 1.—**Е. Е. Сиротин.** О температурном градиенте в атмосфере и барометрической формуле.—**С. И. Лебедкин.** К технике графических реконструкций.—**Хроника Бел. Гос. У-та.**

№ 11.—От редакции—**С. З. Каценбоген.** Диалектический материализм и механическое мировоззрение.—**И. Я. Герцык.** О некоторых проблемах теории политической экономии.—**В. Н. Ширяев.** Основные начала уголовного законодательства СССР.—**М. О. Гредингер** Брак и закон.—**М. Я. Гредингер.** Думкі аб неабходнасьці выданьня грамадзянскага працэсуальнага кодэксу для Беларусі.—**И. Я. Герцык.** Аграрные реформы в Западной Европе в последнюю четверть XIX столетия и после войны.—**В. І. Пічата.** Зямельнае права ў статутах 1529 і 1566 гадоў. **В. И. Пичета.** Крестьянское и рабочее движение на Белоруссии в эпоху 1905 года.—**С. Я. Вольфсон.** Факультэт права і гаспадаркі Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту.

N000000 192960 1